

Карина Шаинян Долгий путь на Бимини

Бимини –

Текст предоставлен автором <http://litres.ru/>
«Шаинян К. Долгий путь на Бимини»: АСТ; М.; 2010
ISBN 978-5-17-066335-4, 978-5-403-03475-3

Аннотация

Роман, который невозможно отнести ни к одному из существующих литературных жанров! Крепкий коктейль из сюрреализма и мистики, черного юмора, оккультизма и даже «крутого ужастика». Здесь современный нейрохирург стремится пересадить женскую душу в тело игуаны, здесь плетутся интриги против Барона Субботы, положительные персонажи превращаются в зомби, не теряя своей положительности, а бессмертные моряки с загадочного пиратского судна обречены вечно разыскивать «остров юности» из карибских легенд. Здесь возможно все – и никто не знает, что произойдет с ним в следующий момент...

Карина Шаинян Долгий путь на Бимини

Тому, без кого этого романа не случилось бы, – с любовью и благодарностью

Пролог

Мышь тревожно мечется по маленькой клетке, стоящей в углу лаборатории. Из-за решетки ей видны полки, сколоченные из толстых досок; светильники бросают маслянистые отблески на реторты, ступки, стальные ящики с тонким и страшным инструментом. Шкафы

полны флаконами с загадочными жидкостями и картонками с порошками. Стены, сложенные из грубого надежного камня, теряются в полумраке. Через зарешеченное окно полуподвала виден кусочек мощенного булыжником двора, освещенного факелами, и подножие крепкой стены. Над ужасающе белым, без единого пятнышка, мраморным столом жадно нависает огромная лампа.

Посреди лаборатории стоит Страшный Человек. От него едко пахнет химикалиями, сталью, кровью. Мышь дрожит, нервно подергивая носом. Она знает, что когда-нибудь Страшный Человек откроет клетку, ухватит ее поперек туловища и потащит на белоснежный стол, под беспощадный свет. Однажды он уже сделал это, – и рано или поздно боль и ужас, пережитые мышью, повторятся. Но сейчас Страшный Человек занят. В его руках – большая банка, наполненная слабо фосфоризирующей жидкостью. Жесткие темные пальцы обхватывают стекло почти нежно. Глаза у Страшного Человека покраснели и слезятся от усталости. На заросшем щетиной твердом лице – напряжение и надежда.

В банке вяло шевелит плавниками большая толстая рыба. Ее белесая кожа, лишенная чешуи и никогда не знавшая солнечного света, лоснится; безглазая губастая морда полна тупого отвращения. Иногда рыба заваливается на бок, и тогда становится виден длинный багровый шов на раздутом брюхе.

– Где? – вопрос Страшного Человека звучит, как удар хлыста.

Рыба вздрагивает и медленно поворачивается вокруг оси. Описав три четверти круга, она останавливается и замирает, едва поводя жабрами.

Лицо Страшного Человека раскалывает хищная улыбка. Он крутит банку – и рыба послушно вращается, снова указывая прежнее направление.

От этого занятия Страшного Человека отвлекает резкий звон тюремного колокола. Человек вскидывает глаза к двери, прислушивается, склонив голову набок. Досадливо дергает плечом и возвращается к банке.

– Где?

Торопливые шаги в коридоре, стук. Страшный Человек кривит рот, не отрывая взгляда от рыбы.

– Доктор Анхельо! Доктор!

В дверь барабанят кулаками. Страшный Человек, чертыхнувшись, ставит банку на стол, – с крышки с глухим стуком падает какой-то увесистый предмет, но человек не обращает на это внимания.

– Что такое? – раздраженно спрашивает он, распахивая дверь.

– Побег!

– Я тюремный врач, а не охранник, – ядовито отвечает Страшный Человек. Пришедший, низенький толстяк в шинели, из-под которой торчат голые ноги, шепчет, опасливо поглядывая через плечо. Страшный Человек секунду пристально смотрит на толстяка; потом они вместе выходят из лаборатории. Какое-то время еще слышен резкий голос – доктор спрашивает что-то; ему отвечают виноватым фальцетом. Потом голоса затихают.

Вскоре дверь приоткрывается, и мышь чувствует на себе внимательный взгляд. В комнату просовывается тонкопалая, с черной каймой под обкусанными ногтями, рука, хватая банку с рыбой и исчезает. Слышен удаляющийся топот бегущих ног.

За оконной решеткой мечутся по булыжнику огненные пятна.

Три минуты спустя кто-то бросает факел в подвал, где хранится порох, и здание тюрьмы взлетает на воздух.

ЧАСТЬ 1

Глава 1

Солнце пробивалось сквозь частый переплет окна – большая часть стекол в нем была

белая, и лишь одна ячейка светилась чистым оранжевым цветом. На широком подоконнике в террариуме, щедро украшенном корягами и тропической зеленью, застыла древесная игуана, яркая и причудливая, как китайская игрушка. Иногда с мокрой листвы на ящерицу стекали теплые капли, и тогда она обиженно моргала; ее широкий рот был растянут в надменной улыбке отлученной от трона королевы. Солнечные лучи, полные золотой пыли, падали на книжные шкафы из темного дерева, скользили по столу, заваленному гроссбухами, лупами и истрепанными рукописями. В запертых сундуках таились мхи и травы, слишком сильнодействующие, чтобы оставлять их без присмотра внизу, в лавке. На спинку тяжелого кресла небрежно набросили белый халат.

Кlaus Нуссер, фармацевт, оптик и исследователь, стоял посреди кабинета, глубоко засунув руки в карманы твидового пиджака, и мрачно рассматривал лежащую на столе монету. Аптекарь сосредоточенно хмурил красное лицо, шевелил пышными седыми усами, посвистывал, и, наконец, решительно сгреб монету в кулак. Завел глаза, шевеля губами, набрал в грудь побольше воздуха.

— Всегда ли... — начал он завывающим голосом, но тут дверь приоткрылась, и в кабинет заглянула темноволосая девушка с упрямой гримаской на живом скуластом лице.

— Пап, я собираюсь...

— Подожди, Элли, не мешай, — сердито отмахнулся Клаус, и девушка с притворным смирением закатила глаза. — Всегда ли яблоко, оторвавшись от ветки, падает на землю? — торжественно проговорил аптекарь, глядя в пространство. — Орел — да, решка — нет.

Клаус зажмурился и бросил монету. Медный кружок прокатился по столу, завертелся волчком и с дробным бряканьем улегся на дощатом полу. Фармацевт грузно присел, хрустнув коленями, поправил очки и тяжело вздохнул. Решка. Он встал и тоскливо уставился в опустевший кошелек.

— Опять? — с нежной насмешкой спросила девушка.

— Представляешь, все монеты бракованные! — Клаус возмущенно махнул рукой на кучку мелочи, лежащую на столе.

— Яблоко не всегда падает на землю, — улыбнулась Элли. — Оно может застрять в ветках или упасть на крышу дома.

Клаус склонил голову набок, насвистел пару тактов из «Болеро» и расплылся в улыбке.

— И правда! Я бы без тебя пропал, — он умиленно взглянул на дочь и уставился в стену, вытянув губы трубочкой.

— Ты же все равно веришь всему, что говорят монеты, — пожала плечами Элли.

— Не просто монеты, а калиброванные! — возмутился Клаус. — Я не собираюсь доверять первому попавшемуся медяку. Монета может рассказать обо всем, — Клаус наставительно поднял палец. — Главное — уметь ее выбрать... и задавать правильные вопросы, конечно, — он сжал монету в кулаке и снова задумался.

— Спроси, всегда ли яблоки падают вниз, — посоветовала Элли.

— Отлично, отлично! — пробормотал Клаус. — Именно это я и собирался сделать.

Монета глухо звякнула об стол. Орел.

— Вот видишь, — ободрила его Элли, — все в порядке.

— Погоди... нужно еще провести контрольное испытание. Всегда ли ты говоришь правду? — строго обратился Клаус к монете.

Орел.

— Вот теперь можно браться за дело, — Клаус потер лоб и выжидающе взглянул на Элли. Девушка перестала улыбаться и слегка прикусила губу; ее лицо снова стало упрямым.

— Говори быстрее! — подогнал Клаус, слегка раздражаясь. — Видишь же, я занят!

— Мы с Гербертом собираемся сходить в кино, — Элли смотрела на отца с вызовом.

— Мы с Гербертом! — желчно повторил Клаус.

— Я просто зашла предупредить, — с хмурой решительностью объяснила Элли.

— У тебя куча дел, а ты идешь в кино с каким-то...

— Ты же знаешь, что дел у меня сегодня никаких. Аптека закрыта. Если кому-то срочно

понадобится лекарство – ты и сам справишься...

Начинающий багроветь Клаус набрал в легкие воздуха.

– Твоя мама тоже... – зарокотал он, но Элли предупреждающе вскинула руку.

– Я – не моя мама. И я все равно пойду. Что бы ты ни говорил.

Вскинув голову и выпячивая челюсть, она вышла из кабинета.

Клаус покачал головой. С утра его мучило беспокойство, зудящее под ложечкой предчувствие необычных и важных событий. Вряд ли добрых: неожиданности редко бывают приятными. И вот пожалуйста: дочь отправляется в кино с молодым человеком. Ничего особенного, в конце концов, ей уже девятнадцать... ох, нет! двадцать лет. Но лучше бы она сидела дома: мало ли что может случиться на улице, особенно с такой девушкой, как Элли.

Это все индейская кровь, в который раз подумал Клаус. Будапештская родня еще год после свадьбы заваливала его возмущенными письмами, грозя всякими ужасами. Что же, в каком-то смысле они оказались правы. Его жена пропала без вести через три года после переезда в Клоксвилль и рождения Элли: просто вышла однажды из дома прогуляться – и не вернулась. А дочка... Нет, с дочкой все в порядке: симпатичная, умная девочка с приветливым характером, разве что слишком упрямая. Да, с его принцессой все в порядке. Но Клаусу все время казалось, что Элли уходит от него. Уходит все дальше, сама не зная куда, и однажды просто бесследно растает в воздухе, как когда-то – ее мать. Аптекарь никогда не понимал, что творится в голове его дочери. Одно Клаус знал точно: исчезновения Элли он не переживет и сделает все, чтобы она осталась рядом. Да, пойдет на все, – Клаус стукнул кулаком по столу так, что задребезжала горсть мелочи, и покосился на краешек обгорелой рукописи, торчащей из-под конторской книги.

Неожиданно лицо Клауса исказила болезненная гримаса, и аптекарь схватился за сердце. А вдруг Герберт сделает Элли предложение, и она согласится? Ведь все к тому идет... Тогда Клаус вообще не сможет присматривать за дочкой, и кончится тем, что Элли исчезнет до того, как он успеет расшифровать записи.

Аптекарь украдкой взглянул на игуану и высунулся на лестницу.

– Элли! – крикнул он.

– Ммм? – Элли выглянула из своей комнаты, зажимая в губах ярко-зеленую резинку и собирая короткие волосы в пучок.

– Пообещай, что вернешься не позже девяти. И пусть Герберт проводит тебя до самой двери.

Элли рассмеялась и принялась обвязывать хвост.

– Ну папа, он и так всегда...

– Элли Бриджит Нуссер! – возмущенно отчеканил Клаус.

– Ну хорошо, хорошо, обещаю...

Слегка успокоенный, Клаус вернулся к монетам. Первым делом нужно было понять, не относится ли его предчувствие к Элли. По ответам монеты выходило – сегодня с ней не случится ничего плохого. Тревога за дочь на время утихла, но чувство надвигающейся беды не оставляло аптекаря. Что-то близилось, огромное и пугающее, и Клаус не мог этого остановить, но мог попытаться узнать и подготовиться. Он тряс усами, сердито забирал в кулак нос, дудел обрывки из оперных арий и спрашивал, спрашивал, спрашивал. Калиброванная монета глухо звенела по столешнице. Игуана сползла с коряги и укрылась за влажным кустиком бегонии. Солнце опустилось за кленовые кроны, и свет в окне из золотого стал зеленым.

В конце концов Клаус так умаялся, что уже не мог отличить орла от решки. С помощью длинной цепочки вопросов он выяснил, что события начнутся ранним вечером на вокзале. Кто-то прибудет в город? Да, сказала монета, и Клаус сердито хмыкнул. Поездом? Снова выпал орел. Клаус покачал головой. Клоксвилль не был важной станцией: пассажирские поезда останавливались в нем лишь дважды в день, утром и поздним вечером; но монета явно не имела в виду ни один из них. Аптекарь разочарованно бросил монету в общую кучу: опять сбилась настройка, и, похоже, давно. Только зря терял время.

Кlaus сгреб деньги обратно в кошелек и уселся в кресло. Попытался читать – «Анатомия рептилий», книга старая, но полная надежных и ценных сведений, – но поймал себя на том, что думает о поездах. С шелестом перевернулась страница, но Klaus не заметил этого. Он думал об элегантных скорых с шелковыми занавесками на окнах; о гроыхающих товарняках, груженных лесом, в клубах медной пыли; о шумных и медленных пассажирских, набитых едущими на побережье семьями; о длинных связках остро пахнущих цистерн. Кто и что кроется в железных недрах проходящих сквозь город составов? Что они несут? Никто не знает. Железнодорожник машет флажком, мигают огни семафоров, и поезд мчится дальше, насмешливо покачиваясь на стыках рельс...

Klaus поймал себя на том, что прислушивается. Железная дорога прорезала окраину Клоксвилля и уходила дальше на юг, к побережью, в крупные портовые города. Когда ветер дул с запада, в кабинете над аптекой был слышен редкий шум проходящих поездов, но сегодня было тихо. Так тихо, что Klaus слышал, как гулко толкается в уши кровь. Может, все же сходить на станцию? Вдруг расписание изменилось, или пустили новый пассажирский поезд? Стоит проверить: все равно в голове такая каша, что невозможно ни на чем сосредоточиться. А на вокзале, может быть, удастся что-нибудь разузнать...

Klaus сердито перевернул страницу. Просто разыгралось воображение. Так аптекарь сказал бы любому покупателю, пожалуй тот на что-нибудь подобное, – и всучил бы флакончик валерьянки.

– Карлик вертит компас ловко,
Вот пиратская сноровка...

Детский голос звонко разносился по тихой улочке, засаженной конским каштаном. Сланцевая брусчатка тротуара была усыпана колючими оболочками и лоснящимися красноватыми плодами. Элли то и дело поддевала их носком туфли, каждый раз вызывая улыбку Герберта.

– Стрелка тычет, сделав круг,
В полный золотом сундук!

Рыжий мальчишка, похожий на лисенка, подошел к дереву, уткнулся лицом в шершавую кору и начал громко считать. Остальные дети бросились врассыпную, едва не сбив Герберта и Элли с ног.

– Тише, тише, – пробормотал Герберт, придержав чуть не споткнувшуюся на бегу девочку. Нагнал Элли и вновь взял ее под руку.

– Странная считалка, правда? – задумчиво улыбнулась Элли. – Никогда ее не понимала.

– Я тоже, – подхватил Герберт. – А помнишь, была еще... как же там... «Черный-черный галеон в темноте по воле волн»... Надо же, забыл, – развел он руками.

– «В подземельной тишине заплывет в окно к тебе», – подхватила Элли и передернула лопатками. – Жутковато, правда?

Она опустила голову, погрузившись в свои мысли. Черный-черный галеон... Пиратское судно с парусами цвета подземной тьмы. Элли почти видела, как корабль скользит в темной тишине, лишь изредка нарушаемой ударами падающих с потолка капель. Странное место...

– Вернитесь, принцесса! – шутливо позвал Герберт.

– Угу, – отозвалась Элли, не поднимая головы, и вскрикнула: пальцы Герберта больно впились в ее плечо.

Они стояли на краю люка со сдвинутой крышкой. Несколько секунд Элли отвлеченно разглядывала тяжелый чугунный диск: на крышке был отчеканен кораблик, подплывающий к острову с торчащими на нем стилизованными пальмами. От острова расходились лучи, и на первый взгляд казалось, что судно плывет в мохнатое, изорванное протуберанцами

солнце. Потом Элли охнула и задрожала, сообразив наконец: еще шаг – и она угодила бы прямо в провал. Герберт вовремя остановил ее, не дав переломать ноги. А может, случилось бы что-нибудь и похуже, подумала Элли. Черный галеон... По спине побежал холодок, темная дыра люка, казалось, стала шире, подбираясь к самым ногам. Элли в страхе отступила, сжав руку Герберта.

– Как ты думаешь, стоит сдвинуть крышку на место? – озабоченно нахмурился Герберт. – Какой-нибудь ребенок может упасть... но вдруг там кто-то есть?

Его прервал испуганный возглас. Расплескивая кофе из картонного стаканчика и виновато жестикулируя, к ним грузной рысцой бежал рабочий в синем комбинезоне.

– Мне бы тоже сейчас чашечка не помешала, – слабым голосом сказала, Элли, глядя, как рабочий вытирает облитые руки большим измятым платком.

Они расположились на веранде кафе, вымощенной широкими каменными плитами. Еще не стемнело, но на столе уже горел сливочный шар небольшой лампы; кофейный пар в ее лучах выглядел таким густым, что, казалось, его можно потрогать руками. Хрупкие долгоножки с прозрачными крылышками бились о матовое стекло и падали на клетчатую скатерть; с потолочной балки на них жадно глазел прозрачный геккон.

С веранды был виден почти весь Клоксвилль: черепичные крыши, окруженные вязами и тополями, стеклянные коробки делового центра, вновь черепичные крыши, кирпичные стены фабрики и горб Порохового Холма, изуродованный развалинами тюрьмы. Торчащие над зеленью обломки толстой стены походили на почерневшие от старости зубы. Элли вздохнула. В отличие от многих горожан, она не считала мрачные остатки крепости украшением Клоксвилля. Всего лишь пару лет назад отец чуть ли не ежедневно исследовал наполовину засыпанные подвалы. Городские легенды рассказывали, что последний тюремный врач был удивительным ученым, намного опередившим свое время, чуть ли не волшебником, – недобрым волшебником. Говорили, что тюрьму взорвал именно он, стремясь скрыть жуткие последствия очередного эксперимента, настолько чудовищного, что злобещий доктор сам ужаснулся его результатам и бежал во Флориду. Однако Клаус Нуссер думал иначе: он считал взрыв несчастным случаем и не терял надежды найти остатки лаборатории доктора Анхельо, а если повезет – то и его записи. В конце концов он забросил поиски. Однажды аптекарь вернулся домой грязный, ободранный и с таким перепуганным видом, будто повстречал привидение. На расспросы встревоженной дочери он неохотно рассказал, что часть перекрытий обвалилась, и ему едва удалось спастись. С тех пор Клаус ни разу не поднимался на Пороховой Холм, и любые разговоры о тюрьме и докторе Анхельо вызывали у него приступы брызгливой раздражительности.

Приглушенный деревьями вскрик подходящего поезда вывел Элли из задумчивости.

– Не по расписанию, – заметил Герберт, – неужели утренний так опоздал?

Элли пожала плечами. Гудок взволновал ее, напугал и одновременно пробудил нервную, лихорадочную радость. Герберт еще говорил, но его слова казались неважными и ненужными. Элли застыла, глядя в пространство, будто пытаясь проникнуть взглядом за густую полосу тополей.

– Принцесса... – окликнул Герберт.

– Принцесса чего? – вдруг сердито вскинулась Элли. Это прозвище, которое Герберт с удовольствием подхватил от ее отца, почему-то всегда злило и тревожило ее, и сейчас раздражение стало невыносимым. – Аптеки? Аптечная инфанта! – воскликнула она со злым смехом. – Властительница порошков, повелительница клистирных трубок!

Герберт обиженно уткнулся в свою чашку, и Элли осеклась. Примиряющее прикоснулась к руке. Герберт вымученно улыбнулся и снова уставился в кофе.

– Я обещала папе вернуться пораньше, – прервала наконец Элли неловкое молчание. Герберт послушно замахал рукой официантке.

Приехав на вокзал, Клаус прошелся по прохладному залу, внимательно изучил расписание и, не обнаружив изменений, подошел к кассе. Никаких поездов в ближайшие

часы не ожидается, ответила барышня за окошком из зеленоватого стекла и снова уткнулась в книжку. Недоумевая, Клаус вышел на перрон.

Новый вокзал был построен всего несколько лет назад: белое здание классических пропорций, чистое и скромное – слишком скромное, на взгляд Клауса. Водонапорная башня из темного кирпича смотрелась рядом с ним обломком гигантского гнилого дерева – старым и бесполезным, но сохранившим ускользающую печальную красоту, особенно заметную на фоне полиловевшего предвечернего неба. Клаус прогуливался, любуясь башней, пока его не остановил невесть откуда взявшийся древний старик в железнодорожной форме, с лицом, похожим на сушеную вишню. Несмотря на сильную хромоту, он приблизился к аптекарю с пугающей живостью марионетки.

– Встречаю тетушку, да вот поезд что-то запаздывает, – нахально заявил Клаус и озабоченно взглянул на часы.

– Ваша тетушка на этом поезде никак не может приехать, – продребезжал старик, и у Клауса екнуло сердце: значит, все-таки есть какой-то поезд, по недоразумению не известный кассирше и не упомянутый в расписании. – Шли бы вы отсюда, молодой человек! – сварливо продолжал хромым. – Не самое подходящее место для прогулок выбрали, а?

– Тетушка... – снова начал было Клаус, но старик перебил:

– Это особенный поезд, понимаете? – аптекарь пожал плечами. – Идите, идите, – старик толкнул его сухой костистой ладонью, обдав запахом табака, и Клаус попятился.

В дверях вокзала он оглянулся и увидел, как обходчик с обезьяньей ловкостью спускается на рельсы. Вот за краем перрона исчез ежик седых волос; раздался надсадный кашель – по звуку Клаус определил, что старик уходит. Покосившись на кассу – барышня не поднимала глаз, – Клаус на цыпочках выбрался обратно на перрон. К стене вокзала примыкала узкая полоска травы, пестревшей одичавшими фиалками и вьюнком. Клаус, пригибаясь, перешагнул через заборчик. Еще раз огляделся – никто не видит – и уселся прямо на землю, согнувшись в три погибели, чтобы спрятаться за низенькой оградой. Отгазона пахло мокрой зеленью и креозотом. Сидеть было холодно и сыро, но Клаус твердо решил: чего бы он ни ждал – дождется, и даже возможная простуда его не остановит.

Уже сгущались сумерки, на перроне загорелись желтые фонари, и в траве ритмично запиликали сверчки, когда с юга донесся оглушительный гудок. На станцию с грохотом и воем ворвался поезд. Клаус смотрел на могучий паровоз, едва дыша от удивления. Черный и лоснящийся, тот ничуть не походил на выкрашенные в зелень современные жестянки. Поезд шипел и рычал, гремел всеми тремя вагонами, плевался паром, одуряюще пах раскаленным железом и дымом. На круглой морде паровоза явственно читалось самодовольство.

Клаус замер в своем укрытии. От напряжения его била дрожь; аптекарь не знал, кто приехал этим странным поездом, но чувствовал, что человек, который сейчас выйдет из вагона, – тот самый, о ком предупреждали монеты. Паровоз заскрипел, изверг новый клуб дыма и искр, и поезд, громыхнув в последний раз, остановился.

Прямо напротив убежища Клауса распахнулась дверь. Из вагона, полного меди, зеленого плюша и деревянных панелей, полился золотистый свет. Кондуктор в сверкающей форме спустил лесенку узорчатого чугуна и отступил, согнувшись в поклоне. Черный силуэт с твердыми и резкими очертаниями загородил светлый проем. На мгновение Клаусу показалось, что высокую фигуру окружает огненный ореол. Аптекарь нервно моргнул и поправил очки: всего лишь иллюзия, созданная сумерками, тусклым светом фонарей и нервным напряжением. Обычный человек, всего лишь чуть выше среднего роста; шляпа, длинный плащ, небольшой чемоданчик в руке. Лица не было видно, но Клаус готов был поспорить, что пассажир небрит, глаза у него – усталые, а лицо – сухое и жесткое. Клаус еще больше скорчился, почти распластался на газоне: в один ужасный момент показалось, что приезжий смотрит прямо на него – Клаус почти видел оранжевые искры в затененных шляпой глазах. Обман зрения, напомнил себе аптекарь и снова осторожно выглянул из-за ограды.

Раздалось шипение, и силуэт расплылся, окутанный вырвавшимся из-под днища вагона

паром. Паровоз рывкнул. Приезжий ступил на перрон. Вдоль состава, ударяя кувалдой по колесам и прислушиваясь к звону, захромал старикашка с вишневым лицом. Его провожал растерянный взгляд дежурного по станции, с физиономии которого не сходило испуганное изумление.

Когда дряхлый обходчик поравнялся с приезжим, тот жестом остановил его и вытащил бумажник. Клаус изо всех сил прищурился, пытаясь разглядеть в сумерках хоть что-нибудь. В руке пассажира тускло блеснул металлический кружок. Явно монета – но таких больших Клаус не видел даже в музеях. По тому, как дрогнула рука старика, было ясно, что монета очень тяжелая. Неужели золото? Старик казался ошарашенным; его физиономия стала еще больше похожа на пересушенную ягоду. Он попробовал монету на зуб и растерянно оглянулся. Пассажир уже быстро шагал ко входу в вокзал. Старик вдруг зло ухмыльнулся, торопливо сунул монету в карман и вновь пошел звонко стучать кувалдой, после каждого удара склоняя голову набок и прислушиваясь с видимым удовольствием.

Больше из странного поезда никто не вышел, и скоро паровоз, свистнув так, что звук отдался в самых ребрах Клауса, тронулся дальше.

Глава 2

В аптеке Клауса Нуссера пахло травами и йодом. Стены были обшиты потемневшими деревянными панелями, и из такого же тяжелого, почти черного дерева были сделаны шкафы и прилавки. По левую руку – лекарства, по правую – всякая оптика от контактных линз до толстых луп в причудливых медных оправках. За прилавком Элли, закутанная в пеструю индейскую шаль, ждала покупателей.

С утра шел дождь, стекло витрины сплошь заливало водой, и вершины шкафов терялись в полумраке. Элли сама толком не знала, что можно найти на дальних полках: фантазия Клауса была безгранична, и в ячейках из темного дерева могло обнаружиться все, что угодно, от аспирина до яйца дронта. Да, Элли определенно видела однажды на одной из самых верхних полок крупное яйцо, хотела посмотреть поближе, да отвлеклась на покупателя, а потом оно больше не попадалось ей на глаза...

Элли поплотнее запахнула шаль и поежилась от сырости. Сейчас бы клубок ниток и спицы, усмехнулась она. Целое облако сверкающих спиц, и управляться с ними ловко-ловко, вывязывая какую-нибудь глупость, пока снаружи льет, как из ведра.

На улице все шелестела вода, не успевала уходить в сточные решетки, забитые палой листвой, и неслась шумным потоком по мостовой. К полудню начало казаться, что аптеку вот-вот затопит: дрогнет прилавок, поплывет, оторвавшись от пола, стул, и вода вынесет Элли прочь из полутемной комнаты. Девушка прикрыла глаза. Прилавок тихо двинулся по заросшей тростником реке с мохнатыми берегами; за ним, величественно покачиваясь, следовали шкафы. Запахло стоячей водой и лилиями.

Коротко брякнул колокольчик, и в аптеку ввалился промокший насквозь, перепачканный илом мужчина – невысокий, но крепкий, с круглым лицом, на котором под искренним добродушием читалась решимость, граничащая с одержимостью. На голове красовалась каска с мощным налобным фонарем, пояс был увешан аккумуляторами. Покупатель прищурился, рассматривая полки с очками, потянулся включить фонарь, но опомнился и смущенно обратился к Элли:

– Мне говорили, что у вас можно купить все, что относится к оптике, – сказал он. Элли с улыбкой кивнула, и он приободрился. – Мне нужны стереоочки...

– Стереоочки? – переспросила Элли, наморщив лоб.

– Да, знаете, какие дают в кинотеатрах, – он пошевелил пальцами, – одно стеклышко красное, другое зеленое...

– Ах, да, – сообразила Элли. – Просто их так редко покупают...

Ей пришлось долго рыться в ящиках. Наконец она выложила на прилавок две пары очков с круглыми целлулоидными линзами, превращающими надевшего их в гигантского

разноглазого сверчка.

– Вот эта модель покрепче, – подсказала Элли, – тот же целлулоид, но оправка – пластиковая.

– Отлично, отлично! А то картон все время размокает, – обрадовался посетитель. – Знаете, – он пожевал губами, – давайте я возьму сразу парочку.

– Вы так часто ими пользуетесь? – полюбопытствовала Элли.

– Да, – кивнул покупатель. – Вы даже не представляете, сколько всего видно сквозь...

Звякнул дверной колокольчик, и он замолчал, подозрительно покосившись на вошедшего.

– В общем, попробуйте как-нибудь, – заговорщицки шепнул он Элли. Та серьезно кивнула и принялась заворачивать очки в бумагу, краем глаза посматривая на нового покупателя. Тот, стоя у двери, тщательно отряхивал от дождевых капель шляпу и довольно рассматривал набитые всячиной шкафы за ее спиной.

– Какие эксцентричные у вас бывают клиенты, – с улыбкой заметил он, когда крепыш в каске вышел.

– Разве? Ах да, наверное, – растерянно ответила Элли. Покупатель стереочков показался ей совершенно нормальным, больше того – довольно симпатичным. Она хмуро разглядывала посетителя – если кто из них двоих и был странным, так это он. Элли не могла сказать, что с ним не так: слишком жесткое лицо? Слишком пристальные и понимающие глаза? Она напряженно уставилась на прилавок и бессмысленно смахнула невидимую пылинку. Хотелось, чтобы покупатель взял, что ему нужно, и поскорее ушел. Элли чувствовала, как ее рассматривают – насмешливо и изучающее.

– Слушаю вас, – сухо сказала она наконец, не поднимая головы. В ответ он молча протянул визитную карточку. «Доктор А. Карререс», – прочитала Элли.

– У меня большой заказ, – объяснил доктор Карререс, – и, думается, время от времени я буду его повторять.

– Тогда вам лучше поговорить с моим отцом, – сказала Элли, и, не дожидаясь ответа, юркнула в дверь, ведущую на лестницу. Скрывшись с глаз доктора, она остановилась и задумчиво покусала губу. За закрытой дверью напряжение ослабло, но лишь немного. «Мне не нравятся его глаза», – твердо сказала Элли и передернула плечами. «Зато улыбается он хорошо» – возразила она сама себе.

Несчастливая ящерица страшно не хотела вылезать из-под горячей лампы в прохладную сырость комнаты. Она упиралась изо всех сил, но Клаус не стал церемониться. Теперь он ласково почесывал ее у основания гребня, глядя в заплаканное окно. Игуане было все равно – она хотела обратно в террариум.

Из окна Клаусу был виден вход в аптеку и часть улицы. Над мостовой плыли, плавно покачиваясь, блестящие купола зонтов. Изредка в ровный поток вторгалась мокрая шляпа, рука, придерживающая над головой портфель или газету, слипшаяся от воды шевелюра, а то и ярко-желтая каска – ее владелец свернул в аптеку, и Клаус какое-то время настороженно прислушивался к голосам внизу: все ли в порядке у Элли? Строй разноцветных зонтов вновь слился в яркую мозаику – успокаивающее, почти гипнотическое зрелище. Клаус пощекотал игуане брюшко, и она недовольно зашевелилась. Снова разрыв; на этот раз – фетровая шляпа, вся в бриллиантовых каплях. Клаус вздрогнул: совсем недавно он видел где-то эти широкие поля, эту жесткую фигуру в длинном плаще... Человек вошел в аптеку; Клаус, чувствуя слабость в коленях, стиснул игуану. Ящерица судорожно задрыгалась, и аптекарь сердито одернул себя: с такими нервами скоро самому придется прибегнуть к своим порошкам и настойкам.

Какое-то время Клаус еще смотрел в окно, глубоко дыша, одной рукой придерживая игуану, а другой – изо всех сил вцепившись в подоконник. Потом рассеянно сунул ящерицу в террариум и, стараясь не скрипеть ступеньками, спустился на первый этаж. Заглянул в щель двери, ведущей в лавку. Да, это тот самый человек, что приехал неделю назад

странным поездом. Ждет, когда Элли перестанет возиться с чудаком в каске, – вот растяпа, побыстрее, уйдет же! Клаус потоптался под дверью, совсем уже собрался выйти, но внезапно его охватила детская робость. Ну что он скажет? Какое дело этому зловещему типу, раскатывающему на особенных поездах вне расписания, до провинциального аптекаря? И с чего Клаус взял, что он – тот самый? Невозможно ведь, да просто смешно! Человек зашел за леденцами от кашля, а Клаус навывдумывал черт знает что!

Помрачнев, аптекарь на цыпочках вернулся в кабинет. Уселся в кресло, схватил первую попавшуюся книгу, раскрыл посередине. Стыд, обида и злость на себя клокотали в нем. Упустил!

Хлопнула дверь, и до Клауса донеслись легкие шаги Элли. Он бездумно уставился на страницу и замер, изображая, будто так и сидел все время, а не крался по лестнице, как мальчишка. Когда в кабинет вошла раскрасневшаяся Элли, он даже не поднял головы, делая вид, что полностью поглощен книгой.

– Па, там какой-то ужасный доктор хочет сделать большой заказ.

Сердце дернулось, остановилось и забилось вновь – с такой силой, что Клаус испугался, как бы Элли не увидела эти толчки.

– Что значит – «ужасный доктор»? – спросил он, стараясь, чтобы в голосе не было ничего, кроме равнодушного недоумения.

– Ну, такой... – Элли помахала руками и протянула отцу визитку. – Не нравится он мне, – призналась она. – Злой какой-то.

– Шляпа, кожаный плащ и глаза, как у филина на охоте?

– Ага, – хихикнула Элли. – Ты его в окно видел?

Клаус покачал головой.

– Доктор А. Карререс... Интересно, что значит это «А», – задумчиво пробормотал он, рассматривая визитку. – Пригласи его сюда.

– Я, к сожалению, плохо разбираюсь в пресмыкающихся. Моя область – мозг, – рассеянно проговорил Карререс. Приподняв бровь, он смотрел на дверь, в которую вышла Элли. Клаусу не нравился этот взгляд – слишком пристальный, слишком заинтересованный... да что этот доктор себе позволяет! «Отберет!» – мелькнула невесть откуда взявшаяся паническая мысль. Аптекарь дернулся, будто стремясь встать между Каррересом и Элли, но сумел взять себя в руки. Пытаясь отвлечь странного доктора, он с деланным оживлением понес первое, что пришло в голову:

– Знаете, я слышал об опытах, когда мозг пересаживали в тело холонокровных животных – и он продолжал функционировать... – доктор, сунув руки в карманы, повернулся к аптекарю. Клаус поспешно добавил: – Интерес у меня, конечно, чисто теоретический.

Теперь Карререс рассматривал аптекаря с холодным любопытством, прищурившись и чуть откинувшись назад, как разглядывают забавное, но неприятное насекомое. Клаус уставился на рисунок геккона-призрака; брюхо несчастной ящерицы было выпотрошено, разноцветные кишочки разложены напоказ и тщательно пронумерованы. Аптекарь сочувственно вздохнул и схватился за листок с заказом доктора. Деловито откашлялся, просматривая список. Станный набор... нейрохирургия? Больше похоже на знахарство. Половина названий незнакома... хотя о некоторых ему приходилось слышать от жены. Сушеный лист тигровой бромелии... Порошок рабочей клешни манящего краба... да что ж это такое?!

– Послушайте, – жалобно проговорил наконец Клаус, – у меня все-таки аптека, а не лавка волшебных снадобий.

– Разве? – иронически спросил доктор. – А мне казалось, что вас интересуют не только патентованные пиллюли...

Клаус нахмурился. Доктор нависал над столом, и аптекарь чувствовал себя все более неуютно. Разбросанные бумаги выдавали Клауса с головой – все его стремления, страхи,

мечты, все фантастические догадки, в которые он сам не мог поверить.

– Вот, например... Позвольте-ка, – доктор Карререс двумя пальцами вытянул из-под пачки квитанций старинную рукопись, покрытую порыжелыми пятнами и испещренную пометками Клауса. Покачал бумаги в воздухе, криво улыбаясь самому себе. «Надо же, на вид ему никак не больше сорока», – вдруг поразился Клаус. Он набрал воздуха, будто перед прыжком в прорубь, и, не поднимая глаз, тихо сказал:

– У вас отвратительный почерк, доктор Анхельо.

Доктор усмехнулся и небрежно бросил рукопись на стол; теперь он смотрел на аптекаря с мрачным весельем.

– Я думаю, нам надо побеседовать начистоту, господин Нуссер, – наконец проговорил он.

Клаус кивнул и сглотнул отдающую медью слюну.

«Черный-черный галеон...» Сточные решетки, не справившись с напором, отрывали мутные фонтаны. Вода неслась по улице бурным потоком, и корабль с черными парусами неумолимо приближался к аптеке. Уже было видно, как на палубе суетятся матросы, похожие на крохотных иссохших мартышек. Галеон величественно разворачивался, треща парусами. Длинный хищный бушприт вламывался в витрину, расплескивая осколки стекла, и доктор Карререс, заранее разочарованный, с равнодушно-брезгливой миной перегибался через фальшборт к Элли. Холод карих глаз пронизывал насквозь. Элли отшатывалась и просыпалась, судорожно вздернув голову и зябко поводя плечами. Голоса наверху все бубнили, но Элли, как ни прислушивалась, не могла различить ни слова. Иногда она улавливала интонации – растерянный напор отца, снисходительный тон Карререса. Голоса сливались, веки тяжелели, голова клонилась к прилавку, и Элли, убаюканная шелестом дождя, опять проваливалась в вязкое забытие, на дне которого ждал черный галеон. Доктор Карререс все так же глядел с палубы, и в его руке сверкала скальпель.

Хлопнула дверь. Элли вздрогнула, выпрямляясь. Украдкой взглянула на свое отражение в темной витрине: растрепавшиеся волосы, на щеке – отпечаток грубо связанной шали, и глаза наверняка заspanные. Неудивительно, что доктор смотрел на нее без удовольствия. Элли тряхнула головой, прогоняя остатки дремоты, и испуганно хихикнула: приснится же!

Настоящий доктор Карререс совсем не походил на ужасную фигуру из сна: он весело, почти дружески улыбался Элли, и, казалось, вот-вот заговорщицки подмигнет. Что-то еще было в этой улыбке – Элли вдруг поняла, что Карререс смотрит на нее с сочувствием. Она растерянно перевела взгляд на отца. Клаус сохранял серьезный и важный вид, но Элли прекрасно видела, что его распирает от восторга. Точно так же отец выглядел, когда добивался от монет «правильного» – а попросту нужного ему – ответа. Сговорились, поняла Элли. Почему-то она была уверена, что речь шла вовсе не о заказе. Ей вдруг стало страшно – будто за окном мелькнула тень черного корабля, и теперь надо выбирать: подняться на борт или быть раздавленной.

Элли бросила в террариум несколько кусочков мяса, поставила блюдце с разболтанным яйцом и, сложив руки на груди, повернулась к отцу. Клаус, горбясь и немелодично напевая, расхаживал по кабинету. Он то сгребал в кулак усы, то звенел мелочью в кармане, то кидался к столу и принимался раскладывать бумаги ровными стопками, – но тут же бросал и вновь начинал бродить из угла в угол.

– Па, что ты затеял? – спросила наконец Элли.

Клаус перестал дудеть, его глаза забегали.

– Затеял? С чего ты взяла, что я что-то затеял?

– Ты носишься, как... как... – Элли прищелкнула пальцами, подбирая сравнение, но Клаус поспешно перебил ее:

– Я радуюсь, – с достоинством объяснил он. – Мы получили большой заказ. Этот

доктор подвернулся очень кстати. Очень выгодно. Можно даже сказать, что мы разбогатеем, – Клаус выудил из кармана монету и подбросил ее на ладони.

Элли нахмурилась и отвернулась к окну. Мысли металась, как летучие рыбы под килем. Выгода? Элли покачала головой. Отец всегда был равнодушен к деньгам; невозможно, чтобы даже самый крупный заказ заставил его так торжествовать. Здесь что-то другое... Элли представила себе доктора Карререса, и ее передернуло. Кошмарный тип.

– Не нравится мне этот доктор, – пробормотала она.

– Ну, ну, – откликнулся отец, – тебя же никто не заставляет с ним видаться.

– Да, – Элли снова погладила игуану. Никто не заставляет. Ничто не заставляет: вряд ли он будет часто появляться в лавке. Его дела с отцом, похоже, улажены, крупные заказы Клаус всегда отправляет по почте... Вряд ли она вообще когда-нибудь увидит доктора. Глаза вдруг защипало, и Элли прикусила губу. Представила, как Карререс вскрывает посылку. Внимательный взгляд сквозь очки – почему-то Элли была уверена, что дома он носит очки. Спокойный интерес, легкое нетерпение – поскорее бы приступить к работе. Точные движения рук, сосредоточенное, умное лицо...

– Не нравится, – упрямо повторила Элли.

– Он совсем недавно в городе, – невпопад ответил Клаус. – Приехал в ту субботу, когда ты ходила в кино с Гербертом.

– Один? – быстро и тихо спросила Элли. Лицу стало горячо, спину свело от напряжения в ожидании нотации. Но Клаус, погруженный в свои мысли, только утвердительно замычал в ответ.

Это еще ничего не значит, подумала Элли и провела пальцем по спине игуаны. Ящерица аккуратно облизала перепачканный яйцом рот, переползла под лампу и прикрыла глаза. Элли потянулась следом, задела мокрый кустик папоротника и отдернула руку – теплая влага показалась неприятно липкой. Элли сердито спросила:

– Почему ты до сих пор никак не назовешь ее?

– Кого? – удивился Клаус. – Ах, ящерицу... – Клаус постучал по стеклянной стенке и пожал плечами. – Как же ты похожа на свою мать, – сказал он вдруг, глядя на игуану. В его голосе была смесь нежности и раздражения.

Элли свирепо фыркнула и захлопнула крышку террариума, едва не прищемив отцу нос.

Глава 3

К полудню дождь наконец закончился. В разрывы лиловых туч ломилось солнце и каталось по мокрому булыжнику на углу тихой улочки у подножия Порохового холма. С полосатых маркиз над витриной кафе стекали тонкие струйки воды и разбивались золотыми искрами. Затопленный город оживал, отряхивался от пасмурной серости, играл лаково-блестящими красками.

Герберт, щурясь и морща нос от солнечных зайчиков, уселся у самого окна и, ожидая, когда ему принесут обед, смотрел на улицу. С навеса еще текло, но толстая цветочница, замотанная в прозрачный дождевик, уже хлопотала над расставленными у входа в кафе охапками хризантем, поворачивала ведра так, чтобы солнечные лучи падали на цветы. К потоку воды, несущемуся вдоль бордюра, набежали мальчишки, – один из них нес кораблик, сделанный из целого листа газеты, – и заспорили над ненадежным судном, размахивая руками. Герберт даже сквозь толстое стекло витрины слышал их звонкие крики. От промокшего плаща одинокого прохожего валил пар. Мужчина быстрым шагом приближался к кафе, и Герберт нахмурился: сплошь темные углы и жесткая кожа – прохожий был неуместен на этой радостной улице, как гарпун на пропахшей булочками кухне.

Прохожий остановился и заговорил с цветочницей. Та засуетилась над хризантемами; прохожий, ожидая, блуждающими глазами рассматривал гомонящих детей, бурный ручей, бегущий по мостовой, вывешенное в витрине кафе меню, покрытые клетчатыми скатертями столики за стеклом. Ну и тип, неуверенно подумал Герберт, когда их взгляды пересеклись.

Человек в плаще цепко оглядел Герберта темными блестящими глазами, дернул уголком рта и отвернулся. Цветочница вытянула несколько веточек, сложила в букет, повертела, кокетливо склонив голову набок, и протянула покупателю. Тот покачал головой и, усмехнувшись, вытащил из ведра всю охапку. Цветочница умиленно заулыбалась, неся привычную сочувственную скороговорку, но, подняв, осеклась. Помрачнев, она бросилась отрывать надломленные листья и выдергивать подсохшие стебли. Покупатель ждал со скучающим лицом.

Ну и тип, снова неприязненно подумал Герберт. Похоже, мальчишки считали точно так же: забросив уже изрядно размокший кораблик, они сбились в кучку, наблюдая за тем, как человек в плаще расплачивается с цветочницей. Букет он держал странно: на отлете, вверх тормашками, так, что цветы едва не мели мостовую, – как будто оранжевые хризантемы вызывали в нем отвращение, которое нужно преодолеть ради какого-то важного дела. Он внимательно оглядел хихикающих детей и жестом подозвал самого перепачканного, босоногого, несмотря на осеннюю прохладу, с щербатой улыбкой и ехидными глазами. Мальчишка, косясь на друзей и не переставая похохатывать, бочком приблизился к типу и сунул руки в карманы. Кивнул в ответ на какой-то вопрос. Человек протянул ему цветы – мальчишка прижал букет к выпяченному животу, всей своей физиономией выражая снисходительное презрение к взрослым глупостям, и требовательно протянул ладонь. Мужчина на мгновение заколебался, потом убрал кошелек и вынул из кармана большую, тускло поблескивающую монету. Протянул мальчишке – тот взял ее, едва не выронив, – стряхнул с рукава влажный хризантемовый листок и пошел прочь. Хорошо еще, в кафе не заглянул, усмехнулся Герберт, кивнул официантке, принесшей кофе, и снова уставился в окно.

Мальчишка изумленно вертел монету. Стоящая рядом цветочница, близоруко щурясь, наклонилась к его раскрытой ладони, всплеснула руками и потянулась к монете, но мальчишка быстро сжал кулак и спрятал руку за спину, глядя исподлобья на ставшее вдруг хищным лицо толстухи. Слегка покраснев, цветочница сказала что-то и огляделась. Тип в плаще еще не успел уйти далеко. Цветочница несколько раз окликнула его – но тот даже не обернулся, шагая все так же размашисто и целеустремленно, и вскоре скрылся за поворотом. Тогда она принялась говорить что-то мальчишке, хмурясь и грозя пальцем, – тот энергично кивал на каждое слово, тычась подбородком в головки цветов; по чумазому лицу блуждала растерянная улыбка. Наконец цветочница замолчала; мальчишка крикнул что-то через плечо приятелям и побежал вниз по улице, вытягивая шею и обхватив букет обеими руками – одна ладошка так и осталась сжатой в кулак. Цветочница, глядя ему вслед, покачала головой, всплеснула из опустевшего ведра воду и принялась охорашивать оставшиеся цветы.

Пообедав, Герберт неторопливо побрел к фабрике. Он рассеянно поглядывая по сторонам, ловя отражения солнца в лужах и с наслаждением вдыхая горьковатый запах мокрой листвы. Неплохо бы послать Элли букет, что-то она в последнее время капризничает. Но только не хризантемы. Жаль, что сейчас во всем Клоксвилле не найти ни одного тюльпана: Элли однажды говорила, что любит весенние цветы. Упрямая девчонка вечно хочет того, чего нет.

Герберт в раздражении зашагал быстрее, забыв, что нарочно не спешил и даже собирался немного опоздать с перерыва: рядом с ангаром, в котором он работал, рыли яму под фундамент нового корпуса, и второй день подряд и без того шумный двор фабрики оглашался ревом экскаватора. Герберт издали слышал его завывания и поморщился. Лавируя между грудками разрытой земли и кучами кирпичей, он почти бегом пересек двор, стремясь поскорее укрыться от грохота – тонкие стены ангара были ненадежной защитой, но все же слегка приглушали шум. Герберт уже взялся за дверную ручку, когда раздался предупреждающий крик, экскаватор заглох, и рабочие, переговариваясь, сгрудились над котлованом. Поколебавшись, Герберт решил все-таки подойти и посмотреть, что случилось.

– Кажись, до катакомб дорылись, господин инженер, – сказал кто-то, когда он

протиснулся между широкими спинами.

Ковш экскаватора, содрав слой глины, проломил перекрытия над подземельем, и посреди ямы теперь зиял черный провал. Из него несло холодом, застоявшейся водой, гнилыми водорослями. Дыра казалась бездонной, но в самой ее глубине иногда появлялись слабые блики, и на самой грани восприятия слышался плеск воды, отражающийся от стен. Каменные обломки на фоне влажной тьмы казались зубами огромного животного. Под ними виднелся маленький уступ, ограниченный тонкой цементной стенкой. Один из рабочих присел на корточки и аккуратно надавил на край дыры. Земля осыпалась, открыв небольшую нишу под самым потолком. Склонившись над ямой, рабочий залихватски ухнул. В ответ завывало, застонало, рассыпалось дробным эхом. Слегка побледнев, рабочий поспешно встал и отступил на пару шагов.

– Там что-то есть, – сказал он Герберту.

– Странно, – протянул Герберт, заглядывая в дыру. – Похоже на какой-то тайник, – сказал он, всматриваясь в темноту. Посреди ступеньки, тускло поблескивая на солнце сквозь толстый слой грязи, стояла большая стеклянная банка.

– Чью-то заначку сломал, – усмехнулся водитель экскаватора, заглянув через плечо Герберта. – Не повезло человеку.

Герберт кивнул и нахмурился: так тщательно запрятанная банка выглядела крайне подозрительно.

– То ли на помойку снести, то ли в полицию сдать, – заметил кто-то из рабочих, будто отвечая на его мысли. – Скорей всего, детишки баловались, но мало ли....

– Какие детишки? Туда взрослый-то в здравом уме не сунется, – возразил водитель.

– Несите ко мне, там посмотрим, – решил Герберт. Водитель, крикнув, обхватил банку двумя руками и, прижимая к животу, мелкими шажками двинулся ко входу в ангар. Герберт распахнул дверь, водитель просеменил по бетонному полу и с грохотом поставил банку на верстак. Герберт принялся обтирать ее промасленной тряпкой, стряхивая на пол влажные комья земли и тины.

– Старинная, – уважительно заметил водитель, когда Герберт стер последнее пятно красноватой глины.

Стекло было покрыто грязными разводами, но уже видно было, что оно толстое, зеленоватое, пестрое от застрявших в нем пузырьков воздуха. Герберт вспомнил, как его приятель, с детства увлеченный историей Клоксвилля, с восторгом показывал похожие осколки, найденные в развалинах тюрьмы, и мечтал найти хотя бы один целый сосуд для городского музея. Ну вот, подумал Герберт, – не только целый, но и полный; Гай будет счастлив. Банка была до краев залита мутноватой жидкостью, в которой угадывались круглые очертания большой белесой рыбы. Медная крышка с отеканенным в середине примитивным узором плотно завернута и залита по краям красноватым воском. Он смялся и осыпался, но местами его поверхность сохранилась, и можно было разглядеть буквы, цифры и полустертый рисунок. Герберт присмотрелся. Цифры явно складывались в дату. Рассмотрев год, Герберт задумчиво хмыкнул и нерешительно потрогал крышку. Водитель попятился.

– Может, на воздухе оно лучше будет? – тревожно спросил он.

Рыбина безвольно качнулась в тяжелой жиже. К горлу Герберта подкатила тошнота. Он убрал руку, сглотнул и вытащил из-под верстака пачку старых газет.

– Отнесу в музей, – сказал он, тщательно оборачивая банку бумагой.

В закутке, втиснутом за музейною кассу и отгороженном от зала тонкой фанерой, сильно пахло кофе, старой бумагой и мышинным пометом. Гай, запустив руки в шевелюру, нависал над истрепанной схемой, расстеленной на столе. Вид у нее был такой, будто ее постоянно таскали в кармане и частенько использовали вместо скатерти во время попок: стертая на сгибах, вся в пятнах от вина и жирных пальцев. Герберт со стуком поставил сверток прямо на грязноватую бумагу и с наслаждением потряс оттянутыми руками. Гай

рассеянно кивнул.

– А я всегда говорил, что катакомбы тянутся до самого побережья, – удовлетворенно сказал он, не поднимая головы. – Это тебе не сундуки в городской канализации!

– Все сокровища ищем? – ехидно спросил Герберт. – Очередная самая верная карта?

Гай покачал головой, откинулся в кресле и закурил.

– Помнишь Пэт Кэрриган? – спросил он, разгоняя рукой дым.

– Эту старую каргу? Она что, еще жива? – недоверчиво рассмеялся Герберт.

– Живехонька! Заявляется на прошлой неделе: руки в карманы, в зубах – трубка, шляпа еле в дверь проходит. Увидала меня и давай скандалить: мол, как такого дрянного мальчишку, который дразнит беспомощных старух, приняли на работу в музей. Пятнадцать лет прошло, а ей хоть бы что!

– А здорово мы тогда, – не удержавшись, хихикнул Герберт. – Помнишь, как она тебя зонтиком?

– Да уж, – усмехнулся Гай и потер затылок. – Она, видите ли, сдала дом какому-то приезжему и отчаливает на побережье. Соскучилась, говорит, по морскому воздуху. Кругом, говорит, сухопутные крысы, словом перекинуться не с кем. Хотела подарить городу свой архив, – дела, мол, прошлые, все сроки вышли, – но теперь сомневается... Потом, правда, смилостивилась. Не поверишь – три часа бумаги в грузовик таскали, такая свалка! Половина мышами объедена: нате, разбирайтесь! Вот, разбираемся... – Гай кивнул на пыльные коробки в углу и задумчиво добавил: – Знаешь, карту-то она наверняка по ошибке отдала. Это тебе не древний счет из винной лавки, такая схема дорогого стоит... Смотри: здесь все судоходные туннели отмечены. Мечта контрабандиста!

– Это уже сто лет как по-другому делается, – пожал плечами Герберт.

– Не знаю, не знаю... – Гай снова склонился над картой, покусывая карандаш. – А что у тебя? – спохватился он, наткнувшись взглядом на сверток.

– Мечта контрабандиста, – ехидно ответил Герберт и принялся разворачивать подмокшие газеты. – Рыбный суп капитана Кэрригана... правда, протух немного, так сколько лет прошло!

Он наконец ободрал бумагу и подвинул банку к Гаю. Тот слегка отшатнулся, но быстро взял себя в руки и, сморщившись, принялся рассматривать остатки воска.

– Извини, что вместе с этой жижей притащил – из-за печатей не стал выливать, – объяснил Герберт. – Да и страшновато как-то открывать... Ты если крышку собираешься отвинчивать – подожди, пока я выйду.

– И слава богу, что не стал, – отозвался Гай и схватился за лупу. – Слушай, Герб, ты молодчина! Знаешь, что это?

– Действующая модель Моби Дика?

– Тьфу на тебя, – рассердился Гай. – Это один из препаратов того сумасшедшего тюремного врача!

Герберт присвистнул.

– Так ей лет триста? Знал бы – слупил с тебя пару монет...

– Двести с чем-то, – поправил Гай. – Ну надо же! Как сохранилась! – он влюбленно приник к стеклу, за которым вяло покачивалась рыбина. Герберт посмотрел на часы и встал.

– Мне пора. Ты, главное, не целуйся с ней – старовата.

– С меня пиво! – спохватился Гай.

– Да уж надеюсь, – проворчал Герберт и вышел. Гай поднял банку, и жидкость тяжело качнулась. Шевельнулись прозрачные плавники.

– Прямо как живая! – пробормотал Гай, вглядываясь в опаловые глубины банки.

Глава 4

Оглушительно прогремел дверной звонок. Пэт Кэрриган была туговата на ухо, вот и поставила этого электрического монстра, придуманного, наверное, китайскими военными

для устрашения идеологических врагов. Карререс поморщился: надо бы поменять. Да только что-то подсказывало: здесь не придется задержаться надолго, и смысла обустроиваться нет.

На пороге стояла румяная дама с пышной прической. Она цепко оглядела Карререса и, видимо, осталась довольна.

— Здравствуйте, доктор, — пропела она, напористо улыбаясь. — Вас рекомендовал господин Нуссер. Вы должны помочь моему сыну, мальчик страшно мучается...

Она попыталась шагнуть в дверь, и Карререс вскинул ладони, отстраняясь.

— Я давно не практикую, — пробормотал он. Вот болтун этот Нуссер! Сказать бы ему сейчас пару ласковых... — Мне жаль, что вы зря потеряли время. Стоило сначала позвонить... — Карререс попытался отступить, но дама не унималась.

— Но вас рекомендовал господин Нуссер...

Дама жужжала и вилась, пытаясь отеснить Карререса с порога. Он уже хотел прекратить эту сцену и захлопнуть дверь, когда из-за обширных юбок высунулась плохо вымытая рожица. Мальчишка сердито потянул мать за рукав и топнул босой ногой о мокрый асфальт, добавив пару брызг на свои и без того запачканные штаны, а заодно и на материнские колготки.

Дама, не обращая внимания на сына, продолжала наседать, и мальчишка вновь скрылся за ее спиной. Но Карререс успел узнать давешнего курьера, который отнес цветы. Судьба, расщедрившись, подкидывала подарки, небрежно маскируя их под совпадения, и доктор не собирался от них отказываться. Карререс улыбнулся и отступил, освобождая проход.

— Прошу в лабораторию, — сказал он, указывая на лестницу в полуподвал.

Дама растерянно осеклась: явно настроенная зудеть до последнего, она не рассчитывала на такую легкую победу. Вскинув голову, она проплыла в дом, таща на буксире сына. Мальчишка медленно выворачивал голову, стараясь не выпускать Карререса из виду — он тоже узнал доктора, и это, похоже, тревожило его. «Ах да, монета, — улыбнулся про себя Карререс. — Наверняка не сказал родителям ни слова, спрятал, а теперь боится, что всплывет».

Оглядевшись в лаборатории, дама притихла. Она явно ожидала увидеть что-то вроде кабинета психоаналитика, с дубовым столом и плюшевой кушеткой. Уперевшись взглядом в наполовину вскрытый череп мандрила и испачканный чем-то темным скальпель (Карререс чистил им трубку), она совсем сникла. Ухватив сына за руку, дама подтянула его поближе, разве что не пытаясь спрятать за спину.

— Не беспокойтесь, я уже давно не экспериментирую на людях, — утешил ее Карререс, подвигая два сосновых стула в подозрительных пятнах. Дама неудобно присела на самый краешек и замерла. Она явно мечтала сбежать, а потом, придя в себя и обретя привычную самоуверенность, устроить разнос несчастному аптекарю, который отправил ее с сыном в лапы к опасному маньяку. Но сейчас она даже уменьшилась ростом. Мальчишка же, наоборот, весь вытянулся, изнывая от восторга. Видно было, что больше всего на свете ему хочется потыкать пальцем в препараты да понажимать на кнопки. Мать тоже это заметила.

— Не трогай ничего! — засуетилась она, позабыв о собственном страхе. — Знаете, — продолжила она уже доктору, — мой Венни — такой непослушный мальчик, а с тех пор, как его бабушка уехала из города, и вовсе от рук отбился, — она почему-то обвиняющее посмотрела на Карререса. — Вечно сует нос куда не попадая, и такой скрытный...

Мальчишка снова насторожился, а мать продолжала гудеть: хитрый, и неусидчивый, совершенно неуправляем, представляете, вчера он... а вот позавчера... Венни явно был великим грешником. Теперь вот обувь носить отказывается, благо, пока еще тепло... и не переспоришь его, пыталась заставить, но после того, как он выкинул новенькие кроссовки...

— А, собственно, почему? — вклинился в этот поток Карререс, и дама уставилась на него с изумленным возмущением.

— Настоящие индейцы всегда ходят разутые, — насупился Венни.

— Ах да, — улыбнулся Карререс. — Как я сразу не догадался.

Мальчишка торжествующе покосился на мать и снова вперился в доктора. Теперь он глядел с вызовом, и весь был как на ладони. «Все взрослые – дураки, – явственно читалось на его физиономии, – а расскажешь про монету – растреплю, что ты даришь веники аптекаревой дочке. Тили-тили-тесто...» Карререс сжал губы, чтоб не расхохотаться, и, сделав серьезное лицо, повернулся к даме.

– Так на что мы жалуемся? – спросил он с самым озабоченным видом. – На плохое поведение?

Дама покосилась на скальпель и испуганно замотала головой. Мальчику все время снится один и тот же кошмар, объяснила она. Домашний врач посоветовал психоаналитика, но вы же понимаете, доктор, не хотелось бы, чтобы какой-то посторонний человек расспрашивал, когда Венни начал ходить на горшок (Венни заскрипел зубами) и все такое. А вас рекомендовал господин Нуссер, сказал, что это как раз по вашей части... Что именно за кошмар? Мальчику снится, что на его голову валится огромное куриное яйцо, и господин Нуссер сказал, что... Увидев выражение лица Карререса, дама побледнела.

– Это опасно? – спросила она плачущим шепотом.

– Само по себе – вряд ли, – пожал плечами доктор, поспешно возвращая маску сочувственного, успокоительного интереса. Дама продолжала. Мальчик кричит от страха, подолгу не может заснуть и вообще ужасно страдает, правда, Венни? Венни сосредоточенно шевелил пальцами на ногах, пытаясь изобразить какую-то фигуру. Уши у него были пунцовые.

– А в индейцев он начал играть примерно тогда же? – спросил Карререс. Мать тихо ахнула и прикрыла рот рукой.

– Думаете, это связано? Может, застудил... – «Караул! – билось в ее глазах. – Воспаление! Менингит! Проглядела!»

– Вряд ли, – поспешно сказал Карререс. – Ты пугаешься этих снов? Расстраиваешься? – спросил он Венни.

– Ну, сначала, конечно, пугаюсь. Оно же тяжелое, и прямо на голову летит. А потом – нет, – поймав вопросительный взгляд Карререса, мальчишка наморщил лоб. – Это как бы не мой сон, понимаете?

– Не твой. Ну конечно, – медленно проговорил Карререс. – Не твой...

– Ну вот и. А мама волнуется, потому что я один раз с кровати упал, когда пытался увернуться. Коленку расшиб и вообще...

– Вы поможете ему? – спросила мать чуть ли не со слезами в голосе.

– Ну что же... – задумчиво проговорил Карререс. – Я сталкивался с подобными случаями...

Он задавал необязательные вопросы, выслушивал необязательные ответы. Попытался осторожно расспросить об отце, но услышал лишь, что тот был подлец и деревня, и что говорить о нем дама не желает. Снова спрашивал, говорил что-то о детской впечатлительности и пользе свежего воздуха, советовал теплое молоко на ночь...

...Паутина канатов и парусины на юте, где отсыпались после ночной вахты, заходила ходуном, раздался дикий рев. Из гамака, не переставая вопить, вывалился Шеннон и распластался по палубе, как раздавленная гигантская лягушка. Он уже не орал, а тоненько подвывал. «Да заткнись уже», – пробормотали с одного из гамаков. «Надоело, якорь ему в глотку», – откликнулся кто-то. «Опять... опять яйцооо», – стонал Шеннон, не видя ничего вокруг и хватаясь за мокрую от пота голову.

Они болтались в море уже месяц. За это время «Безымянный» лишь однажды бросил якорь у одного из многочисленных мелких островков Пределов, чтобы запастись водой и пищей. Чуть выше по течению ручья, защищенная с моря полосой джунглей, обнаружилась крошечная деревня. Пираты тогда слегка воспряли духом: после мрачных приключений и многих дней блуждания в тумане встретить наконец людей, пусть даже индейцев, было радостным событием. Они провели на островке с неделю и вели себя почти прилично:

перекочевавшие на бриг запасы вяленого мяса и слабенькой браги из маниоки не в счет, а с женщинами удалось договориться по-хорошему – благо, все взрослые мужчины очень кстати ушли на дальнюю охоту. Шеннону и вовсе повезло: одна из индейских девиц в него считай что втрескалась, чуть на бриг за ним не полезла. Шеннон тогда даже орать по ночам перестал, не до того было... Отчаливали в самом радужном расположении духа, мечтая о кабаках Гаваны. Но сейчас штиль принес влажную, давящую духоту, бессильную тревогу, как в дурном сне, и команда снова впала в тоскливое беспокойство. Кошмары старпома, совсем недавно бывшие поводом для шуток, теперь слишком живо будили мрачные воспоминания.

Бледные и злые от испуга, пираты обступили Шеннона. И без того взвинченные, теперь они пришли в ярость, и достаточно было малейшего толчка, чтобы их гнев прорвался наружу. «Чего стоим, акульки дети!» – заорал боцман. В ответ раздалось недовольное ворчание – дескать, сколько можно, всю душу уже вынул своими воплями... «Так вздернем его на рее», – предложил Ти-Жак и затрясся в мелком беззвучном смехе.

Шеннона подхватили под руки и поволокли. «Они и правда его повесят», – негромко сказал Карререс вышедшему на шум капитану. «Ну и что?», – вздернул бровь Брид и сложил руки на груди. «Могут выйти неприятности, – пожал плечами Карререс. – Для вас было бы лучше остановить их». Брид с кривой усмешкой смотрел, как на Шеннона надевают петлю. «Бросьте, доктор. Может быть, это уговорит его, – сказал он. – Мне самому до тошноты надоели эти вопли. Пусть проучат его немного, раз не умеет держать себя в руках».

Минута – и растоптанные мосластые ступни с обломанными ногтями, похожими на панцири маленьких мертвых черепаш, закачались в воздухе. Карререс припомнил, что ни разу не видел Шеннона в обуви. «Мне от земли отгораживаться нельзя, – говорил он, – чуть оторвусь – тут мне и погибель». Было ли это предчувствие или нелепое совпадение?

Над палубой повисла растерянная тишина, и шаги доктора прозвучали гулко, как в бочке. «Он мертв», – сказал Карререс, и по бригу пролетел тихий вздох. Пираты растерянно переглядывались, и наконец все лица обратились к капитану. Побледневший Брид отступил, положив ладонь на рукоять пистолета. «Я предупреждал, – негромко сказал ему доктор, – не стоило так полагаться на волшебство». Брид загнанно огляделся и прижался спиной к фальшборту. «Как же так?» – пробормотал он. Его глаза лезли на лоб, челюсть прыгала от ужаса. На палубе нарастал возмущенный гул, и кто-то из пиратов уже потянулся за саблей, когда первый ветерок осторожно потрогал бриг и заскрипел такелажем, набирая силу.

Карререс проводил Венни с матерью до калитки и вернулся в дом. «Тили-тили-тесто», – читалось в глазах мальчишки. Потомок неудачливого пирата и индеец Венни отчасти был прав: ожидание все сильнее давило на доктора. Пора бы Элли найти предлог и позвонить. Хотя робость может оказаться сильнее, и тогда придется выдумывать что-нибудь еще. Не хочется. Выдумывать что-то еще – значит терять время. Карререс чувствовал, что его вдруг стало очень мало. А ведь столько лет ползло, как замерзшая ящерица. Как игуана в северном зоопарке. Игуану, кстати, тоже не стоило выпускать из виду – у Клауса вот-вот сдадут нервы.

Словно в ответ на эти мысли, взревел телефон. Ругнувшись в адрес глухой контрабандистки, Карререс снял трубку.

– Добрый день. Это Клаус Нуссер, – услышал он напряженный голос.

Глава 5

Она была – беглая. Ее так и называли в деревне – Беглая Реме, и, говоря о ней, качали головами печально и мечтательно. С Реме избегали встречаться взглядами, и отчуждение обволакивало ее почти осязаемым коконом, когда она шла вдоль линии прибоя. Клаус ни разу не поинтересовался, откуда и почему она сбежала, как попала в эту заброшенную деревеньку на берегу океана. Мало ли какие обстоятельства бывают в стране, где революции

давно стали национальным видом спорта... Дважды в день она приходила в снятую Клаусом хижину на краю деревни, чтобы приготовить немудреную еду. Клаус, тогда еще тощий, безусый и полный энтузиазма, почти не замечал ее. Экспедиция, предпринятая на свой страх и риск, была близка к провалу. Местные жители давно забыли старинные рецепты, предпочитая все болезни лечить ромом и аспирином, а в случае крайней нужды – обращаться к городским врачам. Клаус с первых же дней понял, что поездка в джунгли, чтобы найти новые, неизвестные науке лекарственные травы, была безумной затеей, и только нежелание возиться с обменом билетов удерживало его. Он без удовольствия купался, вяло бродил по колону в иле по мангровым зарослям, изредка для проформы срывая какой-нибудь листок, пытался вести записи, но большую часть времени просто валялся в гамаке, изнывая от влажной жары и скуки.

Однажды утром вместо Реме он обнаружил на кухне шумную толстуху в цветастом платье. От ее иссиня-черной кожи пахло потом и амброй. Она сказала, что ее прислал староста: нельзя оставлять белого человека без прислуги. Она громко смеялась, кофе, поданный ею, был слишком сладким, а омлет – пресным. Раздраженно поковыряв его вилкой, Клаус спросил, куда делась Реме.

– Беглая Реме? Она ушла, – безразлично пожала плечами толстуха, и Клаусу захотелось ударить ее.

На другой день Клаус начал осторожные расспросы, но никто в деревне не мог сказать, куда ушла Реме и вернется ли когда-нибудь. Клаус впал в апатию. Он вдруг обнаружил, что привык любоваться Реме – копной черных волос, блеском медной кожи, гибкими движениями. Привык купаться в мягком золотистом тепле ее присутствия. Привык видеть по утрам ее улыбку и темные глаза, которые, казалось, всегда всматривались во что-то невидимое. Присутствие Реме не замечалось; ее исчезновение оказалось невыносимым, будто кто-то проделал дыру в грудной клетке, и теперь туда с ревом врвался холодный воздух.

Тогда он впервые, посмеиваясь, смущаясь и выдумывая научные объяснения, бросил монетку: орел – вернется, решка – нет. Выпал орел, и на третье утро Беглая Реме появилась на кухне, как ни в чем не бывало. Она слегка похудела, на смуглой щеке виднелась тонкая царапина, и несколько царапин было на руках, – но это была все та же Реме, и все с той же улыбкой она молча подливала Клаусу кофе – ровно такой, какой нужно.

Не поднимая глаз и нервно болтая ложкой так, что на стол выплескивались густые капли, Клаус попросил ее уехать с ним в Клоксвилль и склонился над чашкой, ожидая удивленного отказа, смеха, молчания. Но Реме согласилась – так же легко и спокойно, как когда-то согласилась готовить ему пищу.

Оставшиеся до отъезда дни они провели вместе. Дела, казавшиеся безнадежными, вдруг пошли на лад – оказалось, что Реме знает о местных травах намного больше, чем увешанные ожерельями старики. Это были странные знания, часто похожие на пустые суеверия, но Клаус привык работать с аборигенами и гордился тем, что всегда мог вычленишь из мистической шелухи рациональное зерно. С подсказками Реме коллекция быстро разрослась, а записи начали пестреть подчеркиваниями и восклицательными знаками.

Удачно продав пару патентов, Клаус не стал богачом, но смог купить аптеку в Клоксвилле и держать ее для собственного развлечения, не особо заботясь о доходе. Он был почти счастлив, но ужас, пережитый когда-то в тропической деревне, по-прежнему плескался на дне его души. Часто, глядя на нежно-отстраненную Реме, склонившуюся над дочкой, Клаус вспоминал, как называли ее «беглой», качая головами и прицокивая языком. Ему становилось страшно, и счастье начинало казаться лишь временным затишьем, утешительной отсрочкой перед кошмаром. Стоило Реме выйти из дому, и Клаус начинал тосковать. Он никогда не говорил с ней о своем страхе и сам старался не думать о нем. Но когда Реме исчезла, Клаус не удивился.

Беглая, думал он, отвечая на вопросы в полиции, развешивая отчаянные объявления, отправляя письмо в деревню, где когда-то встретил Реме, и читая вежливо-безнадежный

ответ. Беглая, беглая, – он неумело заплетал Элли косички и вел ее гулять, высматривая среди прохожих смуглое лицо, уже подернутое туманом забвения. Ни следа не осталось – Реме никогда не позволяла себя фотографировать, то ли просто не любила, то ли из суеверия, заказать портрет Клаус так и не собрался, а теперь уже было – поздно, поздно... Беглая, думал он, а Элли росла, и Клаус с ужасом замечал в ней все те же черты – отстраненность, и ожидание, и рассеянный взгляд – как будто она ищет невидимую дверь, в которую можно будет улизнуть. И найдет – если только Клаус не остановит ее, не защитит, не спасет. Пусть воображает, что хочет – Клаус знает, что за этой дверью нет ничего хорошего.

Бедная девочка, вздохнул он. Вряд ли она согласится на операцию добровольно. Дети никогда не понимают, как будет лучше, и приходится родителям решать за них. Клаус еще раз вздохнул и снял телефонную трубку.

– Как вы и предлагали, я тщательно обдумал этическую сторону проблемы, – последние слова он проговорил с иронией, явно цитируя собеседника. – Нет, мои намерения не изменились. Так могу я рассчитывать на вашу помощь?

Тихо звякнул телефон. Элли вздрогнула и обреченно взглянула на лоснящуюся эбонитовую трубку. Клаус наконец-то наговорился со своим таинственным собеседником по параллельному аппарату, линия освободилась. Последнее время отец разговаривал по телефону часто и подолгу. Он забросил гадания и все чаще расхаживал по кабинету, напевая и довольно ухмыляясь в усы. Когда Элли сунулась с метелкой к его столу, чтобы смахнуть пыль, вместо обычного брюзгливого, почти ритуального сопротивления Клаус встретил ее такой вспышкой ярости, что Элли едва не забыла, зачем затеяла уборку. Но визитка доктора Карререса валялась поверх запылившихся рукописей и документов. Элли успела запомнить телефон прежде, чем отец отобрал у нее метелку и сам принялся смахивать пыль и складывать бумаги в шаткие стопки, ворча и роняя рассыпающиеся листки.

В другое время Элли насторожилась бы, заподозрив, что отец вновь затеял какую-то авантюру, но сейчас ей было не до того. Огромный букет рыжих хризантем, казалось, светился в полумраке аптеки, и горький запах цветов пропитал весь дом.

Элли провела ладонью по прохладным пушистым головкам цветов. Все-таки Герберт, подумала она. Клаус, открывший дверь курьеру, вдоволь поиздевался над безответными страданиями инженера, страшно довольный тем, что Элли не встречается с ним уже больше недели и даже избегает говорить по телефону. Все-таки Герберт. Ну и что, что нет обычного многословного письма: мальчишка, принесший цветы, – настоящий разгильдяй, такой запросто мог посеять сам букет, не то что записку. Присылать цветы больше просто некому. И, значит, звонить никому не надо...

Спрошу, пришел ли заказ, решила Элли и посмотрела на руки. Руки тряслись. Вдруг ожгло страхом: показалось, что номер телефона забылся, стерся из памяти. Отец, перебирая свои драгоценные бумаги, наверняка закопал визитку так, что теперь не найти. Элли стиснула пальцы, прикрыла глаза, представляя картонный прямоугольник, исписанный резкими наклонными буквами. Два – шестьдесят три – два, очень просто. Двойка – это где-то рядом с Пороховым холмом, район кривых горбатых улочек и домов с глухими ставнями, тихий и замкнутый. Элли представила гудки и голос Карререса. Перехватило горло – голос будет сдавленный и дрожащий, так нельзя. Если говорить быстро, будет не так заметно. Главное – не сбиться. Элли несколько раз шепотом повторила первые фразы и набрала номер.

– Добрый день, доктор Карререс. Это Элли Нуссер, из аптеки, – отбарабанила она. – Я хотела узнать...

– Здравствуйте, Элли. Как хорошо, что вы позвонили, – перебил доктор. – Я хотел бы с вами встретиться.

– Что-то не так с заказом? – растерялась она. – Я передам отцу, и...

– С заказом все замечательно, – засмеялся Карререс. – Вы свободны сегодня вечером?

– Да, – немеющими губами ответила Элли.

– Я буду ждать вас на площади у ратуши ровно в шесть.
– Хорошо, – прошептала Элли в короткие гудки. Положила трубку осторожно, как хрупкое животное, и замерла, глядя в пустоту и стискивая руки.

К горькому аромату хризантем примешивался запах испортившейся воды – так тянуло из приоткрытых люков на мостовых Клоксвилля, из люков под крышками, на которых отекалены были корабли, идущие к прекрасным островам.

Глава 6

Ти-Жак покрутился у входа в музей, не решаясь войти, и торопливо захромал вдоль фасада. Повернув за угол здания, он довольно хмыкнул: окна здесь оказались широкие и довольно низкие, на уровне головы среднего человека, – но Ти-Жак едва мог дотянуться до подоконника кончиками пальцев. Он огляделся – переулок был пуст. Ти-Жак неуклюже подпрыгнул. Засаленная треуголка свалилась с головы, обнажив жидкие седые волосы. Он не стал подбирать ее. Второй прыжок оказался удачнее: Ти-Жак сумел уцепиться за раму. Он подтянулся, извиваясь всем телом и путаясь в ядовито-голубом пластиковом плаще, и заглянул внутрь. Глаза, отвыкшие от дневного света, слезились, – резь под веками мучила Ти-Жака с того момента, как постоянно тревожащий, держащий в уже привычном страхе гул экскаватора прервался вдруг грохотом обваливающегося потолка, и в надежную темноту рухнули столбы пыльного света, от которого мучительно хотелось чихнуть.

Ти-Жак, налившись кровью от напряжения, подтянулся выше, перехватился за решетку и замер, балансируя в узкой оконной нише. Он попытался вытереть слезы, но лишь размазал их холодным пластиковым рукавом. Всклипнув, Ти-Жак почти прилип носом к стеклу, вглядываясь сквозь отражение собственной, похожей на сушеную вишню, физиономии. Пыльное стекло было забрано частой решеткой, да еще и задвинуто стеллажом с птичьими чучелами, так что карлик едва мог рассмотреть полутемный зал музея; лишь витрины выделялись светящимися пятнами. Рядом с одной из них смутно шевелился какой-то силуэт.

Человек в зале – очевидно, смотритель музея – распахнул дверцу витрины, наклонился, на секунду исчезнув из вида, а когда выпрямился, Ти-Жак едва не свалился со своего наместа: в руках у смотрителя была банка с рыбой. Он торжественно установил ее рядом с поддельными алхимическими приборами и теперь тщательно запирает дверцу шкафа.

Ти-Жак спрыгнул на землю, подобрал треуголку и старательно напялил на голову. Присел на корточки, привалившись к стене, и задумался. Самым разумным было бы проникнуть в музей ночью, разбить стекло и сбежать. А если его застукают... Ти-Жак злобно улыбнулся. Дождевик, с которого он даже не потрудился сорвать этикетку, пришлось украсть на уличном лотке, зато оружие теперь было надежно укрыто и от сырости, и от лишних глаз.

Не вставая, Ти-Жак боком, как краб, передвинулся поближе к краю тротуара, высматривая ближайший люк – расхаживать по городу ночью не хотелось, можно было нарваться на слишком любопытного полицейского. Не то что Ти-Жак этого особо боялся, но зачем оставлять лишние следы? Он и так привлекает слишком много внимания. Редкие прохожие обходили его, отворачиваясь и морща носы: от сидящего на мостовой карлика слабо, но явно тянуло канализацией. Молодой мужчина быстро вышел из-за угла, покосился на карлика со смесью брезгливости и жалости и на ходу зашарил в кармане.

– Что, не нравлюсь? – рявкнул Ти-Жак. Прохожий вздрогнул и отвернулся, сделав вид, что карлик говорит не с ним. – Ты мне тоже! – Ти-Жак хрипло расхохотался и закашлялся.

– Извините, – смущенно пробормотал прохожий, втянул голову в плечи и прибавил шаг.

Ти-Жак задохнулся от ярости: он узнал этот негромкий, вежливый голос. Именно этот человек заметил банку! Это в его голову взбрела идиотская мысль отнести ее в музей. Это за ним пришлось гнаться через весь город в надежде опередить, перехватить у входа, отобрать свое. Трясаясь от бессильной злости, Ти-Жак вперил в спину Герберта ненавидящий взгляд.

Не пройдя и пяти метров, тот вдруг охнул и нелепо взмахнул руками, дергая угодившей в сточную решетку ступней и нервно оглядываясь на натужно хохочущего карлика. Наконец ему удалось освободить распухающую на глазах ногу. Хромая и морщась от боли, Герберт замахал рукой проезжавшему мимо такси. Снова помрачнев, Ти-Жак с кряхтением встал и, дождавшись, пока переулочек опустеет, вернулся к окну.

Смотритель скрылся из виду, и теперь музейный зал был пуст. Ти-Жак присмотрелся к витрине и обмер: за бликами яркой подсветки на толстом стекле совершенно невозможно было разобрать, на месте ли банка. Воображение услужливо рисовало картины: смотритель, эта жадная музейная крыса, решает, что банка слишком ценна, и прячет ее в какой-нибудь подвал, где Ти-Жаку ее в жизни не найти. Или того хуже: дурак-смотритель, решив, что экспонат не представляет ценности, вышвыривает банку на помойку; от удара трескаются печати, лопается толстое стекло, и рыба, судорожно дергая жабрами, бьется на куче мусора...

Этой картины Ти-Жак вынести не смог. Громко ругаясь, он бросился ко входу. Влетел в вестибюль, проскочил мимо пустой билетной кассы и остановился у входа в зал. Слегка отдышавшись и взяв себя в руки, Ти-Жак осторожно выглянул из-за полураскрытой двери. Теперь было видно, что банка стоит на месте; рыба по-прежнему медленно вращалась в мутной воде. Ти-Жак перевел дух и осмотрелся. На первый взгляд в музее никого не было; мальчишка, наверное, сидит в своем подвале, роясь в драгоценностях, и вряд ли услышит даже удар по стеклу. А если и услышит – у Ти-Жака есть способы его остановить. Карлик улыбнулся почти весело: катастрофа обернулась мелким досадным происшествием, не стоящим волнения.

На всякий случай стараясь не слишком громко шаркать ногой, Ти-Жак на цыпочках вошел в зал. Он уже готов был броситься к витрине, но в последний момент увидел смотрителя. Примостившись на крошечной табуретке, втиснутой между шкафами, и напряженно собирая лоб в складки, он медленно писал что-то на сероватой полоске картона. Иногда смотритель останавливался, мечтательно улыбаясь и покусывая кончик ручки, и снова принимался выводить каллиграфические буквы. Что ж, тем хуже для него, подумал Ти-Жак, вытягивая из-под дождевика пистолет. Пластик громко зашуршал; услышав шелест, Гай улыбнулся краешком рта.

– Минутку, – сказал он, не поднимая глаз. Ти-Жак ухмыльнулся и направил оружие на смотрителя. Рука задрожала – пистолет был слишком тяжел, чтобы долго удерживать его на весу. Ти-Жак осторожно переступил с ноги на ногу и взялся за приклад второй рукой.

– Открой шкаф, – негромко приказал он.

Гай наконец оторвался от этикетки; при виде целящегося в него старика физиономия смотрителя вытянулась, брови полезли вверх. Сунув картонку в карман, он озадаченно перевел взгляд с карлика на витрину и обратно. Моргнув, недоумевая, и зачарованно уставился на пистолет в руке странного посетителя. Настоящий абордажный пистолет, почерневший от времени, размером чуть ли не с руку, с огромным дулом воронкой и резными курками – узор едва можно было различить под слоем грязи. Гай судорожно вздохнул и провел языком по пересохшим губам.

– Позвольте... – слабым голосом сказал он, протягивая руку. Нервы Ти-Жака не выдержали.

– Рыбу, быстро! – завизжал он и, задрав пистолет к потолку, нажал на спусковой крючок. Раздался слабый щелчок.

– Осторожней, ради бога! – тревожно вскрикнул Гай. – Дайте сюда.

Не успел Ти-Жак опомниться, как пистолет выдернули у него из рук. Карлик, пригибаясь и волоча ногу, бросился в сторону, ожидая, что заряд дробы вот-вот вопьется между лопаток. Но выстрела все не было. Прислушавшись, Ти-Жак различил невнятное, почти нежное бормотание и медленно выглянул из-за стойки со старыми газетами. Гай баюкал грозное оружие, нежно обтирал рукавом свитера, что-то приговаривая и счастливо улыбаясь. Ти-Жак сделал осторожный шаг вперед, примериваясь. Один прыжок... Гай

наконец оторвался от пистолета и взглянул на карлика.

– Какой чудесный экземпляр! – воскликнул он. – Огромное, огромное вам спасибо! – Смотритель стремительно шагнул вперед и, прежде чем Ти-Жак успел увернуться, схватил карлика за руку и затряс. – Спасибо, спасибо, – растроганно приговаривал он.

Задышавшись, Ти-Жак потянул оружие к себе. Гай испуганно прижал пистолет к груди и попятился.

– Извините, но... простите, пожалуйста... боюсь, вы обращались с ним не очень аккуратно... – виновато моргая, он отступал к витрине с оружием. – Где вы раздобыли такое сокровище? – спросил он, любовно осматривая пистолет.

– Отдай рыбу, – безнадежно простонал Ти-Жак.

– Рыбу? – Гай тревожно поглядел на скрюченные пальцы и перекошенное лицо карлика. – Боюсь, я вас не понимаю...

Зарывав, Ти-Жак вытянул из сапога нож и бросился на смотрителя. Плевать, что эта музейная крыса в два раза выше и тяжелее. Он ударил головой в живот; Гай удивленно вякнул, согнулся, и Ти-Жак впился в рукоятку пистолета, выворачивая кисть.

Грохнул выстрел. Ти-Жак взвыл и схватился за обожженное лицо. В пепел сгоревшие брови закрипели под пальцами. Обмирая от страха, он моргнул. Лицо горело, точно утыканное сотней раскаленных иголок, но глаза были целы. Сквозь пороховой дым Ти-Жак увидел, как лицо смотрителя расплывается в бледной счастливой улыбке.

– Еще и работает? – тихо спросил Гай, удивленно глядя на пистолет, и сделал шаткий шаг назад. – Какой экземпляр... – он поднял глаза на Ти-Жака.

– Мне очень нужна рыба, – прошептал карлик.

– Больно, – пожаловался Гай.

Глава 7

Синие тени путались в кронах каштанов, камень из серого стал рыжеватым, и бормотание пухлых голубей, разгуливающих по крошечному скверу посреди площади, казалось приглушенным, будто разбавленным белилами. Элли неторопливо прошла мимо скамеек, вглядываясь в сидящих людей, – две парочки, нервный клерк; чернокожий старик в украшенном десятками значков пальто ломает булку, бросает крошки птицам. Элли присела, напряженно вытягивая шею. Мягко ударили часы на ратуше, и она заоглядывалась по сторонам, высматривая среди редких прохожих доктора. Элли вдруг испугалась, что не сможет узнать его, – и в тот же момент увидела Карререса. Было непонятно, как она могла не заметить его раньше – Карререс был совсем рядом и неторопливо приближался, чуть склонив голову набок и слегка улыбаясь, будто рассматривал случайно попавшегося на глаза зверька. Элли слабо улыбнулась в ответ, глядя исподлобья; от нахлынувшего вдруг смущения она не представляла, как себя вести и что говорить. Карререс протянул руку, негромко сказал – «пойдемте». Элли вскочила и заспешила к выходу из сквера, слушая широкие шаги доктора.

Старик, кормивший голубей, взглянул на Карререса и выронил булку.

– Барон? – прошептал он.

– Вы обознались, – добродушно бросил Карререс, проходя мимо. Элли оглянулась. Старик сидел неподвижно. Под его ногами копошились над упавшей булкой голуби. «Обознался, – с непонятным нажимом пробормотал Карререс, – ошибка». Навстречу, снижаясь, пронеслось несколько птиц, обдав лицо теплым ветром. Элли прикусила губу.

Перейдя площадь, Элли с Каррересом бок о бок побрели по тротуару.

– Куда мы идем? – не выдержала наконец Элли.

– Я приехал недавно и еще плохо знаю город, так что вам придется быть моим гидом, – сказал Карререс. – Представьте, что я турист.

– Вы первый раз в Клоксвилле?

– Нет, – покачал головой доктор, – но я давно здесь не был. Очень давно...

– Сколько?

– Лет двести, наверное, – серьезно ответил Карререс.

– Ого! – рассмеялась Элли. – Да, за двести лет здесь многое изменилось.

– На самом деле – даже чуть побольше, – улыбнулся наконец доктор. – Так куда у вас водят туристов?

– Здесь не бывает туристов, – пожала плечами Элли и задумалась, покусывая губу. – Можно залезть на Пороховой холм, оттуда красивый вид... ну и развалины, – она вопросительно взглянула на Карререса. Тот едва заметно качнул головой. Элли вдруг почувствовала тень скуки в темных глазах, и она поспешно поправилась: – Но скоро стемнеет. Куда еще могут пойти туристы? Просто погулять? Есть еще, конечно, музей, – со смешком добавила она.

– Отличная мысль, – неожиданно оживился Карререс. – Музей – самое то...

Удивленная, Элли искоса взглянула на доктора. Похоже, Карререс не шутил.

– Он скоро закроется... Правда, здесь недалеко, и я знакома со зрителем. Но это совсем крошечный музей, и в нем мало интересного, – предупредила она.

– Ничего-ничего, посмотрим... – доктор, не оглядываясь, зашагал вперед.

– Какой чудной запах, – сказала Элли, когда они вошли в вестибюль. – Как будто хлопушки взрывали, да?

– Да, – ответил Карререс с небольшой заминкой.

Элли подошла к кассе, заглянула внутрь и завертела головой. Постучалась в закуток зрителя, и, не дождавшись ответа, робко приоткрыла в дверь – комнатка была пуста.

– Странно, – растерянно сказала она. – Гай! Гааай! Странно, – повторила она, оглянувшись на Карререса.

Доктор уже стоял у входа в зал, прислонившись к тяжелой резной двери и загораживая проем. Элли тихо подошла, попыталась встать рядом – Карререс, не оглядываясь, молча отстранил ее.

– Да что слышу... – Элли пригнула голову, выглядывая из-под руки Карререса, и со всхлипом втянула воздух. Запах пороха здесь был настолько сильным, что запершило в горле. – Гай! – хрипло вскрикнула она и проскользнула мимо доктора в зал. – Гай, что с тобой? – она присела рядом лежащим ничком зрителем, с испуганной улыбкой потянула его за рукав и вздрогнула, почувствовав на плече руку доктора.

– Отойди, – сказал он. – Он мертв.

– Ему, наверное, стало плохо, – прошептала Элли, чувствуя, как пол уходит из-под ног. – Или... Да он просто пьяный! – радостно воскликнула она. Карререс фыркнул и, схватив безвольную руку, перевернул Гаю на спину. На лице зрителя застыла странная смесь ликования, удивления и боли; Элли перевела взгляд ниже и сдавленно закричала, кусая пальцы: изорванный в мокрые клочья свитер рядом с радостной гримасой казался особенно страшным.

– Тише, тише, – недовольно обернулся Карререс.

– Ему просто стало плохо, – как заклинание повторила Элли, глядя на черную лужу, от которой тошнотно тянуло железом.

– Заряд дроби в упор, Элли. Конечно, ему стало плохо. Но ненадолго, – Карререс поднялся и оглядел зал. – Витрина разбита, – небрежно заметил он. Под стеллажом с какими-то колбами и ретортами тускло блестела куча битого стекла. Карререс подошел поближе, – Элли, подскочив, бросилась следом, – и иронически скривился, прочитав пару надписей.

– Это он разбил? – шепотом спросила Элли.

– Вряд ли, – ответил Карререс и вернулся к телу.

– Он просто возился со своими пистолетами, – голос Элли зазвенел. – Это случайность!

– Случайностей не бывает, – доктор присел над Гаей и аккуратно потянул за торчащий из кармана джинсов краешек картона.

– Надеюсь, вы знаете, что делаете, – слабо сказала Элли.

– Знаю, – согласился доктор.
– Нельзя же ничего трогать! – Элли всхлипнула. – До приезда полиции ничего нельзя!
– Я не собираюсь вызывать полицию, – пожал плечами Карререс. Бегло прочитав надпись, он хмыкнул и сунул картонку в карман. Элли, обхватив себя руками и сжав зубы, прислонилась к дверному косяку и медленно сползла на пол, ничего не видя от слез.

Элли наконец перестала плакать и вытерла глаза. В машине сильно пахло сыростью; пошевелившись, Элли почувствовала, как к коже противно липнет мокрая одежда. То ли попала под дождь, то ли доктор окатил водой – она не помнила, что произошло, но спрашивать почему-то было страшно. В памяти осталась лишь вспышки пламени в темноте, которые вдруг обернулись мелькающими за окном машины фонарями. Они становились все реже и вскоре вовсе исчезли; круто уходящую вверх улочку освещали лишь окна старых каменных домов – мягкий, слабый свет, процеженный сквозь разноцветные складчатые шторы. Все-таки отправились на Пороховой холм, подумала Элли с невеселой усмешкой.

– Куда мы едем? – спросила она.

– Ко мне, – ответил доктор, перегнувшись с переднего сиденья. – Уже приехали.

Такси остановилось рядом с небольшим домом, слегка отступившим от улицы. Темный силуэт остроконечной крыши едва виднелся за бестолково разросшимся кустарником. Он показался Элли смутно знакомым – как будто Герберт рассказывал связанную с ним забавную историю. Она вышла из машины и, вздрагивая от вечерней промозглой сырости, заторопилась за быстро шагающим Каррересом. Дом из белого камня, казалось, насуплено смотрел темными окнами, будто ожидая какой-нибудь глупой выходки.

– Здесь же живет Пэт Кэрриган! – вспомнила Элли.

– Пэт уехала на побережье, – ответил Карререс, отпирая, – теперь здесь живу я.

Элли робко вошла в темную прихожую, пропахшую табаком и горячим воском. Карререс подтолкнул Элли к приоткрытой двери. Комната была освещена только странной тусклой лампой – присмотревшись, Элли поняла, что это колба, в которой плавают странные оранжевые существа. По полупрозрачным мягким тельцам изредка пробегали фиолетовые искры, существа вдруг начинали метаться, судорожно подергивая щупальцами, а потом снова замирали, испуская мягкие желтоватые лучи. Чуть привыкнув к полутьме и оглядевшись, Элли присела рядом с низким столиком и стиснула коленки, напряженно глядя на доктора.

– Все трясешься, – неодобрительно заметил Карререс. Не включая света, он достал из шкафчика темную пыльную бутылку, пузатый бокал, плеснул густую, почти черную жидкость.

– Выпей, – доктор не глядя протянул вино, налил себе и повернулся. Элли смотрела на лампу, изо всех сил стиснув руки. – Ну?

– Спасибо, я не хочу, – Элли мельком взглянула на вино и снова отвернулась, чувствуя, как опять предательски трясутся губы.

– Давай, не упрямясь, – сказал Карререс, и Элли, всхлипнув, взяла бокал. Осторожно глотнула – вино расплескался по телу теплой волной, оставив во рту горьковатый привкус вишни. Элли вытянула ноги и откинулась на спинку дивана, слегка расслабляясь. Карререс встал напротив, покрутил бокал, глядя, как вино расплескивается по стеклу коричневой пленкой. Взглянул на Элли.

– Почему отец называет тебя принцессой? Принцесса чего?

– Я не знаю. Просто папа... он меня очень любит, – невесело рассмеялась Элли.

– Ты знаешь, что он хочет пересадить твой мозг в игуану?

– Не лезьте не в свое дело, – мгновенно ошетинулась Элли, снова подбираясь. – Это глупая шутка...

– Он просил меня помочь.

Элли поперхнулась вином и уставилась в стол, бессмысленно возя пальцем по крошечной капле, едва заметной на темном дереве.

– И вы... согласились?
– Почему бы и нет, – пожал плечами Карререс.
– Да кто вы такой?! – не выдержала Элли.
– Ты хоть раз заглядывала в отцовские бумаги? Хотя бы из любопытства? Хоть раз спрашивала себя – откуда у него взялась такая дикая идея?

Элли покачала головой и судорожно вздохнула, пытаясь подавить очередной приступ плача.

– Ну и как ты собираешься становиться принцессой с такими нервами? – насмешливо спросил Карререс и присел рядом.

– Я не собираюсь... это папина шутка, – сдавленно ответила Элли. Ей не хотелось думать про принцесс и игуан: Карререс сидел слишком близко, и это пугало ее, и еще больше пугало суматошно бьющееся сердце.

– А придется, – ответил Карререс почти грустно и пальцем отвел упавшую на лицо Элли прядь волос. Элли стиснула бокал. Гибель Гая забылась, темный музейный зал, пропахший порохом и кровью, отодвинулся и все больше походил на кошмарный сон, который можно просто забыть, – все растворилось в тепле, волнами накатывающем от Карререса, в чуть слышном запахе большого сильного зверя. Элли замерла, боясь пошевелиться: казалось, одно движение – и доктор встанет, опять начнет расхаживать по комнате, говорить жестко и отчужденно. Карререс усмехнулся, молча стукнул своим бокалом об ее и допил вино.

– Это не шутка, Элли, – серьезно сказал он. Резко вытянул руку – Элли вздрогнула от сладкого ужаса и застыла, подставляя голову. Карререс взъерошил волосы, провел ладонью по щеке. Элли прикрыла глаза, перестала дышать, ожидая, и судорожно дернулась, когда Карререс расхохотался. Мучительно краснея, она попыталась вскочить, но жесткие пальцы доктора сжали ее лицо.

Она снова была в музее, в темноте, раздираемой вспышками пламени. Ритмичный рокот, отдающийся в затылке, страшное, оскаленное лицо Карререса, склонившегося над Гаем, похожим на восковую куклу. Густой страх, подступающий к горлу. Голос, как удар кнута, как удар натянутого до звона и лопнувшего наконец каната. Огненные блики на влажной коже, танец, освещенный кострами, в горячем поту, запах крови, щекочущий ноздри, и губы изгрызть в кровь, царапать щеки под грохот барабанов, биться в горячей пыли и кричать, добровольная жертва чудовищным богам, кровь на каменном ноже, кровь на изорванном свитере. Ужас, невыносимо сладким жаром обдающий спину, безумие и вой, долгожданное погружение в древнюю тьму...

Бледный свет. Взгляд Карререса, внимательный и довольный, пустой графин в сильной руке. Мокрая холодная одежда... нет, простыня, по которой расплывается пурпурное пятно.

– Вино-то зачем было переворачивать? – спросил доктор. Элли засмеялась и завозилась, отодвигаясь с мокрого.

– Сколько времени? – спросила она, потягиваясь.

– Около двенадцати.

– Папа меня убьет, – весело сказала Элли, свесилась с кровати и вытащила из-под нее джинсы.

– Нет, он просто поторопится с пересадкой в игуану, – ответил Карререс. Элли вскинула на него глаза и испуганно прикусила губу, увидев, что доктор абсолютно серьезен.

– Но ведь ты не станешь ему помогать? – тихо спросила она.

– Он и без меня прекрасно справится, – ответил Карререс, – господин Нуссер просто хотел подстраховаться.

Кое-как одевшись, Элли присела на краешек кровати, теребя рукава блузки и глядя в пространство. Как же так, думала она. И ты меняпустишь? Просто отправишь домой? Помоги мне, хотелось закричать ей, но она не могла произнести ни слова. Как наяву

представился отцовский футляр с хирургическим инструментом. Элли загнанно взглянула на Карререса. Доктор молча курил, и с каждым клубом дыма тишина в доме давила все сильнее.

– Мне надо идти, – выдавила наконец Элли и едва не подпрыгнула от пронзительного гудка, донесшегося с улицы. Выглянув в окно, она увидела у калитки зеленый огонек.

– Я вызвал такси, – объяснил Карререс, и Элли зажала рот ладонью, чтобы не расплакаться.

– Пока, – сдавленно пробормотала она, бросилась к выходу и задергала ручку двери.

– Я не прекрасный рыцарь, Элли, – сказал Карререс, помогая ей открыть. – Я всего лишь тюремный врач.

Глава 8

Мелкая морось шелковой вуалью дрожала в свете фонарей, оседала сверкающими каплями, сливалась в ручейки и с нежным журчанием стекала сквозь решетки в катакомбы под Клоксвиллем. Синяя плесень, покрывавшая стены, жадно впитывала влагу и начинала светиться бледным фосфорическим светом. Гнилой подземный туман жадно глотал звуки, пережевывал и выплевывал глухим эхом. Растревоженные, из затопленных щелей выползали крупные многоножки, скользили по камню ожившим обрывком грязной бахромы и срывались в озеро-колодец на перекрестье двух туннелей. Вокруг бьющихся в воде насекомых вдруг возникали смоляные воронки; из них всплывали неведомые твари, распахивали бледные пасти, полные кривых зубов, и уходили в глубину, оставив лишь расходящиеся круги.

Ти-Жак метался по узкому берегу. Он потрясал костлявыми кулачками, склонялся над водой, освещая ее тусклым налобным фонарем, и, опасливо балансируя на одной ноге, полоскал сапоги. По маслянисто-черной поверхности шла рябь, и карлик с жадной надеждой смотрел на исчерканную метками рейку, уходящую под воду. Но как он не баламутил подземную реку, волны не захлестывали заветную медную полоску, и Ти-Жак вновь принимался бродить по скользкому бетону.

– Это он, он! – вскрикивал карлик. – Не понимаю... Как он узнал...

Ти-Жак все бормотал и заламывал руки, когда по влажным стенам запрыгал смутный отблеск, и послышались торопливые шаги. Ти-Жак замер, настороженно всматриваясь в темноту, погасил фонарь и вжался в стену. В проходе, освещенная жестяной керосиновой лампой, появилась женщина, закутанная в пестрые шерстяные лохмотья. Длинные черные волосы, лишь слегка тронутые сединой, двумя толстыми косами обрамляли темное лицо, – красивое, если б не застывшая гримаса горького упрямства, искажающая резкие черты.

Отчаяние на лице карлика сменила равнодушно-насмешливая маска. Дождавшись, пока женщина подойдет поближе, он бесшумно выступил из тени.

– Пришла посмотреть на лот, Беглая? – негромко спросил он. Женщина тихо вскрикнула, отшатнулась и близоруко прищурилась. – Вода прибывает, – продолжал Ти-Жак, довольный эффектом. – Осталось всего ничего. Мои ребята уже латают паруса.

– Скоро уже триста лет, как вы латаете эту гниль, – сердито ответила Беглая. – Пора бы понять, Ти-Жак: вам не выбраться отсюда, как бы ты не пялился на метку...

– Можно подумать, ты пришла сюда просто прогуляться, – ехидно сказал карлик и вздохнул. – Вот увидишь, на этот раз мы сможем проскочить. До самого побережья... а там... – Ти-Жак снова вздохнул, кривя губы в неумелой улыбке. Потом встряхнулся, и его лицо стало хитровато-слащавым. – Ты бы поплыла с нами, Беглая?

– Не зная дороги, мы погибнем, любезный Ти-Жак, – ответила та. – Может быть, мы даже смогли бы дойти до побережья. Но проскользнуть между струями тумана... пробраться сквозь мангры... Мой муж едва не потерял голову, когда по глупости забрел туда.

– Почему же – едва? Потерял, – вставил карлик.

– Мы познакомились на кухне, Ти-Жак, – снисходительно напомнила женщина и продолжала, чуть хмурясь: – Найти русло в великих болотах... не разбиться о рифы в... –

Ти-Жак слушал, затаив дыхание. Заметив азартный блеск в его глазах, женщина усмехнулась. – И не надейся. Я действительно не помню дорогу.

Глаза карлика погасли, и он вновь поболтал ногой в воде. Потом заговорил вкрадчиво, почти умоляюще:

– Подумай, Беглая. Смотри – вода прибывает. Смотри – до медной полоски, указанной капитаном, остался всего фут – за те годы, которые мы здесь живем, вода ни разу не поднималась так высоко. Представь, Беглая: ты на палубе, и вокруг только море. Ты вспомнишь. Я уверен – как только мы выйдем в море, ты вспомнишь.

– Ты же знаешь, что я уже пыталась однажды. А ведь я тогда была моложе, и до острова было ближе, много ближе...

– Это Клаус тянул тебя назад!

– Неправда. Я забыла дорогу, Ти-Жак. А потом – зачем тебе я? Или ты наконец протрезвел и перестал верить во всякие глупости? У тебя же есть капитан.

– Если бы! – заверещал карлик. Слащавая маска разом слетела с него, и лицо перекошилось от злобы и страха. – Капитана больше нет. Капитана больше нет!

– Что, все-таки протух? – равнодушно спросила Реме. – Как тебе не повезло.

– Ты... – Ти-Жак сжал кулаки и застыл, пораженный какой-то мыслью. – Ты поднималась сегодня, Беглая? – вкрадчиво спросил он.

Реме усмехнулась, глядя Ти-Жаку в глаза, и покачала головой. Отвернулась, собираясь уходить. Ти-Жак подскочил к ней и, придушенно взвизгнув, вцепился в бахрому шали. Брезгливо морщась, Беглая принялась отдиравать костлявые синюшные пальцы и закричала от злости и боли, когда карлик в бешенстве впился зубами в ее руку. От оплеухи Ти-Жак покатился в сторону и едва не упал в воду, в последний момент уцепившись за край. Похоже, удар слегка отрезвил его. Бочком перебравшись подальше от разъяренной женщины, он присел на корточки, потер щеку, и вдруг злобно рассмеялся.

– Так даже лучше, – наконец выговорил он. – Он в городе, и он будет искать Капитана... Берегись, Беглая! Тебе придется туго, когда он поймет.

– Кто – он? – подняла бровь Реме.

Шепотом, дергая лицом и вытягивая губы в трубочку, Ти-Жак прошептал имя.

– Так вот почему ты засуелся... – Реме невольно поежилась, стянула шаль на груди, и карлик вновь расхохотался, брызгая слюной.

– Что, не знала, кому перешла дорогу? Ты станешь такой же, как мы, и он будет смеяться над тобой так же, как посмеялся над нами!

– Когда-то ты сам любил посмеяться, – заметила Реме. Карлик помрачнел.

– Любил, – кивнул он. – А ты всегда была обидчива, Беглая... Беглая! От него не сбежишь, неет...

Глава 9

Негромко стукнула дверь в аптеку. Клаус бросился вниз, распространяя коньячный запах и теряя на ходу туфли. На последней ступеньке он задержался. С силой провел ладонью по лицу, будто стирая отчаяние и ужас, выпрямился, грозно встопорщил усы и медленно вышел навстречу дочери.

– Где ты была? – прорычал аптекарь.

Элли молча сбросила туфли и, шлепая мокрыми ногами, доковыляла до стоящего под вешалкой стула, на котором никто никогда не сидел. Смахнула с него два зонтика и отцовский берет, присела, подложив под себя ладони. Мокрые волосы липли ко лбу крысиными хвостиками, с них стекали струйки воды, заливали глаза, пробирались по щекам ко рту, и Элли то и дело моргала и машинально проводила языком по губам, избавляясь от капель. Клаус, озадаченный молчанием дочери, протер очки полый халата и снова нацепил их на нос.

– Да ты вся промокла! – воскликнул он, разом растеряв всю суровость. – Немедленно

переоденься, а я пока налью тебе бренди.

Он затопал вверх по лестнице, пыхтя и отдуваясь. Помедлив, Элли поднялась и побрела следом.

– Я была у доктора Карререса, – проговорила она, остановившись у раскрытой двери кабинета.

– И не забудь надеть шерстяные носки, – крикнул Клаус через плечо. – Что?! – он резко обернулся, расплескивая коньяк, и уставился на дочь. Элли откашлялась.

– Я была у доктора Карререса, – повторила она.

– Что ты делала у него так поздно? – обалдело спросил Клаус.

– Ну па! – покраснела Элли. Аптекарь внимательно взгляделся в лицо дочери. Блестящие глаза, покрасневшиеся, горящие щеки, мокрые волосы спутаны; губы припухли, будто искусанные. Потупившись, Клаус принялся перебирать бумаги, лежащие на столе.

– В конце концов, это твое дело, – буркнул он и смущенно прочистил горло. – Надеюсь, он... эээ... не обижал тебя?

– Что ты имеешь в виду? – хихикнула Элли и вдруг всхлипнула. Клаус с ужасом посмотрел на дочь и побагровел.

– Да как он посмел! Этот древний старик...

– Старик? Мне показалось, что он вполне в неплохой форме, – зло рассмеялась Элли, размазывая слезы.

– Элли Бриджит Нуссер! – потрясенно одернул ее Клаус. – В конце концов, ему почти триста лет, если не больше... – пробормотал он. Элли фыркнула.

– Знаю, – и, зажмурившись от собственной наглости, добавила: – Всегда мечтала переспать с кем-нибудь легендарным.

– Прекрати наконец! – Клаус грохнул кулаком по столу. Налитый для Элли стакан с бренди подпрыгнул и накренился, заливая бумаги; аптекарь подхватил его и осушил залпом, не чувствуя вкуса. – Все. Иди к себе и ложись спать. Видеть тебя не могу, ведешь себя как... как... И не смей никуда уходить завтра! Чтоб носу не высывывала!

– Домашний арест? – ехидно спросила Элли.

– Да, домашний арест! – загремел Клаус. – А с этим... чудовищным типом я поговорю.

– Только будь повежливее, а то он раздумает помогать тебе с операцией, – Клаус застыл, потрясенный, И Элли зло рассмеялась: – Что, думал, я не знаю? Ненавижу эту чертову ящерицу!

– Это Карререс тебе сказал?! Да он сумасшедший! Это какой-то антинаучный бред!

– Что – это? – вкрадчиво спросила Элли.

Они замерли, глядя друг на друга с испуганным возмущением. Наконец аптекарь опустил глаза, побарабанил пальцами по столу. Вытащил из ящика бутылку, налил два стакана, протянул один дочери:

– Выпей все-таки, а то простынешь...

Обхватив стакан ладонями, Элли с ногами забила в кресло и свернулась в клубок. Они пили молча, настороженно поглядывая друг на друга и поспешно отводя глаза, едва их взгляды пересекались. Иногда Элли тихо всхлипывала, и тогда Клаус гримасничал, как от зубной боли. Тишина в кабинете становилась все гуще. Аптекарь начинало казаться, что скоро воздух станет настолько плотным, что раздавит их – или взорвется. Страшно было нарушить хрупкое перемирие неосторожным словом; еще страшнее – погружаться в это вязкое молчание.

Элли судорожно вздохнула, залпом допила бренди и безвольно уронила руки на колени.

– Знаешь, сегодня вечером заходил Гай, просил чего-нибудь тонизирующего, – принужденно заговорил Клаус. – Я дал ему сироп лимонника – как ты думаешь... Элли? – он схватил страшно побледневшую Элли за локоть, но она уже пришла в себя и раздраженно вырвала руку. – Да что с тобой?!

– Когда – вечером? – спросила она.

– Не помню, – отмахнулся Клаус. – Знаешь, он как-то...
– Папа. Постарайся вспомнить. Это очень важно.
– Довольно поздно вечером, – пожал плечами аптекарь. – И вел себя престранно. Совершенно невежливо... – Клаус вдруг всплеснул руками. – Он что, все знает? Он же лучший друг Герберта...
– К черту твоего Герберта.
– Но, дочь, ты же хотела выйти за него замуж...
– Это ты хотел выдать меня за него.
– Что за чушь, – Клаус подбросил монету, сжал ее в кулаке и вдруг оживился: – Но, значит, тогда я не собирался пересаживать тебя в игуану!
– Да это одно и то же! – взорвалась Элли и выпрыгнула из кресла.
– Немедленно вернись! – заорал Клаус, бросаясь следом.
Споткнувшись, он едва удержался за перила и остановился, хватаясь за сердце. Каблуки Элли дробно простучали по лестнице. Грохнула дверь, жалобно зазвенели потревоженные склянки в аптеке...
Клаус грузно осел на ступеньку и спрятал лицо в ладони.

Глава 10

Город засыпал. В окнах гас свет, фонари горели через один, и ни одна машина не проезжала мимо – не говоря уже о такси. Тишину нарушал лишь монотонный шелест дождя. Герберт, прихрамывая, брел по пустой улице. Растянутая днем лодыжка болела, он промок, промерз и скрипел зубами от раздражения и усталости. Проклятые катакомбы нарушили все планы срочной работы, пришлось допоздна метаться между изуродованным котлованом и никуда теперь не годными чертежами. Теперь Герберт мечтал лишь о том, чтобы выпить чаю и упасть в кровать.

Узкие цементные ступеньки, ведущие к крыльцу, скрывались в тени козырька, и Герберт чуть не споткнулся об скорчившуюся под дверью темную фигурку. Чертыхнувшись, он отступил на тротуар. Человек на крыльце мерно раскачивался; Герберт различил жалобное поскуливание. К досаде на неожиданную помеху примешался смутный, темный страх. Инженер нагнулся и сердито тряхнул сидящего за плечо. Тот всхлипнул в последний раз и затих. Герберт дотянулся до выключателя, и тусклая лампочка залила крыльцо пыльным светом.

– Элли?! – Герберт растерянно поглядел на бледное мокрое лицо, слипшиеся ресницы, красную кайму вокруг ноздрей. – Давай-ка вставай...

Он подхватил ее подмышки и рывком поднял. Элли запуталась в собственных ногах и пошатнулась, едва он отпустил – пришлось снова подхватывать, не давая сползти обратно на ступеньки. Придерживая девушку за талию, Герберт полез в карман за ключом.

– Что ты здесь делаешь? – спросил он, слепо шаривая замочную скважину.

– Вот, – вместо ответа Элли протянула ему кусок цепочки с медным кольцом. Герберт несколько секунд смотрел, не узнавая, потом взглянул на дверь – рядом с косяком жалко болтался остаток из нескольких звеньев. – Оборвала тебе звонок, – хихикнула Элли. – Понимаешь, мне больше некуда было идти... Где ты был?

– На работе, – сухо ответил Герберт и потянул носом. – Да ты пьяна! – возмущенно воскликнул он. – Давай-ка я отвезу тебя домой, твой отец, наверное, с ума сходит!

– И ты туда же, – непонятно пробормотала Элли. – Может, ты меня все-такипустишь? Я насквозь промокла...

Войдя в дом, Элли тут же юркнула в комнату. «Я твой свитер возьму?» – прокричала она. Ответа явно не требовалось, и Герберт лишь молча кивнул. Он расхаживал по кухне, тоскливо вздыхал, ерошил волосы. О предстоящем объяснении с Клаусом даже думать не хотелось.

Чайник забулькал и выплюнул струю пара; Герберт привернул газ, неуверенно

потоптался на пороге кухни. Было слышно, как Элли шуршит одеждой. Наконец она вошла, на ходу подворачивая рукава и ежась; пробормотала: «Колючий». Свитер Герберта доходил ей почти до колен, подбородок тонул в широком воротнике. По-прежнему заплаканная, она выглядела теперь совершенно трезвой и очень несчастной. Герберту стало неловко за свое раздражение.

Элли наотрез отказалась ехать домой; рассказывать, что случилось, она тоже не захотела. Только смотрела исподлобья, всхлипывала и порывалась уйти, как только слышала о том, что, мол, неплохо хотя бы предупредить Клауса. В конце концов Герберт сдался. Он вздохнул, снова представив разъяренного аптекаря, в последний раз покосился на телефон и махнул рукой. Разлил чай. Зажег несколько свечей в одинаковых стеклянных подсвечниках, расставил линейкой на столе.

– Зачем это? – сердито спросила Элли, ткнув пальцем в аккуратный строй.

– Ты же любишь, принцесса, – удивленно ответил Герберт и чуть подвинул одну свечу, выбившуюся из ряда.

– Не смей, – протянула Элли, и Герберт вздрогнул, услышав низкий, протяжный голос, так не похожий на привычный щебет. – Не смей называть меня принцессой! Иначе я уйду.

– Опять начинается... В таком виде? – Герберт ткнул пальцем в торчащие из-под свитера голые коленки.

– Одеться недолго...

– Да что с тобой сегодня... – Герберт неуклюже приобнял ее, осторожно нащупывая сквозь грубую шерсть хрупкие ребра.

Элли едва заметно шевельнулась, уходя из-под руки.

– Я его ненавижу, – пробормотала она неуверенно, будто пытаясь убедить саму себя.

– Кого? Кого? – Герберт заглянул в ее искаженное лицо, отвел глаза. – Пожалуйста, не думай сейчас...

– Так, одного человека... – Элли уперлась руками в плечи, отстраняясь. – Пусти.

Она снова села, отхлебнула чаю, поежилась. Воспоминания о докторе окатывали ледяным стыдом и яростью. Казалось, что запах Карререса окутывает ее видимой пеленой, багровым горячим облаком вроде ореола вокруг свечного пламени. Элли не понимала, почему Герберт не замечает этого, и хотела, чтобы заметил и понял наконец, и страшилась, что заметит.

Герберт мрачно звенел ложечкой, порывался заговорить, но все не решался. Улыбнуться ему, думала Элли, сказать, что поссорилась с отцом – и можно будет остаться. Делать бутерброды по утрам, ждать с работы... А по выходным ходить в кино или навещать отца. Или ездить на пикники – только не на Пороховой холм, вокруг Клоксвилля много других подходящих мест. Забыть все, как страшный сон; да и забывать-то нечего, разыгравшееся воображение быстро уgomонится рядом с надежным и твердо стоящим на земле Гербертом. Он перестанет называть ее принцессой, чтобы не расстраивать. Он не будет толкать в рокошущую темноту и пугать черными парусами... Герберт взял ее за руку, решительно набрал в грудь воздуха, и Элли захотелось завывать от тоски.

Тяжелый стук в дверь заставил их подпрыгнуть.

– Кого еще черти принесли... – простонал Герберт и вдруг облегченно заулыбался. – Иду-иду, господин Нуссер! – крикнул он и бросился открывать. Элли попыталась удержать его за рукав – он высвободился, мимоходом чмокнул ее в лоб и, не скрывая радости, живо распахнул дверь.

Элли опрометью бросилась на кухню и задергала створку окна. Защелка никак не поддавалась; вскочив на подоконник, Элли потянулась к приоткрытой форточке и вдруг сообразила, что будь это Клаус, он давно уже ворвался бы в дом. Она прислушалась к неразборчивым голосам в прихожей. «Не могу один, извини...» – бубнил ночной гость. «Да вы что, сговорились сегодня?» – жалобный вскрик Герберта. «Извини, что так поздно... не помешаю... просто посижу, ты ложись... холодно очень, боюсь...». Голос был прерывистый,

невнятный. Похоже, кто-то из приятелей надрался, усмехнулась Элли и медленно спустилась на пол.

– Да заходи уже, – сказал Герберт, входя на кухню. – Мы тут... Элли?

Элли кивнула так осторожно, словно боялась, что от малейшего движения задавленный, скомканный крик расправится, как пружина, и, разрывая легкие, вырвется из горла. Удары крови в ушах звучали гулко, как огромный барабан. «Ну же... у тебя получится!» – с яростным напряжением сказал в голове Карререс, и сильно запахло порохом. Гай улыбнулся половиной лица, подмигнул, и Элли с шумом втянула в себя воздух.

– Что это с вами? – растерянно спросил Герберт, переводя взгляд с синюшно-бледного, нелепо скособочившегося Гая на бескровное от ужаса лицо Элли. Гай покачал головой – ничего, все в порядке, – и вдруг, немисливо изогнувшись, передернулся всем телом.

– Знобит, – пояснил он, и Герберт изо всех сил вцепился в соломинку здравого смысла.

– Да ты простыл, наверное. Тебе нужно согреться, – сипло пробормотал он, едва шевеля губами, и потянулся к чайнику.

– Согреться? – Гай неловко потоптался на месте, будто не понимая, что нужно делать. Вдруг его глаза закатились, по телу снова прошла крупная дрожь. Он судорожно забрал в кулак свитер, комкая заскорузлую, изорванную ткань. – Согреться!

Все еще стягивая дыру на груди, он схватил одну из забытых свечей. Не веря своим глазам, Герберт и Элли смотрели, как Гай хлебает из стакана-подсвечника расплавленный воск, не обращая внимания на суматошно бьющееся у самых ресниц пламя. Сделав последний глоток, Гай облизнул покрывшиеся парафиновой коростой губы. Провел ладонью по лицу, погасив тлеющую бровь, озадаченно взглянул на испачканную пеплом ладонь, снова провел по глазам, стряхивая подпаленные волосы.

– Черт! – испуганно вскрикнул он. – Я обжегся!

И тут Элли засмеялась. Она взвизгивала и всхлипывала, топала, трясла головой, пыталась остановиться и вновь начинала давиться хохотом. Глядя на нее, Герберт неуверенно улыбнулся, а потом нахмурился.

– Да вы меня разыграли!

Элли икнула, вытерла глаза и снова прыснула. Вытянула трубочкой губы, стараясь придать лицу серьезное выражение.

– Ничего себе шутка, а? – протянула она.

Герберт с досадой пожал плечами.

– Совершенно дурацкая, – сказал он. – Гай, надеюсь, ты проводишь Элли до дома.

– Но...

– Элли, я спать хочу. Завтра позвоню.

Ни говоря больше ни слова, он заперся в ванной и стоял там, пока не услышал, как хлопнула дверь на улицу. Только тогда он включил воду и принялся медленно, тщательно чистить зубы. Думать о случившемся совершенно не хотелось. «Розыгрыш, – бормотал он, – как она хохотала, это розыгрыш. Нашли время». Спроси его кто-нибудь, в чем заключается соль шутки – Герберт не смог бы ответить.

Сквозь шум воды снова послышался скрип двери. Герберт завернул кран и прислушался. В квартире было тихо, но он вдруг понял, что ему страшно выйти из ванной – он боялся обнаружить, что Гай и Элли не ушли, а зачем-то ждут его. На лбу выступили капельки пота.

Глубоко вдохнув, Герберт резким толчком распахнул дверь и стремительно вылетел в комнату. «Я же сказал...» – начал было он и осекся. Присел на кровать, пытаясь успокоиться. Потом, стыдясь и посмеиваясь, заглянул на кухню. Вернулся, решительно улегся в кровать и уставился в потолок, стараясь не вспоминать кровавые лохмотья на груди Гая и умоляющие, полные ужаса глаза Элли.

Предутренняя тьма выцветала и серела, морось превратилась в туман, и углы домов

выдвигались из него неожиданно, как носы гигантских кораблей. Элли шла куда глаза глядят, не разбирая дороги. Она была почти благодарна Герберту. Страх исчез, растворенный всепоглощающей усталостью. Элли вдруг подумалось, что ее мать ушла из дома в такую же ночь – растаяла в бесцветном тумане, чтобы возникнуть вновь в местах странных и волшебных. Элли замедлила шаг, любуясь струйками пара, поднимавшегося над сточной решеткой – казалось, над мостовой распускаются бледные эфемерные цветы. Неприкаянности и одиночество казались всего лишь тонкой пленкой, под которой плескалась надежда на освобождение. Элли совершенно некуда было идти, но почему-то сейчас это не пугало.

Совсем рядом кто-то хмыкнул иронично и одобрительно, и Элли подобралась, оглядываясь. «Анхельо?» – тихо окликнула она; прикрыла рот ладонью и испуганно округлила глаза, поняв, что голос прозвучал в ее голове. Топнула ногой, сердясь на свою слабость, и вдруг поймала себя на том, что улыбается. Старательно хмурясь, она тихо двинулась вверх по улице.

Откуда-то издали, из-за спины уже давно раздавались тяжелые шаги, но Элли только теперь обратила на них внимание: прохожий постепенно нагонял. Туман запах отсыревшим порошком, и Элли стало не по себе. Она обернулась, вытянула шею, пытаясь разглядеть хоть что-нибудь, и заспешила дальше, готовая сорваться на бег. Но как она ни торопилась, шаги за спиной не отставали – невидимый во мгле, кто-то упорно шел за ней.

Не выдержав молчаливого преследования, Элли побежала. Улочка становилась все круче, сжимаемая глухими стенами, – эхо мячиком отскакивало от них, и начинало казаться, что топот доносится со всех сторон. Из последних сил Элли рванулась вперед и застонала от отчаяния: улица обернулась тупиком; девушка едва успела выставить руки, чтобы не налететь на высокую кирпичную ограду.

Задышавшись от ужаса, Элли развернулась, готовая встретить того, кто выйдет из тумана, лицом к лицу. Вжалась спиной в стену, судорожно ощупывая кирпичную кладку – найти хоть один зазор, один-единственный расшатанный обломок – но ограда, такая шершавая на вид, была монолитна. Шаги становились все ближе. Элли извернулась, и, не наклоняясь, не спуская глаз со сгущающейся в тумане тени, стянула с ноги кроссовок, на секунду горько пожалев о том, что не носит туфли на высоком, остром, твердом каблуке.

Тень приблизилась, обрела очертания. Элли ничуть не удивилась, узнав угловатый силуэт зрителя музея. Он нашел ее в доме Герберта – и теперь настиг вновь, и нет спасения. Элли уже чувствовала отдающее металлом дыхание. Гай протянул руку; белесая губа приподнялась, обнажив зубы.

Элли завизжала и обрушила кроссовок на голову мертвеца, а потом – еще и еще. Уже не способная кричать и звать на помощь, она лишь силло скрипела и лупила тесную темноту, заходясь от ужаса.

Глава 11

Доктор Анхельо Карререс сидел, откинувшись на спинку тяжелого резного кресла – глаза закрыты, уголки рта опущены. Он был неподвижен, и могло показаться, что доктор дремлет, если бы его пальцы не поворачивали тускло отблескивающую монету, – одну из тех, которыми он иногда расплачивался вместо обычных денег без всякой видимой логики и смысла. Существа в лампе-колбе мягко мерцали, отражаясь вспышками в круглых стеклах очков. Карререс ждал.

Темноту за окном уже не нарушал ни один огонек, когда с тупиковой улицы, проходящей позади дома, донесся пронзительный крик. Карререс склонил голову набок, подался вперед, готовый вскочить, но звук не повторился. Доктор удовлетворенно кивнул, неторопливо выбил трубку и пошел в спальню.

Здесь до сих пор пахло пролитым вином. Карререс поставил перевернутый бокал, неторопливо расправил сбитуую в жгут простынь. Вдруг вспомнилось, как однажды на бриг

залетела колибри, случайно унесенная ураганом в открытое море. Одурело пометавшись по палубе, птица нырнула в открытый трюм – в тот угол, где во время шторма раскололся плохо закрепленный ящик, вывалив нелепые дикарские сокровища.

Первый солнечный луч скользил по бусам, – единственный яркий мазок в гнилом трюмном сумраке, – и колибри сразу метнулась к этому оазису красок среди дерева, смолы и пеньки. Карререс мог бы дотянуться и накрыть ее ладонью, если бы не цепь, прикрепленная к кандалам. Ему оставалось лишь смотреть, как крошечная птица бьется об разноцветное твердое стекло, раня хрупкий клюв. Карререс на секунду прикрыл глаза, а когда открыл вновь – рядом со скованными руками металась юркая корабельная крыса с пригоршней грязных перьев в зубах, и на палубе кричали про землю...

Заснуть сегодня не удастся. Стоило закрыть глаза, как в темноте вспыхивало изумрудное облачко в рубиновых брызгах. Карререс вытянул с полки первое издание «Романсеро», открыл. Фронтиспис пересекала полная скрытой обиды дарственная надпись, сделанная неверным пером слепца. Неудача, какая неудача! А ведь казалось, что судьба наконец повернулась лицом, когда доктора, в то время – известного в Париже специалиста по нервным болезням, позвали к прикованному к постели поэту. С тех пор, как лаборатория Карререса была погребена под развалинами Клоксвилльской тюрьмы, в душе доктора впервые шевельнулась надежда.

Между Каррересом и его пациентом быстро возникла симпатия, – два замкнутых и желчных человека, они легко понимали друг друга и старались не докучать. Быстро убедившись, что вылечить поэта невозможно, Карререс пытался хотя бы поддержать и развлечь его. Как жадно слушал Генрих рассказы о жарких островах! Он как губка впитывал истории и краски, и казалось, они прямо на глазах переплавляются в звонкие точные строчки. Это был шанс, и Карререс не мог им не воспользоваться.

Он рассказал Генриху старую индейскую историю об острове, где нет ни боли, ни печали. Сказку об источнике вечной молодости и бессмертия. О чудесах, случившихся с теми, кто достиг Бимини. Доктор осторожно, по капле добавлял к легенде крупинцы правды, будто заполняя остов. История безумного капитана, нашедшего путь к острову, сплеталась с поисками многих и многих других. Сказка сгущалась, обретала плоть, и вот уже колибри металась по кораблю, неся надежду. Генрих кивал, захваченный, тусклые от боли глаза загорались, пальцы искали перо, – и Карререс умолкал. Поэту достаточно было колибри на брига. Ему не нужно было знать о боли в отбитых об шпангоуты ребрах и зуде в разбитых кандалами запястьях, о бессильном гневе и мучительном любопытстве. Ему не нужно было знать, что случилось потом.

Карререс небрежно скользнул взглядом по давным-давно выученным наизусть строкам.

Птичка колибри, лети,
Рыбка Бридиди, плыви,
Расскажи Реме Безумной,
Что случилось с Бимини.

Он грустно усмехнулся и покачал головой. Такой строфы в поэме не было и не могло быть: старик Генрих умер, так и уверенный, что Бимини – всего лишь прекрасная старая легенда. В своем враче ему проще было увидеть коллегу, чем безумца. Рациональный до мозга костей, певец и жертва революций, измученный болью, ищущий примирения с богом, – поэт воспринимал рассказы Карререса как плод причудливой изощренной фантазии, утешительную метафору. Иногда Каррересу хотелось схватить Генриха за плечи и встряхнуть – ну же! Сам, дальше сам. Построй остров заново на узорном фундаменте слов. Создай настоящий Бимини... Карререс переставал понимать, кто здесь врач, а кто – пациент. Он был последней надеждой поэта, гниющего в матрасной могиле – но и поэт был последней надеждой доктора. Переписать историю рукой гения. Вернуть проклятые дары и забрать свое...

Карререс уже почти поверил, что это возможно, когда однажды увидел на прикроватном столике Генриха толстый фолиант. Поэт выглядел торжественным и возбужденным, но доктора кольнуло неприятное предчувствие. Он с трудом поддерживал разговор, то и дело посматривая на книгу и едва удерживая желание заглянуть в нее.

– Почему вы так мало рассказывали об этом конкистадоре, де Леоне? – спросил наконец Генрих и похлопал по книге. – Какая фигура!

– Потому что он был напыщенным болваном! – взорвался Карререс. – Потому что он не понимал, куда лезет!

– Ну, ну, – усмехнулся поэт. – Зачем вы так горячитесь? Когда суровый воин начинает верить в сказку – одни называют его глупцом, но другие – всего лишь романтиком... Такая тяга к жизни заслуживает уважения. – Генрих помолчал, и по его лицу скользнула тень. – Мы все упокоимся там, на вашем Бимини... – мрачно сказал он. – Анхельо, друг мой, признайтесь: зачем вы рассказали мне эту прекрасную сказку?

– Я просто хотел развлечь вас, Генрих, – с досадой ответил доктор.

– О, вам это удалось, – усмехнулся старик. – Вы разбудили мое воображение. Я собираюсь написать поэму...

Карререс стал первым читателем рукописи – и не смог скрыть раздражение, разочарование, горькую досаду. Возможно, поэма была хороша, но доктору было не до литературных красот. Вместо того чтобы возродить Бимини, Гейне лишь констатировал его гибель. Последние строки звучали похоронным звоном. «Кто вошел туда – не выйдет...» Поэт, сам того не зная, вынес своему другу приговор. Тайны обернулись балаганом. Снова все пути были отрезаны, потаенные дороги – забыты, и Карререс надолго залег на дно.

Он захлопнул «Романсеро», потянулся и хмыкнул, заметив на полу зеленую пушистую резинку. Вспомнил, как стянул ее с волос Элли и небрежно отбросил в сторону. «Да понял я уже, давно понял» – с улыбкой пробормотал он в пустоту. Решив вернуться в Клоксвилль, он сам не знал, что собирается делать – восстанавливать лабораторию? Искать следы беглой команды Брида? И то, и другое было бы бессмысленным. Просто появилось однажды желание вернуться в ненавистный город, где когда-то рухнула надежда на спасение, – и за несколько лет стало невыносимым.

Карререс с трудом сдержал смех, когда, едва выйдя из поезда, наткнулся на Ти-Жака, выряженного в железнодорожную форму. Доктор предполагал, что пираты застрянут в Клоксвилле, но не ожидал найти их так скоро. Впрочем, это был всего лишь хороший знак, не больше: без своего капитана команда была беспомощна.

Коренастый усач, залегший на вокзальном газоне, заинтересовал доктора намного сильнее. Нехитрые расспросы помогли узнать имя этого эксцентрика. Вскоре Карререс навестил его аптеку – и почти не удивился, увидев за прилавком девушку с мучительно знакомыми чертами. Колибри снова носилась над палубой. Вымечтанная, невозможная земля вновь появилась на горизонте, и запах вина превращался в привкус забродившей падалицы и густой зелени волшебного острова, – еще немного, и, может быть, бриг с черными парусами вынырнет из тумана и бросит якорь в тихой бухте.

...Улетайте, уплывайте,
Нас ведите к Бимини...

Карререс взглянул на часы. Четыре утра. Мертвое время. Безвременье, черная дыра в ткани бытия. Любой звук – слишком громок, любое движение – грубо, любой свет – неуместен. Один на один с темнотой. Один на один – с сомнениями, усталостью, застарелой болью, задушенным страхом. Время всматриваться расширенными зрачками в непроглядную бездну. Время, когда некуда и не к кому идти. Пауза в жизни, которую – хочешь, не хочешь, – а придется выдержать до конца.

Впрочем, даже провалы во времени можно коротать по-разному, и Карререс

достаточно долго прожил в Клоксвилле, чтобы найти здесь свой способ. Накинув плащ, он вышел из дому. Уличные фонари погасли, над Клоксвиллем висел туман, припахивающий водорослями, и казалось, что мостовая вот-вот превратится в неподвижную ледяную воду. Карререс аккуратно придержал дверь, чтобы, не дай бог, не хлопнула, и поморщился, когда тишину нарушил проскрежетавший в замочной скважине ключ.

Идти было всего полквартала. Вскоре Карререс подошел ко зданию, такому же мертвому на вид, как и вся остальная улица. Дверь в полуподвал под неразличимой в темноте вывеской бесшумно раскрылась, обдав приглушенным светом и мягким теплом. Усыпанный опилками пол поглотил звук шагов. Лысый толстяк за барной стойкой, потревоженный сквозняком, медленно поднял руку в приветствии.

Здесь не принято было шуметь. Здесь вообще мало разговаривали, и тишину нарушал лишь блюзовый шепоток из скрытых за стойкой колонок. Несколько столиков были заняты – за ними дремали тени без пола и возраста, сгорбленные под тяжестью ночной тоски. Совсем недавно здесь над чашкой остывшего чая просиживала ночи напролет Пэт Кэрриган, слушая глухой прибой в себе и не находя ни смелости, чтобы поддаться ему, ни сил, чтобы перестать слышать. «В этом городе слишком многие боятся спать по ночам, – говорил хозяин «Четырех часов». – Я сам боюсь. Поэтому я закрываюсь только после рассвета. Если вдруг ночью поймешь, что прямо под твоей кроватью – бездна, пол покажется слишком тонким, и не к кому будет идти, – у меня открыто».

Карререс присел у стойки рядом с грузным работягой, подпершим голову над кружкой пива, и украдкой огляделся, будто ожидая увидеть призрак старой контрабандистки.

– Как всегда, доктор? – негромко спросил бармен. Карререс кивнул. Бармен налил в рюмку текилу, добавил куантро и поджег. Синее пламя расплескалось по краю стекла и поднялось над поверхностью правильным прозрачным конусом – лишь верхушка плавно колебалась на легком сквозняке. Закипел в ложке тростниковый сахар и закапал карими пузырястыми леденцами. Бармен погасил пламя, быстро провел кусочком льда по краю рюмки и подвинул Каррересу. Тот выпил горячую жидкость одним глотком и прикрыл глаза, ловя послевкусие.

– И чего только люди не придумают, – хмыкнул рабочий и шумно отхлебнул пива.

– Это еще что, – махнул рукой бармен, – китайцы настойки на змеях делают, и ничего. Прямо в бутылку гада засунут, и рады.

– Так то китайцы... Они, может, и рыб в водку суют?

Бармен пожал плечами. Карререс поставил рюмку на стойку и медленно закурил, чуть повернув голову в сторону любителя пива.

– Я на экскаваторе работаю. Так вчера вход в катакомбы раскопали, а там – банка с рыбиной, – объяснил тот. – Инженер наш загорелся. Старинная, говорит. Сразу в музей потащил. Так я подумал: может, какой китаец заначку сделал на черный день, то-то смеху...

– Вряд ли, откуда у нас китайцы, – вяло ответил бармен и отвернулся к доктору. – Повторить?

Карререс покачал головой и выбил недокурную трубку. Рабочий все бормотал: «вот смеху, а?», – но по его лицу заметно было, что смешного он здесь видит мало. «Где копали-то?» – тихо спросил Карререс. «Фабрика, фабрика на Пороховом», – ответил водитель, глядя сквозь доктора, и подвинул бармену опустевшую кружку.

Карререс уже вставал, когда дверь скрипнула, впустив с улицы клуб холодного, пахнущего болотом тумана, и в бар вошли двое. Хозяин прищурился, разглядывая в полутьме парочку, и озадаченно крикнул. Секунду он колебался; но потом, видимо, решил, что новые посетители вполне безобидны, несмотря на всю свою нелепость. Лицо бармена разгладилось, и на нем проступило сочувствие. Карререс едва не рассмеялся: все складывалось удивительно удачно. Он отодвинулся в тень, заново набил трубку и приготовился наблюдать.

– Сиди здесь, – донесся сердитый девичий шепот. Взъерошенный мужчина деревянной походкой приблизился к угловому столику и обрушился на стул. Девушка подошла к стойке.

Она задирала голову, всем своим видом показывая: ничего нет странного в здоровенном мокром свитере, из-под которого торчат голые, покрытые мурашками ноги, и драных, заляпанных уличной грязью кроссовках. Она с вызовом поглядела на экскаваторщика, плюхнулась на соседний табурет и громко шмыгнула носом. Бармен предупредительно наклонился к ней, с преувеличенной готовностью отставив стакан.

– Два кофе. Двойных, – девушка вцепилась в стойку. – И что-нибудь поесть.

– Две яичницы с беконом? – предложил бармен. Девушка быстро покосилась на своего спутника, и в ее глазах мелькнула тоска.

– Одну, – она покусала губу и нахмурилась. – Или две?

– Подумайте пока, – бармен с каменным лицом повернулся к кофейному аппарату. Громко зашипел пар. Девушка снова обернулась к своему спутнику, жестами изобразила еду и скорчила вопросительную рожицу. Мужчина не отреагировал. Он так и не пошевелился ни разу с тех пор, как сел за стол, и больше всего походил на грудку тряпья, небрежно наваленную в углу. Девушка с досадой махнула рукой и отвернулась.

– Перебрал твой дружок, – сочувственно заметил с интересом следивший за всей этой пантомимой экскаваторщик. Девушка возмущенно фыркнула.

– Одну, – подсказал Карререс, выдвинувшись из тени. Девушка тихо вскрикнула, взвившись над табуреткой. Тень радости скользнула ее по лицу и исчезла, сметенная злостью и испугом. Она с бешенством уставилась на доктора.

– Вы! – воскликнула она, задыхаясь. – Вы... – она мучительно подбирала слова, исходя ядом и едва не шипя.

– Ну куда ему яичницу, Элли? – продолжал Карререс, как ни в чем не бывало. – У него же ни один орган не работает, скоро разлагаться начнут...

Элли быстро взглянула на своего спутника и передернулась, но снова задрала нос и, глядя куда-то на верхние полки, заставленные разноцветными бутылками, процедила:

– Спасибо за консультацию, доктор. А теперь оставьте меня в покое, я хочу выпить кофе.

Карререс повертел в пальцах будто из ниоткуда взявшуюся рюмку с текилой, улыбнулся:

– А что ты будешь делать потом?

– Пойду домой.

В ответ Карререс лишь ехидно приподнял брови. Не выдержав, Элли обмякла, оперлась о стойку и спрятала лицо в ладонях. Бармен отвел глаза, делая вид, что полностью поглощен стаканами. Тревожно шевельнулся в углу Гай и застыл, остановленный взглядом Карререса.

...Зомби тяжело ворочался под ногами, шипел сквозь зубы и путался в полах куртки. Наконец он сел, осторожно потрогал скулу; Элли склонилась над ним, готовая ударить снова. «Ты чего, это же я, Гай...» – плачущим голосом пробормотал он. «Ты же умер», – прошептала Элли. «Ну не знаю...» – Гай с трудом поднялся, попытался отряхнуться и махнул рукой. «Не знаю, – повторил он, – денек сегодня выдался – не бей лежачего...» Элли нервно хихикнула. «Я пойду?» – осторожно спросила она. Гай по-прежнему загораживал ей путь, и было страшно даже попытаться обойти его.

Собравшись с духом, она все-таки сделала маленький шагок и снова замерла. «Конечно, конечно, – закивал Гай, будто очнувшись. – Пойдем». «Куда?» – шепотом спросила Элли, и Гай растерянно заморгал. Они помолчали, оторопело глядя друг на друга. Снова заморосило; Элли ошарашено посмотрела на кроссовок, до сих пор зажатый в руке, и кое-как напаялила его обратно. «Сейчас бы присесть где-нибудь, чаю выпить...горячего...» – жалобно пробормотала она. «Здесь где-то круглосуточный кабак есть», – откликнулся Гай.

Всю дорогу Элли захлеб рассказывала, как пришла с доктором в музей, как тот не стал вызывать полицию, как страшно было смотреть на лужу крови, как у нее случилась истерика, обернувшаяся провалом в памяти. «Ну ты же совсем мертвый был, – повторяла она. – Ты и сейчас, Гай, только не обижайся, но какой-то ты не такой». «Ну, не знаю, – однообразно

отвечал Гай. – Денек сегодня выдался тяжелый, это точно». Ноги у него заплетались, он зябко передергивался и все норовил навалиться Элли на плечо. От него шибало мокрой одеждой и порохом. «И ты ничего не помнишь? Совсем ничего?» – спрашивала Элли, отстраняясь и хватая Гая за рукав, когда того заносило на повороте. Зомби лишь пожимал плечами. «Да перестань за меня хвататься, – она снова отпихивала Гая, пытаясь его выровнять, – я все равно тебя не удержу, упадем оба в лужу, как дураки...» «Вот оно!» – наконец воскликнул Гай и устремился к неприметной двери в полуподвал. Элли еле успела поймать его за пояс, когда Гай, запутавшись в ботинках, едва не рухнул носом на мостовую.

За этими дурацкими заботами Элли удавалось не думать о том, что она, совсем недавно – самая обычная и вполне благополучная девушка, теперь почему-то разгуливает по ночному городу в компании живого мертвеца. Послушная дочка – прячется от отца в ночном баре. Привыкшая к уюту и покою – мечтает лишь о чашке кофе, чтобы согреться и прийти в себя... «Давно пора», – прозвучал под черепом ехидный мужской голос, и Элли, не отнимая ладоней от лица, нервно покосилась на Карререса. Пальцы доктора беззвучно выстукивали какой-то сложный ритм, вплетая его в шершавое гитарное соло из колонок. Вот, еще и голоса в голове. И все – оттого, что ее угораздило влюбиться?! Элли всхлипнула и потянулась за салфеткой.

– Да что ж это такое происходит?! – прошептала она.

– Ну наконец-то! – воскликнул доктор. Элли недоверчиво подняла голову. Карререс с хлопаньем раскуривал трубку, и вид у него был страшно довольный.

Глава 12

Клаус не помнил, сколько просидел на ступеньках с тех пор, как удрала Элли. Сначала он надеялся, что дочь вот-вот вернется. Любой звук казался скрипом открывающейся двери. Каждый шорох заставлял вздрагивать, и сердце начинало тяжело и больно толкаться в ребра. Теперь оно лишь глухо ныло, и аптекарь машинально растирал грудь. В какой-то момент он нащупал в кармане халата монету, долго вертел ее в руке, но так и не придумал, как и о чем спрашивать. Мыслей не было. Гнев и страх затихли, оставив лишь отупляющую усталость, так что не было сил хотя бы встать и перебраться в кровать.

Телефонный звонок грянул в тишине, как сигнал пожарной тревоги. Клаус взвился – откуда только взялись силы – и опрометью бросился в комнату Элли, к ближайшему аппарату. Трубка вывалилась из трясущихся рук, с грохотом ударилась об стол, и аптекарь подхватил ее, в один миг облившись холодным потом от мысли, что хрупкий механизм разлетелся вдребезги.

– Алло, алло, – просипел он.

– Господин Нуссер? Извините, что звоню так поздно. Я хотел поговорить с Элли, – пробормотал Герберт.

– Ее нет дома, – выдавил Клаус и вновь похолодел: все это время у него теплилась подспудная надежда на то, что Элли ушла к Герберту, и, значит, с ней все более-менее в порядке. – Почему ты звонишь так поздно? – крикнул он. – Ты видел ее сегодня?

– Да, – растерянно ответил Герберт. – Я думал, она пошла домой...

У Клауса потемнело в глазах. Он тяжело опустился на диван, смахнув стоящую рядом с телефоном вазу с цветами. В нос ударила болотная вонь. Пока Герберт сбивчиво рассказывал о появлении Элли и вслед за ней – Гая, Клаус подбирал размокшие скользкие стебли и раскладывал их на столе, едва соображая, что делает.

– Ну и запах, – пробормотал он.

– Что? – переспросил Герберт, прерванный на полуслове.

– Я уронил цветы, которые ты прислал Элли. Пахнет.

– Но я не присылал цветов.

– Присылал. Целый веник оранжевых хризантем, мальчишка-курьер едва не надорвался, пока дотащил их, – брюзгливо ответил Клаус. – Глупо теперь делать вид, что ты

тут не причем.

– Но я действительно... Ладно, – оборвал сам себя Герберт. – Это не важно...

Кlaus подобрал последний цветок. Разговор складывался как-то странно. Ладно он сам – Klaus понимал, что попросту боится идти на поиски дочери. Страшно было не найти ее. Найти и вновь заглянуть в полные ярости и обиды глаза – еще страшнее... Но Герберт? Klaus подозревал, что парень о многом недоговаривает, будто бы тоже сильно напуган... Напуган чем?

Стебли хризантем пачкались зеленой слизью, и аптекарь машинально обтер пальцы об халат. Под руку снова подвернулась монета, и Klaus осенило. «Рассказать? – быстро пробормотал он. – Орел – да, решка – нет».

– Что? – переспросил Герберт. – Я вас не расслышал...

Klaus досадливо сморщился и отвел трубку от уха. Бросил монету на стол. Орел.

– Алло... алло... Я вас не слышу, господин Нуссер, – бубнил Герберт. Klaus уже поднес трубку к уху, но вновь заколебался. А вдруг монета не калиброванная? С другой стороны, с чего бы ему таскать в халате обычные деньги...

– Герберт, – торжественно произнес Klaus в трубку. – Выслушай меня внимательно. Я должен рассказать тебе очень важные вещи.

А все-таки монета не проверенная. Klaus набрал побольше воздуха и вдохновенно начал:

– Ты, мой мальчик, может, не знаешь, но дело в том, что мать Элли страдала болезненной страстью к бродяжничеству. Однажды она, представь себе, даже ушла в джунгли. Обнаружив пропажу Реме, туземцы обратились ко мне. Я в те годы был отличным ходоком и следопытом. На третьи сутки нагнал беглянку и вернул домой... Не знаю, что случилось бы, если б мне это не удалось. Бедная Реме наверняка погибла бы в сельве. Вскоре после этого случая я сделал ей предложение, и она, конечно, согласилась. Но, как ты, наверное, знаешь, эта тяга в конце концов заставила Реме сбежать из Клоксвилля. Нет, она жива, – оборвал он попытавшегося что-то вставить Герберта. – Несомненно, она просто уехала куда-то, где я не смог ее найти. Я смирился с потерей. Но дело в том, что это душевное расстройство передалось по наследству Элли. Поэтому, мой мальчик, я всегда так строго следил, чтобы она возвращалась домой вовремя и вообще не отлучалась надолго...

Klaus перевел дух. Это была самая легкая часть, версия, многократно отработанная на самой Элли, и, судя по нетерпеливым «угу» в трубке, понаслышке известная и Герберту.

– Я задумал сделать маленькую операцию, которая бы навсегда излечила ее от попыток сбежать куда глаза глядят, – продолжил аптекарь, тщательно выбирая слова. – Маленькая, совсем безвредная операция, изобретенная одним гениальным нейрохирургом. Он согласился помочь – не думай, я еще не сошел с ума, чтобы делать это самому, хотя уверен, у меня бы получилось. Все было готово. Но этот врач поступил... – Klaus засопел, выбирая слово, – некорректно. Взял и рассказал все Элли – без всякой подготовки, просто вывалил на голову. Естественно, бедняжка расстроилась, потребовала объяснений... Мы слегка повздорили.

– Господин Нуссер, – растерянно проговорил Герберт. – Это, извините, как-то... нельзя же так – против воли...

– Вот и ты тоже, – мрачно заметил Klaus. – Она бы все поняла, – задушевно объяснил он. – Если бы с ней поговорил я, а не этот сухарь, она бы согласилась. А даже если бы не согласилась – то после все равно поняла бы, что это для ее блага. Я точно знаю, что ей так будет лучше.

– Ну, знаете, это как-то... Что именно вы собираетесь с ней сделать?

Klaus побарабанил пальцами по столу, надеясь на приступ вдохновения, но в голову ничего не приходило.

– Пересадить ее мозг в игуану, – наконец ответил он и сдавленно фыркнул: так глупо звучала произнесенная вслух правда.

– Пересадить... что?! – крикнул Герберт. «Как бы не пришлось объясняться с

полицией», – мрачно подумал Клаус, но тут Герберт разразился резким нервным смехом. – Господин Нуссер, и вы туда же?! Вы всю ночь будете водить меня за нос?

– Ну конечно, это шутка, – деланно рассмеялся Клаус, с облегчением ухватившись за эту идею. – Извини, что так глупо разыграл тебя, мой мальчик. Элли давным-давно спит в своей кровати.

– Знаете, – промямлил Герберт, – я все-таки хотел бы поговорить с ней.

– Не стану ее будить, – отрезал Клаус. – Девочка так намаялась. К тому же она наверняка обижена на тебя и не захочет болтать.

– Может, все-таки...

– Спокойной ночи, – быстро проговорил Клаус и положил трубку.

Он с сомнением поглядел на монету и сунул ее обратно в карман. Пальцы наткнулись на кусочек картона. Клаус вытащил его – визитка доктора. Высоко задрав брови и морща лоб, аптекарь уставился на короткий набор цифр. Да. Кажется, это будет разумно. Клаус отчаянно нуждался хоть в чем-нибудь разумном, и звонок Каррересу, вроде бы, был – самое то. А может, и нет. Клаус представил, как, путаясь и заикаясь, спрашивает у разбуженного доктора, не видел ли тот Элли, и болезненно замычал. А с другой стороны – взволнованному отцу простительно... В конце концов, когда дочери в четыре утра нет дома – уже не до приличий. Стараясь больше не думать, Клаус торопливо завертел диск.

Пятнадцать гудков. Длинных, тоскливых гудков, разделенных мучительными паузами. Ну конечно, доктор спит. Клаус вдруг побагровел от стыда: а вдруг Элли все выдумала, чтобы позлить его, и никакого свидания с Каррересом не было? То-то бы он удивился...

Насвистывая браурную мелодию, чтобы заглушить запоздалое смущение, Клаус принялся одеваться. Он еще не знал, куда именно отправится, но был уверен, что на улице что-нибудь да придет в голову. Тем более когда в кармане лежит надежно откалиброванная, исключительно правдивая монета.

Глава 13

– Можешь спрашивать о чем угодно, – сказал Карререс. – Только сразу скажу – что ж такое происходит именно сейчас, я сам толком не знаю. Могу только предполагать, но вслух не хотелось бы.

Элли кивнула и завозилась на диване доктора, поуютнее заворачиваясь в плед. Всего лишь половину суток назад она сидела здесь с бокалом вина, испуганная и счастливая своей вдруг ниоткуда появившейся влюбленностью. И еще меньше времени прошло с тех пор, как она убежала отсюда, задыхаясь от обиды, ненависти и Карререса, и себя. Тогда все было больно, но легко и понятно. Теперь же... Доктор ждал, глядя на нее почти ласково, и Элли никак не могла соединить этот взгляд, этот голос с тем, что произошло вечером.

Она покосилась на Гая. Бывший смотритель музея сгорбился в кресле, обхватив ладонями горячую кружку. От него по-прежнему несло порохом, несмотря на то, что Карререс передел его в свой халат: Элли перекашивало всякий раз, когда взгляд падал на окровавленную грудь зомби. Теперь вид у Гая был домашний и совершенно отсутствующий.

Элли вдохнула побольше воздуха и тоненько пропищала:

– Я вам... тебе... я тебе хоть немножко нравлюсь?

Глаза Карререса расширились. Странно всхлипнув, он откинулся в кресле, и комнату сотряс хохот. Раздался глухой удар, когда зомби вздрогнул и выпустил кружку из рук. Над ковром поднялся густой пар.

– Ну что ты ржешь?! – воскликнула Элли и зажала рот ладонью, давая предательскую улыбку. Это не смешно. Ни капли не смешно. Она чувствовала себя оскорбленной, она должна была чувствовать себя оскорбленной, она вообще не должна была больше появляться в этом доме. Но больше всего на свете ей сейчас хотелось рассмеяться вместе с Каррересом. Элли вдавила пальцы в щеки и изо всех сил закусила губу, чтобы не захихикать.

– Женщина! – наконец воскликнул доктор, вытирая глаза. – Черт знает что! Пусть весь

мир летит в тартарары – ее интересует только одно, – он, не вставая, протянул руку и потрепал Элли по голове. – Попробуешь еще раз? Подумай...

Карререс подобрал кружку Гая и вышел. Вернувшись, он аккуратно обошел все еще дымящуюся лужу, покачал головой: «сговорились мне дом затопить!». Сунул свежий чай в руки зомби и снова уселся в кресло.

– Ну? – спросил он Элли. Та сидела, плотно укутвшись в плед, и остановившимися глазами смотрела в стену. От оклика Карререса девушка вздрогнула; ее взгляд сфокусировался на лице доктора. Она быстро провела языком по губам и потупилась.

– Кто ты? – тихо спросила она.

– Так себе вопрос, – проворчал Карререс. – А кто ты?

Элли растерянно улыбнулась.

– Хомо сапиенс, – попыталась отшутиться она, но Карререс продолжал смотреть на нее, ожидая ответа. – Ну... Меня зовут Элли Нуссер, мне двадцать лет, я работаю в папиной аптеке...

– Это не ты, это твоя шелуха, – оборвал ее доктор. – Тебе нужна моя?

Элли упрямо кивнула.

– Анхельо Карререс, – со сдержанным сарказмом начал тот. – Изучал медицину в университете Алькала-де-Энарес, но звание доктора присвоил незаконно. Не делай такие круглые глаза. Сдавать экзамены кучке догматиков, которые не знают и трети того, о чем на тот момент знал я... Я пытался задавать вопросы преподавателям – в результате меня попытались перевести на факультет теологии! – Карререс фыркнул. – Пришлось до всего доходить самому. В двадцать три я бросил все и уехал в вест-индские колонии. Выдавал себя, – он желчно надавил на «выдавал», – за врача, специалиста по нервным болезням. Как можешь догадаться – вполне успешно... Нет, так дело не пойдет, – оборвал он сам себя.

– Скажи хотя бы, сколько тебе лет, – взмолилась Элли. – Папа нес какой-то бред, я уже не знаю, что и думать...

– В тысяча семьсот семьдесят четвертом году мне было тридцать пять.

Элли растерянно заморгала, а потом, сообразив что-то, испуганно заметалась взглядом между доктором и Гаем.

– Нет, я не зомби, – поспешил заверить ее Карререс и медленно добавил: – Все намного хуже.

Элли сидела, обхватив поднятые колени и положив на них подбородок, и рассматривала Карререса. Спрашивать не хотелось. Страшно было спрашивать. Страшно было, что доктор ответит что-нибудь такое, после чего совершенно невозможно будет хотеть провести пальцем по заросшей щетиной щеке. От чего невозможно будет уткнуться лицом в грудь, обнять и шептать нежную чушь, и просить, чтобы спас – не от сумасшедшего отца, не от механического Герберта, а от чего-то ужасного, чему и названия нет. Да его самого надо спасать, поняла вдруг Элли и медленно улыбнулась, глядя в твердое лицо доктора.

– Что за рыба? – проскрипел Гай, и Элли едва не подпрыгнула от неожиданности. Карререс кивнул и открыл было рот, но зомби уже разошелся: – Пришел какой-то наглый карлик и давай требовать. Воняет, как из канализации, пистолетом машет... Что за рыба такая, что из-за нее с пистолетом?.. – Гай продолжал бормотать и жаловаться, но уже тихо, неразборчиво.

– Что за рыба? – шепотом спросила Элли у Карререса.

– Вчера днем твой друг принес Гаю новый экспонат. Следом пришел владелец. Нынешний владелец. На самом деле он сам украл эту рыбу. У меня, – Карререс вздохнул. – Моя лаборатория – в тюрьме на Пороховом холме у меня была своя лаборатория, – развалилась при взрыве, и я был уверен, что все препараты погибли. Похоже, Ти-Жак успел стащить рыбу, когда я вышел – из-за побега была поднята тревога, но никому и в голову не пришло, что у пиратов хватит наглости не сбежать сразу. Если бы я знал... Столько лет прошло впустую! Я мог бы найти дорогу... Отыскать Реме и уговорить ее вернуться... – Элли настороженно вскинула голову, услышав имя своей матери, но Карререс не заметил

этого. – Кажется, я мог бы все исправить еще тогда, – пробормотал он сам себе, – но зачем-то понадобились эти двести с лишним лет. – Он глубоко задумался, прищелкнул пальцами. – Похоже, дело все-таки в тебе, – улыбнулся он Элли.

– Хорошо, дело во мне, – согласилась она. – Я не понимаю, что это за дело, но ладно, я уже привыкла ничего не понимать. Но отвечать на вопросы ты ведь обещал? – Доктор кивнул. – Так что за рыба такая, что из-за нее убивать надо?

– Ах, рыба, – спохватился Карререс. – Видишь ли, Элли, в эту рыбу я зашил мозг капитана Брида.

Элли старательно закивала, не спуская с Карререса круглых глаз. Доктор опять замолчал, погруженный в задумчивость.

– Это, конечно, многое объясняет, – с серьезным видом проговорила Элли. – Мне сразу все стало очень понятно.

– Извини, – спохватился Карререс. – Похоже, придется рассказывать все по порядку, – доктор кисло скривился, будто любая мысль о порядке была ему отвратительна. – Я познакомился с капитаном осенью семьдесят четвертого года в Порт-о-Пренсе...

ЧАСТЬ 2

Глава 14

Капитан Брид, непутевый сын ирландского раба и слабоумной послушницы из гаванской миссии, промышлял на островах контрабандой и мелким разбоем. Его двухмачтовый бриг «Безымянный», верткий и быстроходный, был оснащен десятком пушек и командой самых фантастических оборванцев, каких только можно нанять в портах от Нассау до Картахены. Капитан прославился многочисленными стычками, столь же наглыми, сколь и бессмысленными. Брид никогда не упускал случая полезть на рожон, зачастую упуская выгоду в погоне за новой порцией острых ощущений. Лишь в одном его деятельность была осмысленна и целенаправленна: стоило пройти слуху, что где-то на островах еще живут индейцы, – и вскоре «Безымянный» бросал якорь в ближайшей бухте.

Из этих экспедиций капитан возвращался в самом дурном расположении духа. И без того склонный затевать драку по любому случаю, Брид превращался в грозу всего побережья. Угрюмый и нелюдимый, он в каждую минуту был готов взорваться вспышкой гнева или разразиться желчными оскорблениями. В эти моменты выражение яростного ужаса, навсегда застывшее в его глазах, становилось особенно явным, – казалось, именно страх толкает его на самые дикие выходки. Брид не знал ни чести, ни милосердия, – даже по меркам своих редких собутыльников, отъявленных подонков. Вести себя так в портах Вест-Индии означало очень быстро нарваться на пулю или стилет – но капитан выходил сухим из воды. Казалось, Брид нарочно возбуждает ненависть окружающих, играя в кошки-мышки со смертью. С таким нравом он давно должен был лишиться судна – но матросы покорно разделяли с капитаном общую неприязнь и подчинялись ему беспрекословно. О происхождении этой власти ходили самые мрачные слухи.

Никто не огорчился, когда «Безымянный», выйдя однажды из Гаваны, исчез в море вместе с сумасшедшим капитаном и его командой. Больше года о них не было ни слуху ни духу, и в портовых кабаках облегченно вздохнули, решив, что капитан наконец избавился от всех страхов и забот. Любители дешевой славы уже начали таинственно намекать, что могли бы многое рассказать о последних минутах Брида, когда тот вдруг появился в Сан-Доминго. Потрепанный осенними штормами «Безымянный» встал в устье Артибонита. Окрестные плантаторы, зарядив ружья и припрятав все мало-мальски ценное, поспешно отправили жен и дочерей под защиту стен Порт-о-Пренса. Навстречу им был выслан полк солдат. Казалось, похождениям Брида настал конец; но капитан каким-то образом умудрился договориться с

французами. Поговаривали, что капитан тайно встречался с губернатором и получил не только помилование, но и патент на каперство.

Однако, вместо того, чтобы вновь отправиться на разбой – теперь уже без риска попасть на французскую виселицу, – Брид предпринял вылазку вглубь острова и разгромил несколько поселений маронов. Это было тем более странно, что до сих пор Брид был совершенно равнодушен к вопросам собственности рабовладельцев; больше того, подозревали, что его собственная команда была по крайней мере наполовину набрана из таких же бывших рабов, – которые, тем не менее, охотно приняли участие в набеге.

Поселения маронов были для губернатора сущей занозой. Вынужденный блюсти интересы плантаторов, он изредка затевал экспедиции против беглых рабов, но они были крайне невыгодны. Тростник и кофе приносили доход, несравнимый с возможной прибылью от золота, намытого в очищенных от бродяг горах. Кроме того, многие солдаты были отравлены негритянскими суевериями и опасались связываться с людьми, считавшимися могущественными колдунами. Измученные работой и наказаниями рабы бежали в горы; гонцы от маронов проникали на плантации, и в жалких хижинах по ночам проводились тошнотворные обряды. Африканская ересь вместо того, чтобы сгинуть в лучах католичества, сливалась с ним, образуя в негритянских головах опасный богохульный сплав. Неудивительно, что предложение Брида было принято с восторгом. Почти никто не задался вопросом, зачем это нужно капитану. Лишь самые проникательные усмехались украдкой, думая, что ирландец позарился на мифические сокровища истребленных двести лет назад индейцев.

Те беглые рабы, которым не посчастливилось попасть под пиратскую пулю, были с помпой переданы губернатору и возвращены владельцам. Любой другой на месте капитана торжествовал бы, но Брид, облаканный правительством, оставался мрачен: каковы бы ни были его истинные цели, они явно не были достигнуты. Он частенько исчезал из города; несколько раз его встречали в трущобах на верхней окраине, куда не зашел бы добровольно ни один француз, среди лачуг, облепивших склон, как ласточкины гнезда. Там на плоских крышах сушилась апельсиновая корка, из раскрытых дверей вечерами доносилось пение и ритмичные хлопки, и кровь черных петухов лилась в очерченный водой круг.

Говорили, что капитан якшается со свободными неграми. Многие офицеры, поначалу старавшиеся закрыть глаза на темное прошлое и принять бывшего пирата как равного, уже морщили носы. Несколько раз Брид затевал пьяные драки. В необъяснимом приступе ярости искалечил нескольких рабов, предоставив откупаться от их хозяев губернатору. Капитан ни на минуту не трезвел, ел за пятерых и свел тесное знакомство со всеми портовыми шлюхами. Казалось, он отыгрывается за долгие годы опасностей и нищеты.

Но знавшие капитана раньше говорили, что он страшно сдал. Чем бы Брид ни занимался предыдущий год – это явно не прибавил пирату молодости и сил. А после похода в горы капитан и вовсе стал походить на живого мертвеца вроде тех, которыми черные няньки пугают непослушных детей. Болтали, что жестокость капитана ничуть не убавилась, и шепотом передавали слухи об изощренных мучениях, которым он подверг негритянских жрецов.

И правда, среди возвращенных рабов, к досаде губернатора, который рассчитывал на поимку главарей, не было ни одного колдуна. Брид выдал это за случайность, но ему мало кто поверил. Особо любопытные пару раз пытались подпоить команду, но матросы, похоже, были запуганы капитаном, а боцман, хромоногий карлик с невероятно сильными, жилистыми руками, хлебал ром как воду и на расспросы отвечал лишь дребезжащим хихиканьем. Казалось, капитан окончательно спятил, потянув следом и команду, но в его сумасшествии виделась система.

Терпение властей вот-вот должно было иссякнуть, когда завесу над тайной приподнял сам Брид. Пьянствуя в Порт-о-Пренсе перед новой вылазкой, он повстречал знакомого мулата, который, разбогатев на каперстве, в поисках спокойной жизни осел в Сан-Доминго. Ром и воспоминания развязали капитану язык. Выслушав пьяные излияния, мулат лишь

покачал головой. На следующий день он, кичившийся своей просвещенностью, пересказал их, не называя имен, чтобы развлечь пару приятелей. Но, как ни старался образованный мулат выдать историю ирландца за отвлеченный анекдот, по городу поползли фантастические слухи.

Губернатор вызвал Брида на аудиенцию и потребовал объяснений. Выслушав несвязную речь вконец одуревшего от рома и ставшего от этого весьма откровенным капитана, губернатор покачал головой и посоветовал Бриду как можно скорее покинуть Порт-о-Пренс, Сан-Доминго и вообще Эспаньола – но сначала обратиться к Богу. В ответ Брид, криво ухмыляясь, пробормотал что-то про деву Эрзули и, развязно кивнув, ушел, оставив разъяренного губернатора в полном недоумении.

Едва выйдя на улицу, капитан Брид во всеуслышание объявил охоту на Барона Субботу.

На веранде губернаторской виллы, освещенной узорными фонарями, было почти прохладно от тихо журчащего посреди мощеного двора фонтана. Неумолчно трещали цикады; иногда легкое движение ветра доносило из города запахи апельсинов и жарящейся на углях селедки. Несколько пальм отбрасывали на стол причудливые тени. Губернатор и командующий городским гарнизоном полковник беседовали с зашедшим попрощаться доктором. Речь шла об экспедиции на дальние острова, которую тот собирался предпринять на свой страх и риск.

– Я надеялся, что вы задержитесь у нас подольше, – говорил губернатор. – Разве в Вест-Индии еще остались туземцы? Мне казалось, что ваши соотечественники...

– Перебили не всех. У меня есть сведения от одного миссионера – кое-где еще сохранились горстки индейцев. Но они вымирают, – доктор вздохнул. – Я уже дважды опаздывал, заставая лишь опустошенные деревни: один раз причиной была эпидемия, другой – пиратский набег. Надеюсь, в третий раз мне повезет. До архипелага меня доставит галеон, идущий в Нуэво, а дальше... – Карререс пожал плечами.

– Мне непонятно ваше стремление возиться с примитивными дикарями, – проговорил полковник.

– Золото? – с ехидцей подсказал Карререс. Полковник чуть презрительно покачал головой, и губернатор протестующе поднял руки.

– Доктор, вы либо наивны, либо водите нас за нос. Я навидался кладоискателей – вы явно не из этой компании. Нет, мой друг, – повернулся он к полковнику, – нашего доктора толкает жажда знаний. Хотя я тоже не понимаю, что может дать дикарь просвещенному европейцу...

– У меня очень специфический круг интересов, ваше превосходительство, – ответил Карререс. Губернатор выжидающе смотрел на доктора, и тот неохотно продолжил: – Суеверия и душевные болезни идут бок о бок...

Бесшумно вошел лакей в белоснежном костюме, на фоне которого лицо казалось непроницаемо-черным, и Карререс замолчал, явно довольный возникшей паузой. Слуга поставил на стол блюдо с мясом, исходящим пахучим паром, поклонился и, случайно встретившись взглядом с доктором, вдруг посерел. Казалось, он вот-вот потеряет сознание. Карререс отвел глаза, и негр, пошатываясь, отступил к стене.

– Опять вы пугаете моих рабов, доктор, – засмеялся губернатор.

Карререс с виноватой улыбкой развел руками. Вздохнув, губернатор скептически взглянул на горку красной фасоли с рисом, вонзил вилку в кусок мяса и принялся вяло возить ножом. Сунул кусок в рот, сморщился.

– Жесткое, как подошва. Ну что это такое?!

– Грийо, ваше превосходительство, – еле слышно прошептал негр, косясь на доктора.

– Грийо! – горько воскликнул губернатор, жестом отсылая слугу. – Мало нам ураганов и болотной лихорадки – так еще и местная кухня, кажется, призвана известить нас на корню. С первым же кораблем отправлю прошение об отставке. Пора новому королю обратить

внимание на колонии... Все же вы удивляете меня, доктор, – обратился он к Каррересу. – Мы – люди подневольные, но вы-то... Гиблые же места!

– Вам нужно построить резиденцию в горах, – ответил Карререс, – климат здесь и правда нездоровый.

– В горах... – тоскливо протянул губернатор. – В горах, знаете ли, небезопасно.

– Вы, кажется, нанимали какого-то ирландца, чтобы он навел там порядок?

– Нанимал. Но увы, доверять Бриду больше нельзя. Думаю, доктор, вас заинтересует этот случай. Это вам не суеверный черномазый, воображивший, что его заколдовали!

– На Кубе поговаривали, что капитан Брид – отчаянный трус, и к тому же язычник, – вмешался полковник.

– Вряд ли трус отправится в военную экспедицию с командой из двадцати оборванцев, – возразил губернатор. – А ведь я предлагал ему взять солдат – но он отказался... Нет-нет, полковник, наш раскаявшийся пират попросту сошел с ума. Видимо, болотные испарения ударили ему в голову. К тому же он слишком много пьет.

– Негры говорят, что неводержанность – признак одержимости духом смерти, – заметил Карререс. Губернатор энергично кивнул.

– Не далее как сегодня утром мистер Брид объявил мне, что намерен сразиться с этим самым духом лицом к лицу.

Карререс саркастически усмехнулся, и губернатор раздраженно пожал плечами:

– Мне безразличны сумасшедшие – на этих островах каждый второй не в себе, и неудивительно. Но если бы Брид молчал о своих фантазиях! Так нет же – он обещает золото за любые сведения об этом мифическом бароне. Плантадоры возмущаются – Брид похитил уже нескольких колдунов, а они были хорошими работниками. Рабы возбуждены. Так и до бунта недалеко! – губернатор раздраженно откинулся на спинку кресла. – Я велел ему исповедаться у отца Женье из Санта-Марии, – кстати, доктор, загляните к нему, бедняга, кажется, вот-вот сойдет с ума.

– Лихорадка?

– Скорее, нервное потрясение, – покачал головой полковник. – Уж не знаю, что там наплел капитан, но бедный падре вышел из исповедальни сам не свой.

– Наверное, то же, что и мне, – откликнулся губернатор. – Что не нуждается в царствии небесном, потому что обрел вечную жизнь на земле, – он взглянул на резко подавшегося вперед Карререса и состроил сочувственную мину. – Даже вас, привыкшего иметь дело с язычниками, это возмущает, – что же говорить обо мне? Нет уж. Он может гоняться хоть за колдунами, хоть за дьяволами, сколько ему угодно, но публичного богохульства в своей колонии я не допущу.

Доктор поставил бокал и, не поднимая глаз, принялся аккуратно складывать салфетку. Его пальцы чуть дрожали.

– Уж не вообразил ли капитан, что нашел Бимини? – хмыкнул полковник. Карререс быстро взглянул на него и снова опустил веки, притушив взгляд и придав лицу выражение легкой скуки. – Помнится, Брид предлагал любые деньги за карту. Один молодой пройдоха в Гаване хвастался, что содрал с капитана двести реалов за кусок грязного пергамента – тот долго тряс ему руку, хлопал по плечу и называл «старинной Понсе». Правда, утром оказалось, что старину Понсе на самом деле зовут Гаспарильо, и что, пока мистер Брид спал и маялся похмельем, парень успел наняться на галеон и уйти на Багамы – на свое счастье. Известно, что еще по крайней мере трое таких умников пошли на корм рыбам: как только Брид трезвеет, вся эта старинная романтическая шелуха вылетает из его головы. Старина Понсе – надо же! Я предупреждал ваше превосходительство – этот ирландец всегда был сумасшедшим...

– Да, очень любопытный случай мании, – поддержал полковника доктор. – Вы сказали, что на Кубе его считали трусом – несмотря на все выходки?

– Говорили, что Брид так боится смерти, что не смеет повернуться к ней спиной.

– Я вижу, он вас заинтересовал, – улыбнулся губернатор. Карререс хотел возразить, но

губернатор жестом остановил его. – Не спорьте, доктор, – я вижу на вашем лице азарт ученого. Хотите – устрою вам свидание?

– К сожалению, у меня осталось мало времени, – покачал головой Карререс и с мрачным весельем добавил: – Но это не беда – думаю, капитан Брид скоро сам начнет искать встречи со мной.

Полковник удивленно приподнял брови.

– Такие люди обращаются к врачу, только заполучив пулю в живот, – холодно заметил он.

– Или в голову, – согласился доктор и желчно расхохотался. Полковник сердито переглянулся с губернатором – тот тоже явно не понимал, в чем соль шутки.

Часы пробили девять, и Карререс встал.

– Позвольте откланяться, – весело сказал он и с сожалением взглянул на вошедшего на веранду негра – в его руках был поднос с запыленной бутылкой и рюмками.

– Выпейте портвейна! – воскликнул губернатор.

– Благодарю, но, увы – меня еще ждут пациенты, – Карререс жестом отстранил лакея, загородившего проход. Тот шарахнулся, его рука дернулась к засаленному шнуру на шее – губернатор знал, что под рубашкой спрятан отвратительный языческий амулет. С грохотом упал поднос, брызги вина веером разлетелись из бутылки. Черное лицо лакея покрыли крупные капли пота.

– Простите, барон... – прошептал он.

Доктор стряхнул вино с рукава и странно усмехнулся – его улыбка больше походила на горестный оскал. Слуга закатил глаза и медленно осел на пол.

– Потрите ему виски уксусом, – посоветовал Карререс, берясь за шляпу, и в его глазах зажглись нахальные огоньки. – Какие нервные у вас рабы, ваше превосходительство. Я позволю себе рекомендовать вам не злоупотреблять наказаниями.

Карререс коротко кивнул и вышел. Побагровевший губернатор несколько секунд молча хватал ртом воздух.

– Наглец! – фыркнул он, отдышавшись.

– Почему негр назвал его бароном? – задумчиво пробормотал полковник. Губернатор потер щеки и вздохнул.

– Не знаю и знать не хочу, – отрезал он.

Глава 15

– Вижу, вы уже почти оправились. Но все-таки позовите цирюльника пустить кровь. – Карререс вздохнул. – Все это от дурного климата и нервного напряжения. Вам нужно отдохнуть, святой отец.

Был самый жаркий полуденный час. Толстые стены собора Санта-Марии удерживали прохладу, легкий сквозняк шевелил листья клематиса, оплетающего оконные рамы, но полнокровному, круглолицему отцу Женье, закованному в рясу, приходилось туго. Он то и дело прикладывался к запотевшему стакану с лимонадом, и холодная вода тут же проступала на красном лице потом, не принося облегчения. Но доктор был прав – сердце уже не грозило разорвать грудную клетку, и глаза не застилала багровая гневная пелена: священник пришел в себя, насколько это было возможно.

– Годы берут свое, – грустно кивнул он, вытираясь платком. – Но на покой мне еще рано.

– Таковую паству, как в Порт-о-Пренсе, сложно вынести и молодому, – возразил Карререс. – Мне, как врачу, частоверяют душевные тайны. Представляю, что приходится выслушивать вам.

– Ну, я хотя бы не охочусь за сумасшедшими нарочно, как вы, – улыбнулся священник. – Хотел бы я знать, зачем...

– Следя за нарушенным, патологическим ходом мысли, можно многое узнать о том, как

работает разум нормального человека.

Женье скептически хмыкнул, но промолчал. Карререс пожал плечами.

– Впрочем, если вы имели в виду одержимых – так они не безумны. Не совсем безумны...

– Чего вы хотите от них? – спросил священник. – Вы лечите рабов и не берете с их хозяев ни копейки. Похвальное милосердие – но мне кажется, что вы не совсем бескорыстны, доктор. Вам платят доверием. Что за секретами делитесь с вами эти язычники?

– Многие из них считают себя преданными вере католиками, – улыбнулся доктор. Отец Женье замахал на него руками и болезненно застонал. – Да, вам ли не знать. А чем они мне платят... Вы ждете от меня исповеди?

– Нет, – покачал головой священник, – хотя исповедоваться вам бы не помешало. Я просто пытаюсь понять.

– Одержимость, безумие, магические ритуалы – форпост на границе между разумом и... – Карререс нахмурился и пошевелил пальцами, – той бездной, из которой приходят сны и призраки. Человеческий мозг содержит в себе величайшие тайны. Это ключ к всемогуществу... Я уверен, что, получив его, я смог бы понять чудеса, творимые святыми, и даже...

– Доктор Карререс! – потрясенно прервал его священник.

– Простите, святой отец, – Карререс поклонился, замолкая.

– Все эти натурфилософы, которые ковыряются в законах природы, как капризная женщина в тарелке... Господь с ними, – горячо заговорил отец Женье. – Пусть разбирают материальный мир на части; в конце концов, иногда от этого даже есть польза. Но вы – лезете в тайны не природы, но дьявола... – Карререс попытался что-то сказать, но священник жестом остановил его. – Вы хоть понимаете, на что замахиваетесь? – возмущенно спросил он.

– Да, – улыбнулся Карререс. Немного помолчав, он упрямо нахмурился. – Говорят, есть чудесный остров, на котором бьет источник вечной молодости. Будто бы всякий, кто испьет из него, будет жить вечно. Так вот, падре, это все – чепуха, следствие. На самом деле Бимини...

– Бимини? – вздрогнул священник.

– Вы тоже слышали эту легенду? – вскинулся Карререс и осекся. – Что с вами, святой отец?

Изменившийся в лице Женье лишь молча покачал головой.

– Сегодня у вас побывал капитан Брид... – задумчиво проговорил Карререс. – И что-то в его исповеди потрясло вас. Святой отец, скажите лишь слово! он нашел? Все-таки нашел? – Священник молчал. – Да, я вижу, он сказал вам, что побывал на Бимини. Он намекал на это губернатору, а вам наверняка признался, – Карререс задумчиво уставился на отца Женье, который с непроницаемым выражением перебирал четки. – Да, Брид верит, что нашел этот остров. Но он же сумасшедший! – Карререс взволнованно заходил по комнате. – Я должен повидать его, – сказал наконец он.

– Это довольно трудно. Капитан скрывается на верхней окраине, в негритянских кварталах. А кстати, доктор... – священник подался вперед, и в его глазах зажглись хитрые огоньки. – Почему негры принимают вас за Барона Субботу?

– О, – рассмеялся Карререс, – вы первый европеец, который об этом догадался. Удивительная проницательность – я сам понял, в чем дело, совсем недавно.

– У меня было больше возможностей, чем у других, – отмахнулся Женье. – И все-таки?

– Это недоразумение, святой отец. Вы же знаете – я часто бываю в бедных кварталах. Как-то ночью я отправился навестить одного колдуна, бокора. Мне удалось завоевать его доверие, и он согласился, чтобы я присутствовал на церемонии вызова лоя. В тот день меня сильно задержали пациенты, к тому же я слегка заплутал в темных переулках – это настоящий лабиринт. Обряд начался без меня, и вышло так, что я вошел в хижину ровно в тот момент, когда жрецы в экстазе ожидали явления Самеди...

Отец Женье с недовольной миной откинулся на спинку кресла.

– Могли бы придумать историю и поубедительней, – обиженно проворчал он. Карререс развел руками:

– Чем вам не нравится эта? – улыбнулся он. – Вы же знаете, как впечатлительны чернокожие. А слухи разносятся быстро...

Священник с досадой отмахнулся.

– Не хотите говорить – не надо. Имейте только в виду, что до капитана Брида эти слухи тоже вскоре дойдут. Ваша встреча может оказаться очень неприятной. Если, конечно, вы только что рассказали мне правду... барон, – усмехнулся он.

– Святой отец, как ваш врач, я должен сказать... – настороженно начал Карререс, но священник жестом остановил его.

– Ай, бросьте, – брюзгливо скривился он. – Вы опасаетесь за мое здравомыслие? Напрасно! Лучше бы подумали о своей безопасности.

– Чепуха, – отмахнулся Карререс, – и шпагой, и пистолетами я владею ничуть не хуже Брида.

– Вы не поняли меня, – печально ответил отец Женье и вновь принялся за четки. – Оставьте эти поиски, доктор, – сказал он после паузы. – Вы лишитесь разума и погубите душу.

Глава 16

Карререс не совсем кривил душой, когда рассказывал отцу Женье, почему его принимают за самого зловещего духа вудуистского пантеона. Доктор действительно однажды появился в хижине старого бокора, когда обряд вызова Барона достиг апогея. Никто, правда, Карререса не приглашал. Он пришел сам, услышав от слуг, что один одержимый Духом Смерти с перепою упал в канаву и сломал шею. Появление бледного человека в черной шляпе само по себе произвело сильное впечатление на всех участников обряда; когда же он предложил деньги за труп одержимого, подозрения бокора начали превращаться в уверенность. Барон пришел за своим, и колдун не посмел отказать ему.

Настоящее имя этого бокора никому не было известно; он называл себя Ван Вогтом по фамилии своего владельца, голландца, от которого колдун сбежал в горы несколько десятков лет назад. Карререс подозревал, что это – одно из проявлений черного юмора старика. Голландец давно помер от малярии, его имущество пошло с молотка, и беглый негр был забыт. Ван Вогт, который к тому времени успел обзавестись семьей и неплохо заработать на гаданиях и изготовлении амулетов, перебрался в Порт-о-Пренс. Его хибара на склоне горы состояла из одной обширной комнаты, которая частенько превращалась в ритуальный зал, и была сплошь облеплена лачугами поменьше. В них жили дети, внуки, зятья с невестками, многоюродные братья бокора и его жены, и прочая родня. Кроме того, в доме постоянно вертелись ученики, клиенты, деловые партнеры и бог знает кто еще. Ван Вогт считался одним из самых сильных колдунов в Порт-о-Пренсе и даже во всем Сан-Доминго, и, познакомившись с ним поближе, Карререс счел, что репутация старика заслужена даже больше, чем может представить себе европеец.

Поначалу Карререс принимал заискивания колдуна как должное. Но вскоре, разобравшись в жизни Верхнего Города, он почувствовал смутное удивление: в этих нищих кварталах, населенных неграми и мулатами, где беглые рабы иногда скрывались годами и куда не смели сунуть нос губернаторские солдаты, европейцы были не в чести. Более того, доктор подозревал, что любой мужчина здесь с удовольствием воткнет нож под ребра всякого белого, если будет уверен в своей безнаказанности. Однако Карререс мог разгуливать по этим улицам в любое время дня и ночи. Единственной неприятностью был угодливый страх, который читался в глазах встречаемых.

Карререс стал частым гостем в этих местах. Он знал, что им пугают детей, что люди, которых он лечит и подкармливает иногда, обвешивают стены амулетами, призванными

изгнать страшного врача. Но в этих кварталах он чувствовал себя охотником в королевском парке, полном дичи. Безумие было здесь так же обыденно, как страсть, как рождение и смерть. Буйные, экстатические ритуалы раскачивали психику, не защищенную скорлупой рациональности. То и дело один из участников обряда заглядывал слишком далеко. Мозг не выдерживал, но тело иногда выживало, и в верхних кварталах появлялся новый одержимый.

Карререс ликовал. Причесанное сумасшествие европейцев, закованное в мундир здравого смысла, давно уже не интересовало его. Слишком много времени уходило, чтобы отыскать ядро глубинного ужаса за нагромождением условностей. Иногда Карререс жалел, что не родился сотней лет раньше. Как и отец Женье, доктор не любил натурфилософов, правда, совсем по иной причине: развитие науки привело к тому, что любой мало-мальски способный излагать свои мысли безумец ударялся в ученый бред, если все-таки умудрялся избежать бреда религиозного.

Одержимые же лоа были честны и бесхитростны. Они в самом деле видели другую сторону, заглядывали в прорехи в ткани бытия. Искажающий неведомое слой бреда, порожденного личностью, был здесь тонок и хрупок, как лед, – в отличие от плотного панциря европейцев. Вскоре Карререс сообразил, что страстно влюбленный похож на одержимого. Его охотничьи угодья расширились, дичи стало вдвое больше, а у язычников пропали последние сомнения в том, с кем они имеют дело: смерть и страсть были для них сторонами одной монеты, и эта монета принадлежала Барону Субботе. Карререс беседовал с ними часами, продираясь сквозь непонимание, сквозь гортанную невнятицу чужого языка, сквозь страх. А когда одержимый умирал – от болезни ли, от несчастного случая, – Барон приходил за своим.

Обычно Карререс располагался в чистой лачуге, прилепленной к дому Ван Вогта. Доктор платил щедро, и у него никогда не было недостатка ни в воде, ни в факелах, в обмотку которых вплетали травы, отгоняющие мух. Он работал ночи напролет, проклиная грубый инструмент, плохо отшлифованные линзы, дурную бумагу, на которой рисунки анатомических срезов быстро превращались в безумные плесневые цветы. В Алькала-де-Энарес ему приходилось видеть микроскопы, и он иногда порывался выписать себе один из Европы. Останавливало подозрение, что даже такой тонкий прибор не поможет рассмотреть те мельчайшие неправильности, которые дают одержимому связь с лоа.

Карререс задыхался. Ему не хватало знаний, инструментов, препаратов. Он жадно прочитывал все мало-мальски толковые книги, приходящие из Европы, и каждый раз испытывал яростную досаду, понимая, что тех сведений, которые так нужны ему, пока еще попросту не существует. Он знал о мозге почти все, что можно узнать, имея в своем распоряжении лишь умение слушать и спрашивать, острые глаза и скальпель, но этого было безнадежно мало.

Факела чадили и гасли, вставало солнце, и вместе с его светом в комнату проникали мухи. Их становилось все больше, воздух дрожал от жужжания; они облепляли лицо покойника, шевелились в остатках волос. Вскоре, как Карререс не отгонял их, насекомые уже копошились в бороздах и складках мозга, и работать становилось невозможно.

Прополоскав инструменты и облив их ромом, Карререс выходил на улицу. На смену ему в комнату проскальзывала жена Ван Вогта. Следом приходили одетые в белое старухи, и в лачуге раздавался плач, перемежаемый жутковатыми подражаниями католическим молитвам.

Слушая их, Карререс сам готов был плакать и молиться. Бездна, скрытая под складками мозговой ткани, источник великой силы и невиданных тайн, манила его все сильнее. Он несея по следу неуловимого, как гончая; запах неведомого становился все острее, не давая ни остановиться, ни хотя бы испугаться. Карререс сам в какой-то степени был одержимым. Он вскрыл бы свою черепную коробку, если бы придумал, как увидеть потом то, что внутри, и выжить.

В домах европейцев еще теплились огоньки, но верхний город был пуст, темен и мертв.

Бамбуковые хижины казались хрупкими клетками. В сточной канаве плескалась луна. Под ногами хрустели стебли сахарного тростника, превращенного в мочало крепкими зубами, арбузные корки, рыбы головы, куриные кости. Все сор, думал Карререс, обходя вонючие лужи. Еще один вскрытый череп – чтобы убедиться в своем бессилии. Бедняга Ван Вогт сереет от ужаса каждый раз, когда они встречаются. Зато слава старика уже вышла за пределы Эспаньолы: кто из бокоров может похвастаться тем, что ведет длинные беседы с самим Бароном? Амбиции сильнее ужаса, а мертвецы – что мертвецы: Барон Суббота всегда берет свое, хочешь ты этого или нет.

Иногда Каррересу казалось, что Ван Вогт не так прост, и тогда по спине пробегал холодок. Доктор боялся не разоблачения: это было бы неприятно, но не смертельно. Другая мысль заставляла его вздрагивать от озноба душными жаркими ночами: что, если Ван Вогт не так уж ошибается? Что, если в своих исследованиях Карререс зашел туда, где уже нет места людям? Что, если Ван Вогт действительно вызвал его тогда, в первый раз? Иногда Карререс не мог вспомнить причину, по которой он забрел в тот день в Верхний город... Ему часто хотелось поговорить со стариком как равным, но они слишком плохо знали языки друг друга: запаса слов хватало лишь на то, чтобы обмениваться короткими фразами.

Над городом стояла особая тишина. Она складывалась из дремотного квохтанья кур в сарае, короткого тьяканья собаки, увидевшей сон, отдаленного хныканья младенца, сладкого женского стоны, тихого дыхания за тонкой стеной. В нее постепенно вплетался новый звук, беспокойный и заманчивый. Чем ближе подходил Карререс к жилищу бокора, тем отчетливее становился шум; вскоре он распался на рокот полудюжины барабанов и ритмичное шарканье босых ног.

Карререса охватило смутное волнение. Нет смысла танцевать, когда в доме лежит мертвец, уже обещанный Барону; у Ван Вогта сейчас должно бы быть тихо и темно. Карререс прислушался. Он уже мог различить резкие женские вскрики и пение флейты. Ритм ускорялся, завораживал; снова взывала флейта, и Карререс узнал мелодию. В хижине Ван Вогта вызывали Барона Самеди. Похоже, старик решил подстраховаться и провести малый обряд, подумал Карререс, подходя к дому. Странно – старик был ленив и никогда не делал ничего, без чего можно было бы обойтись.

Раздался испуганный вопль петуха, и Карререс остановился в тревоге. Большой обряд? Ван Вогт жертвует дорогую даже для него, местного богача, птицу, чтобы вызвать того, кто и так обещал прийти? Или бокор все-таки решил, что Карререс морочит ему голову? Тогда сейчас придется туго. Мгновение доктор размышлял, не отложить ли визит до утра, но в конце концов лишь ускорил шаги. Что бы ни происходило у Ван Вогта, лучше узнать об этом сейчас.

Подойдя к хижине, Карререс осторожно заглянул в дверь. Жена Ван Вогта, окруженная танцующими женщинами, стояла у столба в центре круга, очерченного струей воды из кувшина. Крепко сжав петушину шею, она занесла над ней почерневший от крови нож. Барабаны гудели так, будто готовы были взорваться, и одна из жриц уже билась в судорогах на усыпанном мукой глинобитном полу, в экстазе впиваясь ногтями в блестящую от пота грудь. Карререс чуть сдвинулся, чтобы увидеть, что творится в глубине хижины, и перестал дышать.

Ван Вогт привалился к дальней стене за пределами круга и, скорбно подняв мохнатые седые брови, смотрел на петуха. Рядом, закинув руку на плечо бокора, сидел европеец. Его иссеченное морщинами лицо на фоне негритянских физиономий казалось синюшно-белым. Жесткие прямые волосы отливали медью. Человек напряженно оглядывался по сторонам, будто готовый в любой момент вскочить и задать деру, и злобно кривил рот.

Круг женщин чуть разомкнулся; стало видно, что европеец прижимает к шее бокора нож. Карререс не успел ничего придумать – белый заметил доктора и вскочил, увлекая за собой Ван Вогта. Лезвие вжалось в морщинистую шею, и из-под него потекла тонкая струйка крови. Бокор беззвучно шевелил губами, и Карререс подумал, что на месте этого белого насторожился бы: колдун явно пытался позвать на помощь лоя, и сейчас как никогда

был близок к удаче.

Шум отвлек музыкантов. Барабаны сбились с ритма, музыка оборвалась, и жрица, смешавшись, выпустила петуха. В наступившей тишине его недовольное квохтанье показалось неестественно громким; встряхивая крыльями, петух важно прошагал через круг и вышел на улицу. Грубо вырванные из транса женщины какое-то мгновение потерянно хлопали глазами, а потом, тихо вскрикивая, бросились в стороны. Карререс вошел в хижину.

– Капитан Брид, если не ошибаюсь? – сказал он европейцу. – Оставьте бокора, так вы толку не добьетесь.

Ван Вогт торопливо забормотал, но капитан встряхнул его, и поток оправданий прервался. Бокор лишь с виноватым испугом косился на Карререса. Ван Вогту явно было больно, Брид слишком круто задрал его голову, и, когда бокор пытался смотреть на доктора, становились видны ослепительно яркие на фоне черного лица белки глаз. Ван Вогт то и дело сглатывал, дергая кадыком, и каждый раз из-под ножа выступала новая капля крови. Лоа слетаются на кровь, отвлеченно подумал Карререс. Да старика же сейчас удар хватит от ужаса!

– Кто ты такой, черт тебя задери? – наконец хрипло спросил Брид.

– Меня зовут Карререс. Доктор Карререс. Слышали?

Капитан покачал головой и провел языком по пересохшим губам.

– Говорят, интересуетесь Бароном Субботой? – как ни в чем ни бывало продолжал доктор. – Думаю, я смогу рассказать больше, чем бедняга Ван Вогт.

Брид отшвырнул бокора и медленно пошел на Карререса.

– Ты, белый, – процедил он. – Что ты можешь знать о лоа?

– Намного больше, чем эти несчастные, – кивнул Карререс на негров. – Я даже знаю, что они такое и откуда берутся. Хотя вам, полагаю, это неинтересно.

Бокор тяжело поднялся на ноги; его колени тряслись. Он вытер ладонью царапину на шее и молча кивнул на дверь. Женщины робко двинулись к выходу, и Карререс посторонился, освобождая дорогу. Брид рассеянно следил, как жрицы гуськом выбираются из зала.

– Чего тут знать – прямиком из ада, – проворчал Брид, вновь сосредоточившись на докторе.

– Можно и так сказать, – согласился Карререс.

– Да хоть заговоришь! – Брид покосился на напряженных, как пружины, мужчин с барабанами, на застывшего в углу бокора и сплюнул. – Так что – если знаешь, где искать этого дьявола, двести монет у тебя в кармане. Капитан Брид не обманет.

– Мне не нужны деньги, – ответил Карререс. Брид уставился на него налитыми кровью глазами.

– Из благородства, что ль? Или самому любопытно?

– Я от платы не отказываюсь. Но возьму только картами.

– Картами? – насторожился Брид.

– Картами Бимини. Расскажи, как попасть туда, – и Самеди будет у тебя в руках.

Капитан вылупил глаза, запрокинул голову и хрипло расхохотался, хлопая рукой по бедру. Краем глаза Карререс заметил, как подобрались дюжие барабанщики, готовые броситься на ирландца, и как бокор едва заметно покачал головой. Он облегченно выдохнул: драка была сейчас ни к чему.

– Ну ты наглый, доктор! – выговорил Брид, отсмеявшись. – Я таких наглых еще не видал! – он снова сплюнул. – Пожалуй, не мешает с тобой поговорить. Скажи своему негру, чтобы принес рома.

Глава 17

Бокор молча выслушал Карререса и, бурча под нос, вышел. Карререс с удивлением понял, что старик не столько испуган, сколько раздражен происшедшим. Похоже, он давно

ожидал, что капитан доберется до него, и строил на этот случай хитроумные планы, которые разрушились с появлением доктора. Следом за бокором потянулись музыканты. Один сунулся было забрать ритуальные свечи – толстые столбики черного воска все еще горели по периметру зала. «Оставь, кыш отсюда», – зарычал Брид. Парень отдернул руку и виновато поглядел на Карререса. «Оставь», – повторил тот, и негр выскочил на улицу.

Карререс посмотрел на Брида. От вспышки веселья не осталось и следа. Сунув руки в карманы и покачиваясь, капитан бессмысленно разглядывал столб, измазанный жертвенной кровью. Разговаривать без рома он явно не собирался – а может, просто не умел.

Пару минут спустя Ван Вогт все-таки прислал внучку с охапкой циновок и тяжелой оплетенной бутылкой. Девочка молча свалила все в углу. Вышла, пятясь, не спуская взгляда с европейцев, и опрометью бросилась прочь – лишь торопливо прошлепали босые ноги. Брид, бормоча что-то про наглых невеж, с кряхтеньем опустился на циновки и зубами вытащил пробку из бутылки. Карререс присел рядом.

– Значит, тебе нужны карты? – спросил Брид, вытерев рот ладонью, и передал бутылку Каррересу.

– Да.

– Но ведь Бимини не существует, – Брид сделал новый глоток из возвращенной бутылки и зажал ее между коленями. – Это выдумка несчастных язычников, которым не суждено спасение. Добрый католик же должен усердно молиться, чтобы эти наваждения не заслонили от него истинного бессмертия. Так, по крайней мере, объяснил мне вчера отец Женье.

– Это его долг, – улыбнулся Карререс.

– Я смотрю – ты человек образованный, богобоязненный, – ехидно хмыкнул Брид. – Сам-то что думаешь?

Брид передал ром. Карререс повертел бутылку, ловя отражение свечи на не закрытое оплеткой горлышко.

– Бимини – как этот огонек, – негромко сказал Карререс. Он медленно качнул бутылкой, и Брид, не моргая, уставился на пламя, дрожащее в темном стекле. – Всего лишь отражение настоящего огня. Но он реален. Ты видишь его. Видишь, как колеблется пламя. Как бегут блики по поверхности рома. Слышишь треск пламени. Шуршание в столбе, когда его грызут термиты. Треск цикад. Чувствуешь гладкость стекла, шершавость оплетки, обжигающее тепло рома, когда он льется тебе в глотку... – Карререс продолжать говорить, тихо, почти задумчиво, будто бы сам с собой, и лицо Брида постепенно обмякало, а взгляд расфокусировался. – Ты хочешь рассказать мне... – сказал Карререс, и в этот момент отражение пламени дрогнуло, заколебалось и снова стало ровным.

Доктор вскинулся, оборачиваясь к двери, но лишь увидел, как слабо колышется полосатая занавесь в проеме. На другом конце двора раздался старческий кашель и сиплый голос бокора, раздающего какие-то указания родне: Ван Вогт старательно делал вид, что занят домашними делами, – это посреди ночи-то! «Старый жулик», – в сердцах буркнул Карререс и сунул бутылку в руки Брида. Капитан кивнул с выражением почти детской радости на лице.

– Когда мне исполнилось тринадцать, – с готовностью заговорил он, – папаша продал меня юнгой на одно торговое судно. Мол – дослужишься до матроса, станешь человеком. Ничего, боцман был незлой, а капитан такую мелюзгу, как я, и вовсе не замечал. К тому моменту, когда это случилось, я прослужил уже год и, в общем-то, был доволен. Однажды мы попали в штиль. Судно болталось, как плевок в прокисшей похлебке, делать было нечего, нас двое суток заставляли драить медь, чтобы хоть чем-нибудь занять. А потом появился туман. Я как раз возился на бушприте, начищал носовой фонарь – весь в завитушках, а сажи, как на казане в большом трактире. Густой серый туман. Сначала я подумал, что оглох. Потом услышал, как мычит в трюме корова – и мне показалось, что до нее тысяча миль. Оглянулся – а палубы-то и не видать, да и воды тоже. Ничего там не было, слышишь, док? Он был скользкий. Он пах болотом. Неправильный туман, понимаешь, док? Не должно быть в этом

мире такого тумана, не место ему здесь. Он был полон... – Брид скривился и помахал рукой, сисясь подобрать слова.

– Чудовищ? – подсказал Карререс. Брид посмотрел на доктора со снисходительным сочувствием и мрачно усмехнулся.

– Чудовища – это детские игрушки, – ответил он. – Говорят, когда один галеон повстречался с гигантским спрутом, его команда не выдержала и свихнулась от страха. Все попрыгали за борт... Ерунда все это, док. Все ерунда по сравнению с тем туманом... – Брид замолчал и приложился к бутылке.

– Он растворял, – наконец выдавил капитан.

– Растворял? – переспросил Карререс. Брид кивнул, стиснув зубы, как будто даже воспоминания причиняли ему муку.

– Я боли не боюсь, – проговорил он. – И ада не боюсь – что там, с детства знал, что мне туда дорога, в раю место только для чистеньких. Подумаешь, сковорода – что я, сковород не видал? Тут другое, док... Я тогда знаешь что подумал? Доведись мне увидеть то, что за ним стоит... Чудеса, док. То, чего здесь нет и быть не должно. Увидь я даже те чудеса, про которые пишут в Евангелии, – про Лазаря там, или с хлебами и рыбами – я бы кричал, кричал, пока бы глаза не лопнули и кровь горлом не пошла. Потому что неправильно это. Нельзя так... – Брид запустил пальцы в рыжие патлы. – Нельзя мне никак умирать, как увижу, что там дальше, так душа на куски разобьется, понимаешь?

Карререс кивнул.

– Э, док, – махнул капитан рукой, – никто... – Брид вдруг сбился и медленно повернулся к Каррересу. Внимательно всмотрелся в лицо доктора. – Понимаешь, – изумленно проговорил он. – Откуда?

– Считаю, что я тоже однажды попал в туман, – пожал плечами Карререс.

– Э нет, здесь что-то другое, – настороженно прищурился Брид. – Ты, доктор, лучше не мути...

– Потом, потом, – отмахнулся Карререс. – И ты решил...

– Я б не додумался, – вздохнул Брид. – Мало ли какие на островах сказки ходят. Вон, этот твой... Бокор.

– Что не так с бокором?

– Говорят, они лепят восковую куклу и втыкают в нее булавки – а у тебя начинает гнить нутро, изо рта смердит, как от тухлой рыбы, а потом потроха через задницу вываливаются. Ты веришь?

Карререс неопределенно хмыкнул.

– Я б не додумался, – повторил Брид. – Это девка, девка с лютней, что пела по кабакам в Картагене. Говорили, она наводит на золото. Считали, что чем щедрее ей заплатишь, тем добрей будет к тебе удача, – помнишь? – Карререс кивнул. – Главное – слушать повнимательней... Она сама ко мне подошла. Она улыбалась – но нехорошо так улыбалась, недобро. А, пожалуй, она меня и не видела вовсе – знаешь, говорили, она даже говорить-то не умела, ничего кругом не видела... Она для меня спела. Что-то про птичку колибри, которая ведет старого конквистадора прочь от беды... Птичка! Девичий сиропчик! – сплюнул Брид. – Припев там был, сейчас вспомню... «Дон Леон, смотри за птицей, будешь дольше жить», – немелодично проблеял Брид и закашлялся. – Я заплатил ей, сколько мог, хотя и жалко было отдавать монету за всякую ерунду, но если люди не врут, с этой девкой лучше было не связываться... Ну вот, заплатил, еще выпил. И все думал – если она всем такую чепуху поет, то понятно, почему моряки бедны, как крысы: может, она и наводит на золото, да только поди сообрази, где его искать. А утром протрезвел, и вдруг как реей по голове стукнуло: не про золото она мне пела, ох, не про золото... И что это за дон Леон такой, понял...

– Она хотела, чтобы ты искал Бимини?

– Будь она проклята, ведьма... Я ей поверил. Столько лет я дурел от ужаса, каждый день думал о том, чтоб покончить со всем разом, но продолжал искать... Я, болван, думал,

что ищу спасение, а нашел то, от чего так хотел сбежать. Не понимаю, зачем она это сделала, – пробормотал Брид, и Карререс едва сдержал улыбку: капитан вдруг стал похож на обманутого ребенка. – Я никогда не обижал ее, – да и кто бы рискнул, все знают, что случилось с теми, кто ей хоть одно грубое слово сказал... А она мне... За что?!

– Может, ты неправильно понял песню?

– Шутишь? Такие песни или понимают правильно, или не понимают вовсе, это всем известно... Моя б воля – я эту девку... Она не на золото наводит, она на смерть наводит, хуже, чем на смерть...

– Бимини, – напомнил Карререс. – Ты же нашел Бимини. Ты бессмертен. Бояться нечего.

– Нечего, – тоскливо подтвердил Брид. Он отхлебнул из бутылки и хрипло расхохотался. – Лучше б я сдох тогда в тумане, – сказал он.

Капитан замолчал. Его помятое лицо окаменело, глаза стали тусклыми – будто где-то внутри захлопнулась обитая железом дверь.

– Зачем тебе Барон? – попытался зайти с другой стороны Карререс.

– А ты как думаешь? – злобно вскинулся Брид – Побеседовать хочу! Вот как с тобой!

– Я думал – ты хочешь проверить, – осторожно сказал Карререс. – Проверить, можешь ли ты, бессмертный, победить духа смерти.

Не дослушав его, Брид разразился квохчущим хихиканьем. Он скосил на Карререса круглый бессмысленный глаз и вдруг сделался ужасающе похож на жертвенного петуха.

– Мне этого дьявола надо туда притащить, – сказал капитан. – Мне там с одной надо управиться... Там всем одна баба заправляет, – объяснил он. – Не сказать, чтобы красавица, – смуглая, тощая, ни плавности, ни дородности, будто и не кормят ее. Все скачет, как коза... козочка... – Брид машинально облизнул губы. – Реме ее звать. Реме...

Глаза капитана застыли, лицо обмякло. Карререс с тошнотной неловкостью увидел, как затрясся подбородок пирата. Доктор поспешно схватил бутылку и сунул ее в руки Брида. Капитан сделал несколько гулких глотков, судорожно перевел дух.

– Ты любил когда-нибудь, док? – неожиданно спросил он.

– Вот оно что, – пробормотал Карререс.

– Я ее по-хорошему просил... Ты, говорю, женщина добрая, хоть и королевна, вытащи, выведи... Я ей говорю – Бимини теперь во мне, не хочу, ест меня. Слей, говорю, меня обратно, прими, что тебе стоит. А она смеется. Все смеется, я как засну – так ее смех слышу... «Ты, – говорит, – сначала то, что откусил, проглоти, а там посмотрим».

– Я бы на твоём месте ее послушал, – тихо вставил Карререс. Брид бешено поглядел на доктора и выпятил челюсть. – Я думаю, – объяснил Карререс, – что Бимини дает не только и не столько бессмертие...

– Мутишь, док, – пробормотал Брид. – Нееет... Я Барона поймаю. Барон – он ведь не только гробам хозяин, но и постели. Он мне поможет... Я его по-хорошему... Не пришел. Ладно. Сам не хочет – заставляю.

– Заставишь лоя? Заставишь духа смерти?

– А что он мне сделает, а? Да ничего. – Брид сжал кулаки и оскалился. – Я его скручу, – сказал он, – суну в трюм «Безымянного». И пойду на Бимини. Я дорогу хорошо запомнил, все вешки, все приметы – такое не забудешь, нет... И тут она не отделается. Она меня обратно слепит, – язык капитана заплетался все сильнее. – Я ее год из койки не выпущу...

Брид явно терял контроль над собой. Его обычно бледное лицо покраснело, яростные гримасы сменялись выражением умиленной нежности. «Реме, – бормотал он, – Реме ее зовут...»

– Пошел я отсюда, – вдруг проговорил он и грузно встал. – Ты чего хотел-то, док?

– Карты.

– Карт нету. Какие к дьяволу карты в этом деле? Я мог бы так рассказать... Главное – в пределы прорваться, в окрестности, а там уж – по вешкам, по вешкам...

– Хорошо, расскажешь так.

– Не буду.

– А вроде обещал в обмен на Самеди.

– Не буду, – упрямо повторил Брид. – Я этого барона и сам могу найти.

Карререс презрительно пожал плечами, и Брид вспыхнул:

– Думаешь, мне жалко? Для себя все держу? Я тебе вот что скажу, док: ты мне понравился. Ты со мной по-человечески говорил, а капитан Брид добро помнит. Так вот не будет тебе ни карт, ни примет. Нечего там делать человеку... – он, покачиваясь, двинулся к выходу.

– Подожди, – окликнул Карререс. – Скажи хотя бы – что там?

– Туман, – неестественно внятно ответил Брид и, задев плечом дверной косяк, вышел из хижины.

– Принести факела? – спросил Ван Вогт.

Карререс вздрогнул от неожиданности, вырванный из раздумий бесшумным появлением колдуна. Только теперь доктор вспомнил, зачем вообще пришел сегодня в хижину старика: накануне скончалась одна из дальних родственниц Ван Вогта, и сейчас ее тело, накрытое холстом, лежало в пристройке. Карререс был уверен, что пол в комнате тщательно подметен, в углу аккуратно сложены чистые тряпки, а рядом стоят ведра с водой. Все готово для вскрытия. Готово для того, чтобы Барон Суббота забрал мозг несчастной.

Когда Карререс узнал о смерти этой женщины, его кольнуло чувство вины. Всего неделю назад он осмотрел ее и оставил лекарства, хорошо осознавая, что совершает ритуал ничуть не хуже, чем пляски мамбо. Всего лишь легкая лихорадка – с такой обычно справлялись домашними средствами, и вмешательство врача вовсе не требовалось. Но больная попросту не хотела жить, и никакое лечение помочь ей не могло. Мутная история была с этой женщиной. До Карререса дошли только обрывки – все участники и свидетели резонно полагали, что Самеди все обстоятельства известны из первых рук, и говорить здесь не о чем, а спрашивать – себе дороже. По случайно подслушанным фразам доктор сделал вывод, что бедняга, потеряв мужа, обезумела от горя настолько, что пыталась вернуть его хотя бы в виде зомби, – не говоря уже об иступленных попытках вымолить его у Самеди.

Когда пришел Карререс, женщина на минуту оживилась, и в ее глазах вспыхнула безумная надежда. Она заговорила, с трудом шевеля потрескавшимися, серыми от страха губами. Вслушавшись, Карререс похолодел: женщина просила его, Барона Субботу, чтобы он вернул ей возлюбленного. Она вцепилась в рукав доктора иссохшими пальцами; ее голос окреп. Запах расплавленного черного воска и куриной крови шибал в нос; в хижине было темно, и пожелтевшие белки глаз больной, казалось, светились в темноте, когда она полным страсти голосом уже не просила – требовала у Барона Субботы, чтобы он выпустил ее любимого из могилы. «Не могу», – ответил Карререс, в который раз подумав, не слишком ли далеко он зашел, потакая иллюзиям бокора. «Тогда скорее забирай меня», – ответила женщина, бессильно откинувшись на подушки и отвернувшись. До самой смерти она не сказала больше ни слова.

– Так нести факела? – напомнил о себе Ван Вогт.

– Нет, – покачал головой Карререс. – Я устал.

На лице бокора отразилось удивление, которое тут же сменилось тенью понимания. Ван Вогт хотел что-то сказать, но какая-то новая мысль мелькнула в его глазах, и колдун замолчал. Карререс, так не дождавшись, пока тот заговорит, вышел, провожаемый сочувственным взглядом.

Чертов Брид... Бесполезный разговор с капитаном тяжело растревожил доктора. Слишком много общего оказалось между ними. Быстро шагая по ночному городу, Карререс пытался представить, каково это – жить с визжащим от запредельного ужаса существом внутри, и с неприятным удивлением осознавал, что не только сочувствует Бриду, но и хорошо понимает его. Понимает и жалеет человека, слава о жестокости которого разошлась

по всей Вест-Индии.

Карререс вдруг представил, как это происходило: Брид, захватив врасплох очередного колдуна – или негра, выдающего себя за колдуна, – заставлял проводить его обряд вызова Барона. Неспособный расслабиться и отдаться течению ритуала, Брид ни разу не ощутил то присутствие, которое негры считали явлением лоа. Да если и ощутил – тени не могли успокоить капитана. Тень нельзя скрутить и бросить в трюм, будь ты хоть трижды бессмертным. А после ритуала Брид убивал жреца – но не сразу, нет: сначала нужно было убедиться, что тот не обманывает, и ритуал был подлинным... Карререса передернуло. Неизвестно, сколько людей еще загубит Брид. С другой стороны, судя по тому, с какой готовностью капитан переключился с Ван Вогта на невесть откуда взявшегося европейца, – Брид уже начинал разочаровываться в своем методе поисков Барона.

Страх и страсть. Неудивительно, что после Бимини и без того буйный Брид превратился в ходячую бочку с порохом. «Она меня своим телом обратно склеит», – вспомнил Карререс. Скорее всего, она и разрушила... Доктор чувствовал, что, подыгрывая неграм, пользуется лишь самой грубой, самой беспощадной лазейкой, оставляя без внимания другие пути. О том, что Самеди держит в руках не только смерть, но и любовь, вспоминали редко – и еще реже об этом говорили вслух. Перед глазами Карререса вдруг появился черно-белый круг, разделенный волнистой полосой – какой-то восточный символ, который однажды показал Каррересу один побывавший в Китае знакомый. Доктор попытался припомнить, что он значил, – не то, не то, – и отогнал видение, но символ возник вновь. Карререс замедлил шаги, задумчиво хмурясь, и прищелкнул пальцами. Самые сентиментальные и меланхоличные поэты были бы довольны, сердито усмехнулся доктор.

Нужно было торопиться. Галеон на Нуэво отчаливал утром, а надо еще собраться и передать дела коллегам. Но Карререс плелся нога за ногу: он уже не был уверен, что должен уезжать из Порт-о-Пренса. Какой смысл искать индейцев, если здесь, под боком – человек, знающий дорогу на Бимини? Наверняка капитана Брида можно если не купить, то уговорить. В крайнем случае, подумал Карререс, скажу ему, что я – Самеди... Доктор поежился. Связываться с Бридом не хотелось; все нутро восставало против того, чтобы иметь дело с безумным капитаном. Не плыть с ним – было бы глупо; к тому же Карререс предполагал, что пациента интереснее Брида у него в жизни не будет. Капитан сам по себе казался болезненно притягательным, как отвратительный уродец в кунсткамере.

Мучаясь от сомнений, Карререс добрал до недавно построенной при монастыре больницы для бедняков, в которой консультировал, и вошел в приемную. Спугнутые скрипом двери, по беленым стенам заматались ящерицы. Ночной дежурный подслеповато прищурился и поспешно вскочил, узнав доктора.

– Все в порядке? – спросил Карререс.

– Да. Только один новый пациент. Белый, кажется, ирландец. Кричит, что капитан, а на вид – бродяга бродягой.

Карререс насторожился.

– Пойдемте посмотрим.

– Он спит...

Не слушая, Карререс взял лампу и вошел в палату. Тусклый луч выхватил крайнюю койку, осветив распухшее лицо. Черт не разобрать было за синяками и бинтами, охватывающими челюсть, но Карререс легко узнал рыжие патлы капитана Брида.

– И что с ним? – тихо спросил доктор.

– Переломы ребер, ноги. Ушибы. Похоже, его сильно избили.

– Неудивительно, – буркнул Карререс, представив себе толпу сыновей и внуков Ван Вогта, разъяренных покушением на главу семейства.

– Вы не волнуйтесь, месяца за три мы его поставим на ноги. Хотя без вас, конечно, будет трудно, – заискивающе добавил монах.

– Вижу, – буркнул Карререс. – Остальные?

– Ничего нового.

Карререс вышел. Его охватили досада и облегчение: вопрос разрешился сам собой. Карререс не мог два, а то и три месяца ждать, пока Брид станет на что-нибудь способен. Ему нечего было делать в Порт-о-Пренсе, да и власти уже начинали коситься на доктора с подозрением. Каррересу пришло в голову, что Брид, когда поправится, может начать гоняться за ним: рано или поздно кто-нибудь из негров проболтается. Но доктор раздраженно отбросил эту мысль. К черту капитана, пусть бесится: если он смог найти Бимини, то и Каррересу это удастся. У него еще будет время подумать о бреде Брида на корабле – если захочется. Впереди – солнечные острова, еще не испорченные белым человеком, прекрасные в своей первозданной дикости, где разум открыт, а чувства не искажены. Карререс думал о размеренной и ленивой жизни, о новом, еще неизвестном европейцам колдовстве, о том, как, пополненные знанием о первобытных дикарях, его исследования мозга приобретут еще более четкую структуру, преобразовываясь в стройную и логичную науку о чуде человеческого разума. А может, и золота удастся намыть, непоследовательно подумал доктор, припомнив разговор у губернатора.

Карререс огляделся и понял, что, задумавшись, свернул не в ту сторону и забрел в малознакомую часть города. Он лишь понимал, что находится где-то рядом с рынком. Ругнувшись, доктор зашагал дальше, надеясь, что среди одинаковых хижин мелькнет что-нибудь приметное. Он сам не заметил, как оказался в узком проходе между кое-как сколоченными прилавками. Слой мусора здесь был намного толще; резко пахло испорченной рыбой и специями. Куча мешков, набитых тростником, вываливалась из-под навеса и краем заезжала в гигантскую лужу, перегородившую дорогу. В лунном свете было видно, какая лужа глубокая, и какая густая в ней вода. Запах казался видимым и колыхался над черной гладкой поверхностью белесыми слоями испарений.

Что-то шевелилось среди выпирающих стеблей; послышался шорох, постукивание, вздох, – кто-то пробирался по мешкам, топча зелень и оскальзываясь на мокрой дерюге. Карререс нащупал за пазухой стилет и замер, ожидая. Над мешками вспыхнули отраженным, призрачным светом глаза с горизонтальными зрачками. В них явственно видно было равнодушное безумие.

Черная коза меланхолично шевельнула челюстью и отщипнула торчащий из мешка лист. Коза жевала и смотрела на Карререса. Ее глаза светились желтым.

Глава 18

Хижина стояла на самом краю обрыва. Здесь всегда было чуть прохладнее, чем в других частях острова; легкий ветер, проникая в щелястые стены, сдувал навязчивых mosquitos. Крыша, сложенная из широких пальмовых листьев, сливалась с зарослями, так что дом был едва заметен со стороны. Бамбуковый пол пестрел золотыми пятнами от пробившихся сквозь щели солнечных лучей. Плетеный гамак, простая глиняная посуда. Словом, это была обыкновенная хижина, типичная для жаркого климата Вест-Индии. Только небольшой сундук, обитый медными полосами, да пара лежащих подле пистолетов говорили о том, что здесь живет европеец. Четвертью мили дальше виднелась россыпь таких же построек, образующих деревеньку. Но ее жители, тихие индейцы, живущие выращиванием кассавы и батата, избегали лишний раз сталкиваться с обитателем неприметного жилища и заговаривали с ним лишь по крайней необходимости.

Хозяин хижины был занят сборами. Склонившись над сундуком, он выудил шелковый шейный платок. Презрительно скривил рот и хотел отбросить бесполезный здесь кусок ткани в сторону, но, поколебавшись, смял и сунул в наполовину заполненный заплочный мешок.

– Ты не успеешь перевязать все раны, Самеди.

Мальчик, до сих пор сидевший в дверях на корточках, бесшумно поднялся и вышел из тени. На изуродованное свежими шрамами лицо упали солнечные лучи. Мальчишка заморгал, весело сморщил нос и тут же снова стал серьезен и испуган.

– Ты хорошо соображаешь, Хе, – кивнул человек, которого называли Самеди. – Даже

слишком. Жаль, что я не успел...

– Последние две ночи я не кричал ни разу, правда? И я почти не боюсь отходить от деревни. Хотел попробовать завтра...

– Придется сегодня, – пожал плечами Самеди. – Остальные ушли?

– Ушли или уходят, – Хе опустил голову, повозил босой пяткой в пыли. Уловив едва слышный всхлип, Самеди покачал головой.

– Пираты страшнее диких кошек, друг, – улыбнулся он. Хе иступленно закивал.

– Я не поэтому...

Самеди коротко взглянул на мальчишку, и тот увял. Европейец молча положил руку на тощее плечо Хе, и они вместе вышли из хижины. Помолчали, глядя с обрыва. Под ними расстилалась гладь узкого пролива, стиснутого скальными стенами соседних островов; казалось, кто-то огромный вбил в землю топор, расколов ее надвое. Напротив деревни пролив расширялся, образуя заводь, и снова сходил к узким ущельям, в которое едва мог протиснуться корабль. Вода в проливе походила на синее зеркало, и при взгляде на него все страхи показались Хе надуманными и несущественными.

Говорили, где-то в середине архипелага был остров, где мысль становилась настолько сильной, что могла подчинить себе даже время. Еще старики часто рассказывали о странных холодных местах, где разум человека вообще ничего не значит, если у него связаны руки, и легенду о том, как люди с дальних островов не сумели отвести огромные корабли и погибли, сражаясь со светлокожими великанами.

Хе в это не верил, как не верил в сказки о силачах, одной рукой поднимающих гору, пока его отец не отправился на захваченные белыми людьми острова. Тот тоже не верил старикам – как можно убить столько людей? зачем? – но, путешествуя, не нашел ни одного своего, только запахи крови и боли на месте сто лет как проглоченных джунглями деревень. Отец сам еле ушел живым, случайно напоровшись на белых солдат, и долго прятался среди странных чернокожих людей, уча их язык и перенимая темное, пахнущее гнилью и смертью волшебство. Тайком построив каноэ, он умудрился вернуться домой, но туманная стена, искривляющая пути больших кораблей, больше не казалась ему надежной.

Отец оказался прав. Вскоре после его возвращения рядом с островом появился огромный галеон. Случайно ли появилось судно у берегов, или капитан нарочно искал их землю? со злом ли, с добром пришел корабль? – неважно. Граница была взломана, туманная стена преодолена – а значит, галеону суждено было бросить здесь якорь.

Жители деревни молча смотрели, как от корабля отделяется шлюпка и неуклонно скользит к берегу. Ничего хорошего от зашевелившейся вдруг судьбы они не ждали, знали, что спокойная жизнь взаимы закончилась – целая сотня лет взаимы, и что скоро им всем придется уйти вслед за теми, с дальних островов. За этим галеоном придут другие, как он сам пришел следом за судном поменьше, с черными парусами, которое побывало на архипелаге всего несколько месяцев назад. Его тоже вела судьба, и никто на свете был не в силах изменить этот путь.

Чернокожие гребцы остановили шлюпку, едва достигнув мелководья, там, где в кораллы врезался песчаный язык. Опасаясь индейских стрел, матросы наотрез отказались подходить ближе к берегу. Каррересу пришлось брести по пояс в воде – над белым песком она выглядела бирюзовой, отдельные выступы кораллов казались пятнами коричневой мути; их приходилось обходить, чтобы не нарваться случайно на морского ежа или ядовитого моллюска.

Крутой берег в кружевной оборке пляжа казался пустым, лишь где-то наверху раз вскрикнула птица и затихла. Но доктор знал, что за ним наблюдают. Еще с галеона он приметил дымок над скрытыми деревьями хижинами. Чем ближе подходил к берегу Карререс, тем явственней ощущал десятки напряженных взглядов. Снова вскрикнула птица, зашуршал, будто на ветру, подлесок. Карререс едва успел отжать полы камзола, как оказался

окружен мрачными, настороженными индейцами.

Один из них, крепкий мужчина с тревожными глазами, приблизился к Каррересу.

– Я умею говорить как эти черные люди, – сказал он, ткнув пальцем в матросов. – Ты здесь зачем?

– Как называется это место?

– Талар.

– А все вместе? – Карререс обвел рукой остров и море, усеянное зелеными и синими, яркими и туманными кляксами островов.

Протяжный, гортанный звук.

– Это что-то значит?

Мужчина пожал плечами, обвел рукой горизонт, копируя доктора. Потом опустил ладонь, рисуя новый круг – теперь вокруг деревни. Покивал. Переглянулся с подошедшим поближе стариком.

– Окрестности? – сам себя спросил Карререс. Попытался повторить название – один из стариков, тихо фыркнув, поправил. Произнес то же на языке чернокожих – старик недоуменно сморщился, но мужчина кивнул. – Окрестности... Пределы, – пробормотал Карререс и медленно, мечтательно улыбнулся.

Полчаса спустя матросы перевезли на берег небольшой сундук, в котором хранилось все имущество доктора. Дождавшись отлива, галеон поднял якорь, оставив Карререса обживать в Пределах.

Ничего этого Хе не видел: он лежал дома, и лихорадка пожирала его, как дикая кошка. Как сотня золотистых кошек с горячими шершавыми языками, пробирающимися прямо в мозг через раны, оставленные на лице кинжальными когтями. Его щеки и шея были обложены свежими листьями алоэ и прикрыты влажными тряпками от мух, но жар и боль были нестерпимыми. Кошачья шкура сушилась у входа, распяленная на доске, но эту схватку Хе проиграл.

Где-то под самым потолком закачалось лицо отца, а рядом – незнакомое, странно-белое, поросшее коротким темным волосом. Хе вскрикнул от страха и закрыл глаза: сейчас этот ужасный человек ухватит его за руку и утащит в вечные сумерки. Отец заговорил на языке, который выучил в путешествии:

– Это мой сын. Он умирает.

Бледнолицый наклонился над Хе, взял за руку, но тащить не стал.

– Он не умрет, – сказал он.

– Благодарю тебя, Самеди, – поклонился отец, и Хе захотелось завизжать. Дух смерти улыбнулся и покачал головой:

– Страх здесь больше, чем смерти. Зря зовешь меня Самеди. Смотри, напугал.

– Он не твой?

Бледнолицый устало вздохнул. Так вздыхал отец, когда не верили в его рассказы о дальних островах.

– Принесите чистой воды, – сказал Самеди.

Карререс прожил в Пределах около трех месяцев. Как он и ожидал, это было ленивое, спокойное существование, изредка оживляемое туземными праздниками да вылазками в соседние племена. Индейцы держались дружелюбно, но отстраненно, приняв на веру не вполне человеческое происхождение Карререса. Доктора это полностью устраивало. Единственным, с кем он сблизился, был мальчишка Хе. Его раны зажили, но остался парализующий страх, который не позволял выйти за пределы деревни и навевал ночные кошмары. Карререс надеялся избавить мальчишку и от этого. Работать с ним было одно удовольствие: простодушный Хе был весь как на ладони, и иногда Каррересу казалось, что он может перебирать его мысли руками.

О Бимини на Таларе хорошо знали; любой ребенок мог сказать, что чудный остров находится где-то в центре архипелага. Но дорогу к нему никто указать не мог. Больше того:

Карререс начинал сомневаться, что Бимини вообще стоит искать. Однажды он спросил об этом напрямую; в ответ пожилой, но все еще сильный шаман удивленно пожал плечами. «Ты уже ищешь», – ответил он. То ли констатировал факт, то ли намекал на то, что коготок доктора уже увяз; Карререс не настолько хорошо знал местный язык, чтобы суметь выпросить такие тонкости.

Сопоставляя расплывчатые рассказы индейцев с болтовней капитана Брида, Карререс испытывал смутную тревогу. Как он и предполагал, волшебный источник дарил не только бессмертие. Карререс частенько думал, что, собрав и проанализировав легенды о Бимини, он узнает о нем намного больше, чем попав на сам остров, – и заодно избежит непонятной, но явной опасности, которой грозило путешествие. Он понимал, что самым разумным было бы отказаться от поисков. Уехать на Эспаньолу или Кубу, а то и вернуться в Европу. Привести наконец в порядок накопленные сведения и размышления; может быть, издать монографию. Карререс мальчишески ухмылялся, представляя, как полезут на лоб водянистые глаза старых профессоров в Алькала-де-Энаресе и Саламанке.

Несмотря на эти мысли, Карререс все-таки начал планомерно обследовать острова на небольшом парусном каноэ, – больше из упрямства, от безделья, для собственного удовольствия, чем от действительного желания что-нибудь обнаружить. Карререс не торопился: из разговоров с туземцами у него создалось необъяснимое, но твердое впечатление, что такие поиски ни к чему не приведут. Иногда он ловил себя на том, что втайне радуется этому.

Пока были изучены лишь островки на юго-западе от Талара. Острова архипелага, его туманные проливы и бухты были наполнены тихой, почти печальной на первый взгляд красотой, которая никогда не надоедала Каррересу. Казалось, под безмятежной оболочкой густым разноцветным варевом бурлит сама жизнь. Каноэ медленно скользило по спокойному морю, и Карререс открывал для себя то коралловый риф, то облюбованную кудрявыми пеликанами скалу, то живописную бухту с впадающей в нее прозрачной речушкой.

Нашлось на островах и золото. Из любопытства Карререс попытался намыть песка и без особых усилий набрал мешочек размером с кулак. Но старатель из доктора вышел так себе: он постоянно отвлекался то на яркую птицу, то на смешную семейку мартышек, или просто задумывался, любуясь журчащей по камням водой цвета чая. Монотонная работа могла дать время для размышлений, если бы не необходимость внимательно рассматривать содержимое решета. Каррересу скучно было рыться в донном песке. Он предполагал, что полгода работы могут сделать его по-настоящему богатым человеком, но идея целыми днями сидеть на ручье с грохотом в руках не могла привлечь его всерьез.

Однако когда до Талара дошли первые слухи о пиратском бриге, объявившемся на островах, Карререс первым делом подумал, что авантюристов приманило золото. Но следующие новости заставили его встревожиться. Бриг под черными парусами нигде не задерживался. Бросив якорь в очередной бухте, пираты с необъяснимой жестокостью убивали всех, кто попался им на пути, и, оставив за собой спаленные деревни, шли дальше, взяв только еду и воду. На Таларе стали появляться беженцы, чудом спасшиеся после нападения. Вздрагивая от пережитого, они рассказывали пронизанные ощущением тягучего кошмара истории о пиратах, которых не берут стрелы и копья, и их красноволосом капитане, похожем на мертвеца.

Капитан Брид оправился от побоев и вновь вышел на охоту за Бароном Субботой.

– Смотри, – сказал Хе, – болотные бегут.

На молочно-голубую гладь пролива вылетела первая лодка. Спустя мгновение ущелье уже был усеяно ими, как пруд – палой листвой. Вода вскипала под веслами. Появился большой плот, нагруженный нехитрым скарбом и россыпью калек с пресной водой, с навесом в центре. Окруженный крошечными шустрými лодками, медленный и неповоротливый, он казался бессмысленной кучей веток и сухих листьев. Плот явно был рассчитан на несколько десятков человек, но по его краям металась лишь жалкая горстка

индейцев, человек пять, не больше, – все, кто успел уйти и кому не хватило места на быстроходных каноэ.

Самеди покачал головой. Паническое бегство живущих в прибрежных болотах индейцев было странным: свирепые и ловкие, они упорно противостояли всем попыткам европейцев проникнуть на их территорию, и он рассчитывал, что их сопротивление задержит Брида хотя бы на день.

– Не успеют, – прошептал Самеди, и Хе вздрогнул всем телом. Заглянул в разом осунувшееся лицо:

– Он же не из-за тебя... он за золотом... – Самеди нахмурился, и Хе судорожно вцепился в рукав. – Скажи, что ему нужно золото, а не ты! – звенящим голосом вскрикнул он. – Ты же не мог...

Еще одна лодка выскочила из ущелья. Гребцы оглядывались через плечо, лица нельзя было разглядеть, но позы выдавали отчаянный страх. Внизу закричали. Из ущелья вылетело несколько облачков дыма, раздались сухие щелчки. Несколько человек в панике прыгнули в воду; вокруг двоих тут же расплылись мутно-багровые пятна, четко очерченные в светлой воде пролива. Снова дым и треск – уже слитный и громкий. Еще трое человек оказались в воде. Остальные гребли, надрываясь, – потные от ужаса и напряжения спины, бессмысленное бегство. На плоту забегали, изо всех сил толкая шестами; вопли гребцов заглушил грохот. Он многократно отразился от берегов, прокатился, взбил воду, подняв фонтаны розовой пены. Плот разлетелся вдребезги, усеяв воду обломками и телами, и из ущелья в пролив, методично расстреливая оставшиеся лодки, вышел бриг с черными парусами.

Самеди отступил, наткнулся на кого-то и резко повернулся. За его спиной стояли все жители деревни и молча смотрели в ущелье остеклевшими глазами. Только на изуродованном лице Хе читалась иступленная надежда.

– Какого дьявола вы еще здесь?!

– Мы под твоей защитой, Самеди, – тихо ответил мальчишка. Любовь и яростное презрение скомкали его лицо, и Хе всхлипнул, отвернувшись.

Бриг бросил якорь, и первая шлюпка уже покачивалась у подножия обрыва. По крутой тропе, прорезавшей скалы, медленно поднимался капитан Брид. Он ступал тяжело, хватаясь за плети травы и ветви кустарника, нависшие над тропой. Несколько головорезов Брида остались в шлюпке. Задрав головы так, что мясистые шеи налились кровью от напряжения, и держа мушкеты наготове, они следили за капитаном со страхом и обожанием.

В ставшем вдруг болезненно сумеречном свете серое лицо Брида, изрезанное морщинами, казалось бесплотным, сюртук болтался, как на пугале, и казалось, что фигура капитана вот-вот развеется под дыханием неощутимого ветра. Его окружала глухая тишина, от которой закладывало уши и щипало в глазах, земля уходила из-под ног, и, как в кошмарном сне, ватно слабели колени.

– Значит, правда, – пробормотал Самеди. Хе потянул его за рукав. Самеди помедлил, глядя, как Брид делает знак оставшимся внизу пиратам, и, подхватив мешок, бросился следом за бегущими индейцами.

Гниющие листья под ногами глотали звуки; вязкий от влаги воздух лип к гортани, и казалось, его невозможно протолкнуть в горящие от бега легкие. Кто-то тихо вскрикнул и покатился под ноги – мертвый, безнадежно мертвый. Самеди в последний момент успел отскочить в сторону, не споткнуться, бежать со всеми – может, еще успеют укрыться в джунглях, пираты – плохие следопыты, может, удастся кому-то помочь. Деревья расступились, открыв клочок распаханной земли, засеянной бататом. Самеди приостановился, глядя, как последние индейцы ныряют в кусты на другой стороне поля. Пистолеты остались в хижине. Ничего не успел, да и толку, с брига наверняка уже причалили новые лодки – отстреливаться было бы самоубийством. Слишком неравны силы, а на индейцев рассчитывать нечего, разве что на несчастного мальчишку, храброго Хе,

страдающего от ужаса перед дикими кошками. Сухо затрещали выстрелы, и вдруг снова наступила ватная тишина – ни топота бегущих ног, ни дыхания; только где-то в глубине джунглей глухо и часто капала с листьев вода.

Впереди взвыли; неслышным взрывом ударило по ушам. Самеди остановился, глядя в заросли, в которых успели скрыться индейцы. Теперь они пятились, и Самеди сглотнул, услышав стоны ужаса. В кустарнике шевелились серые тени, оттесняя людей обратно в поле – присмотревшись, Самеди понял, что это призрачные кошки. Казалось, шкура сползает с них ключьями тумана; пятна вытягивались в полосы, и вот уже невиданные серые тигры дрожали в воздухе, невозможные и неумолимые. Прямо перед ним с беззвучным тошнотным хлопком возник новый призрак, и один из индейцев упал, царапая землю, будто пытаясь зарыться, спрятаться от невыносимого кошмара. Следом еще один опустился на колени и скорчился, свернувшись в клубок. Послышалось глухое рыдание, – и тут Хе с коротким визгом бросился на ближайшую тень.

Самеди прикрыл глаза и отвернулся, не слыша, но чувствуя звук сомкнувшихся на горле мальчишки призрачных клыков. Обморочная тишина схлынула, но было поздно: в листве отвратительно завизжали пули, и на опушке появились пираты.

– В белого не стрелять! – хрипло каркнул капитан. – Напрасно вы сняли шляпу, Барон, – насмешливо крикнул он Самеди. – Мои ребята вас не узнали.

Шрамы на лице Хе разошлись и сочились сукровицей. В широко раскрытых черных глазах больше не было ни веселья, ни хитрости – один лишь ужас. Самеди провел ладонью по изуродованному лицу и встал.

– Его были кошки? – равнодушно спросил Брид и ткнул тело Хе носком сапога. – Зачем ты его лечил, барон? Зачем ты избавляешь людей от кошмаров? Не понимаю... – капитан покачал головой и снова пнул Хе. Глаза его широко раскрылись. – Или страх для тебя вкуснее крови? – спросил он тревожно. – Смотри, сколько жертв я тебе принес! Разве ты не доволен?

– Болван, – равнодушно отозвался Самеди.

Брид самодовольно рассмеялся, скалясь и показывая бледные десны.

– Я сумел развязать языки паре беглых черномазых из Порт-О-Пренса. Одного из них ты вылечил от малярии вместо того, чтобы прибрать к рукам... – в глазах Брида вновь промелькнула тревога. – Не понимаю. Наверное, все не так просто, как рассказывают по вечерам негры. Но теперь я тебя не боюсь, да-да, не боюсь.

Брид наклонился к Самеди, дыша ромом. Теперь было видно, что капитан пиратов очень стар и очень оборван. Весь ужас, который он внушал, теперь будто вернулся к хозяину и притаился на дне блеклых глаз, готовый во всем вырваться наружу, раздирая изнутри серое морщинистое лицо. На тонких губах играла безумная улыбка.

– Теперь я тебя не боюсь, – повторил он и снова издал хриплый смех, больше похожий на лай. – Это я умею. Спасибо, что подсказал. Я теперь много чего умею...

– Вижу.

– Ты меня ловко надул у того старикашки, ничего не скажешь. Но второй раз не выйдет. Я же к тебе тогда по-хорошему... – добавил он вдруг с почти детской обидой.

– Чего ты хочешь? – с отвращением спросил Самеди.

– Составь мне компанию, Барон, – усмехнулся Брид. – Небольшая прогулка.

– А если я откажусь?

– Я подумаю, что принес тебе слишком мало жертв, – снова оскалился Брид и кивнул на горстку индейцев, сбившихся на краю поля под прицелами мушкетов.

Глава 19

Выброшенный на безвестный берег «Безымянный» был пуст и мертв. Обшивку с него содрали, и выбеленные солнцем шпангоуты торчали, как ребра утонувшего и обглоданного

рыбами гиганта. Карререс едва протискивался между ними, задыхаясь в вязком воздухе, застревая ногами в древесной трухе и нанесенном ветром и приливами песке. Голый розовый хвост проклятой крысы мелькал совсем близко, но Каррересу никак не удавалось сделать последнее усилие и схватить мерзкую тварь, отобрать у нее еще трепещущий комочек изумрудных перьев. Крыса мелькнула под самыми ногами и юркнула в щель. Карререс бросился следом, задел какую-то балку, и шпангоуты угрожающе закачались, накренились со зловещим скрипом. Раздался дробный грохот, и остатки брига обрушились на Карререса. Последним, что он увидел, было подхваченное порывом ветра перышко.

Карререс проснулся, обливаясь потом и жадно хватая ртом вонючий трюмный воздух. Голова была тяжелой со сна. Доктор дотянулся до кувшина, плеснул в лицо, приходя в себя. На палубе по-прежнему грохотало – теперь Карререс сообразил, что это разматывается якорная цепь.

Якорь с громким всплеском упал в воду. Качки не чувствовалось – «Безымянный» стоял в хорошо защищенной бухте. Лучик света отражался от зеркальца, выпавшего из разбитого ящика, и катался по стеклянным бусам. Наверху Ти-Жак визгливо отдавал команды. Сквозь щель приоткрытого люка в трюм проникал пряный запах листвы.

Похоже, кошмарное плавание наконец подошло к концу. Измученный Карререс давно устал ругать себя за то, что даже не пытался сопротивляться Бриду на Таларе. Несмотря на отвращение к капитану, Карререс просто не смог отказаться от случая, который сам шел в руки. Любопытство тогда оказалось сильнее, и Бимини, от которого доктор едва не отказался, поманил с новой силой.

Больше недели бриг петлял по архипелагу, где еле живой ветер бессильно трогал паруса, разбитый, ослабленный в лабиринтах холмистых островов. Здесь обычны были штили и туманы. Горячий густой воздух был насыщен влагой: неподвижное море испарялось, оседая на коже едкими от соли каплями. Духота в трюме была невыносимой. Перец, куриный помет, фрукты, немытые потные тела, табак, – все, что когда-либо побывало в трюме «Безымянного», оставило свои запахи, и теперь дерево источало их густыми волнами. В тихой полутьме, никак не приглушенные другими впечатлениями, они казались почти осязаемыми, доводя до тошноты и галлюцинаций.

Карререс бывал почти рад, когда к нему спускался капитан, хотя визиты Брида каждый раз вызывали в нем досадливое недоумение. Не то чтобы Карререс не понимал ирландца – но его приводила в оторопь легкость, с которой у капитана сочетались враждебные действия и неуклюжая симпатия. Заковав Самеди в кандалы и заперев в трюме, Брид вдруг проникся к нему доверием и болтал почти дружески. Мало того, что доктор был пленником, – он стал еще и исповедником поневоле. Капитан Брид приходил каждый день – и говорил, говорил, говорил. Карререс мог бы несколькими желчными замечаниями отбить капитану всякую охоту изливать душу, но любопытство и желание понять, что же происходит с Бридом, брали свое. Чем лучше доктор узнавал историю похода на Бимини, тем сильнее становилось его беспокойство. «Ты уже на пути», – сказал шаман, и теперь Карререс явственно видел, что тот имел в виду.

После того, как песня о Бимини была спета, Брид весь извелся от мысли, что не может тот час же броситься на поиски. Ни нанять, ни тем более купить судно было ему не по карману. В отчаянии он даже попытался заключать сделки с несколькими капитанами, готовыми, по слухам, на любое дело, лишь бы оно было выгодным. Но с сумасшедшим ирландцем связываться никто не хотел, а над рассказами о Бимини только смеялись. В ожидании случая Брид кормился тем, что в одиночку промышлял черепаховый панцирь, обходя на большом каноэ необитаемые островки в окрестностях Нуэво. Он не знал, что судьба уже подхватила его и тащит за шкуру.

Брид нашел «Безымянный», тогда еще – «Радость Бриджит», на одном из черепаховых островков. После недавнего шторма воздух был прозрачно-хрустален, и выброшенный на отмель бриг казался китовой тушей. Его резкие контуры грубо врезались в притихший,

умытый мир. Такелаж брига был изорван в клочья, мачты сломаны, но корпус уцелел. Шагая вдоль берега к кораблю, Брид успел понять, что требуется совсем небольшой ремонт – и судно снова будет на ходу.

Над палубой с пронзительными воплями кружились олуши. Подойдя ближе, Брид заметил, что из оранжевых клювов свисают какие-то темные клочья, и уже не удивился, почувствовав тяжелый, тошнотворный запах. Несмотря на полуденную жару, по спине проскребла ледяная мохнатая лапа.

Превозмогая себя, Брид все-таки поднялся на палубу. Одного взгляда было достаточно, чтобы понять: живых на бриге не осталось. Брид прекрасно представлял, как это случилось: шторм, сломанные мачты; течения, недели, а то и месяцы играющие потерявшим управлением судном, как бумажным корабликом. Подходящие к концу запасы пищи – и, главное, воды. Сгорающая в огне лихорадки надежда...

Брид перекрестился, глядя на темную кучу у кормы, почти невидимую за крыльями множества птиц. Принялся молиться, но быстро сбился. Он вдруг сообразил, что ничто не мешает ему захватить судно. Остров необитаем, находится в стороне от морских путей, люди могут оказаться здесь лишь случайно. Судовладелец наверняка давно списал бриг со счетов. Команда мертва. Если вернуться сюда с надежными людьми...

Брид попытался отбросить корыстные мысли и дочитать молитву. Воздух над раскаленной палубой казался мертвым и горьким, солнце давило на голову, как тяжелый горячий булыжник, но тихий стон заставил Брида похолодеть. Бриг вовсе не был свободен: души погибших остались на судне. Призраки населяли его; они окружали Брида, тянули обтянутые пергаментной кожей руки. С хриплым воплем Брид метнулся к фальшборту, споткнулся об скелетообразное тело и снова услышал стон. Иссохшие пальцы бессильно проскребли по лодыжке. Волосы Брида встали дыбом, глаза полезли из орбит. Не удержав равновесия, он рухнул рядом с трупом, зажмурившись и ожидая, что мертвец сейчас вцепится ему в горло.

От ужаса Брид на несколько секунд потерял сознание. Очнувшись, он понял, что лежит лицом к лицу с крайне истощенным, умирающим, но еще живым человеком. Растрескавшиеся губы моряка шевельнулись. Чувствуя слабость от пережитого страха, радость, разочарование, Брид выругался и снял с пояса флагу.

Позже он на канатах спустил выжившего матроса с усеянного трупами судна и оттащил в тень. На острове, заросшем сухим колючим кустарником, не было источника, зато росло несколько кокосовых пальм – и Брид три дня отпаивал моряка ореховым молоком. Когда стало понятно, что смерть отступила от Шеннона, Брид начал осторожно делиться с ним своими планами. Шеннон так и не узнал, что, едва придя в себя, снова оказался на пороге гибели: Брид готов был прирезать моряка, если тот вздумает артачиться. Однако планы Брида привели Шеннона в восторг; благодарность тоже сыграла свою роль. Брид и Шеннон вернулись в Нуэво закадычными приятелями, оставив замаскированный ветвями бриг на острове.

Оставалось набрать команду, но тут Брид вновь уперся в стену, отделявшую его от людей: самые последние оборванцы отказывались иметь с ним дело. За неделю поисков Брид смог сговориться с одним-единственным человеком, ехидным карликом, медленно помиравшим от голода: всему Нуэво давно было известно, что у него, когда-то – художника, а позже – маляра, малевавшего вывески, дурной глаз. Два изгоя, Ти-Жак и Брид быстро нашли общий язык. Ти-Жак стал боцманом и старпомом: к тому времени Брид уже выяснил, что Шеннон хороший моряк, но глуповат и в помощники не годится. Однако отправляться на поиски втроем было невозможно. Брид, в мечтах уже видящий себя несущимся на вертком бриге к Бимини, все больше мрачнел. Его вспышки ярости участились, отталкивая немногих сорвиголов, еще раздумывающих, не податься ли под начало новоиспеченного капитана.

Выход подсказало живое – слишком живое – воображение Ти-Жака. Однажды, после целого дня бесполезных поисков и переговоров в самых грязных кабаках, они с капитаном беседовали за кружкой пива, стараясь развеять уныние пустой болтовней. Рассказ Брида о

первом знакомстве с Шенноном вызвал у Ти-Жака воспоминания о колдунах, живущих на Эспаньоле, и об их умении оживлять мертвецов.

Поначалу он говорил только для того, чтобы избавиться от скуки, но вскоре глаза Ти-Жака азартно заблестели. От его цепкого взгляда не могли укрыться ни бледность Брида, ни его тяжелые раздумья. Ти-Жак продолжал рассказ уже целенаправленно, осторожно подводя Брида к захватившей его мысли. Лишенные воли и памяти, зомби способны работать круглые сутки, не нуждаясь ни в еде, ни в отдыхе, говорил Ти-Жак. Владельцы многих плантаций почти не пользуются трудом рабов: мертвецы выгоднее...

Договорив, Ти-Жак устался на Брида с жадным любопытством, ожидая реакции. Когда ирландец, поразмыслив, заявил, что зомби вполне сгодятся и в качестве матросов, Ти-Жак пришел в восторг. Брид даже усомнился в своем решении, глядя, как тот хихикает, брызгая слюной, и потирает скрюченные руки. Но Брид готов был идти к цели любой ценой; Ти-Жака же страшно забавляла сама идея поисков вечной жизни в такой компании. Оставалось добыть деньги, чтобы добраться до Эспаньолы и начать закупку.

Тут им снова повезло: один богатый торговец, недавно приехавший из Старого Света и считавший себя выше суеверий, заказал Ти-Жаку портрет своей дочери и заплатил щедро. Из-за этого портрета им пришлось поспешно убираться из Нуэво. Однако золота хватило на то, чтобы нанять временную команду, привести бриг в порядок и добраться до Эспаньолы. Там они предприняли экспедицию на дальние плантации, принадлежащие в основном мулатам, а то и беглым неграм.

К тому моменту капитан Брид уже достиг той точки ужаса, за которой наступает отупение и апатия. Ходячие мертвецы не вызывали у него никаких чувств. Ти-Жак страдал больше: его раздражали сонные, невыразительные лица и неловкие движения зомби. Шеннону решили ничего не объяснять, и он частенько простодушно проходилась насчет неповоротливости сухопутных крыс, до колик смеша боцмана. Но, несмотря на трудности, на побережье они вернулись с преданной командой и грузом разнообразных сосудов, аккуратно уложенных в наполненную сеном повозку: в них хранились души будущих матросов «Безымянного».

Все вышло, конечно, далеко не так ладно, как расписывал Ти-Жак: зомби были неуклюжи, и от них пахло, – в штиль особенно заметно. К тому же они частенько впадали в тоскливое беспокойство, которое постепенно перерождалось в угрюмую злобность. В такие моменты Брид начинал опасаться, что не справится с командой. К счастью, эти припадки случались редко, быстро сходили на нет, и капитан мог почти не опасаться бунта, в какие бы авантюры не влезал.

– Вот они все, – кивнул Брид за спину Карререса.

Вывернув шею, доктор разглядел невысокую загородку в углу трюма, набитую кокосовым волокном. Сверху ее накрывала сеть; сквозь частые ячейки маслянисто поблескивали бока бутылей.

Теперь говорливость Брида стала понятней. На судне не было живых, кроме Шеннона, глядевшего на капитана с восторгом преданного спаниеля, и ядовитого Ти-Жака, которого Брид, похоже, втайне ненавидел. Карререс догадывался, что Ти-Жак жестоко высмеивал чувства капитана к Реме. А Брид продолжал говорить.

Стоило пережить смертельную опасность, чудом выбраться из новой передраги, – и песенка о Бимини, постоянным фоном звучащая в голове капитана, становилась громче. Ее куплеты обрастали новыми, неуловимыми и не поддающимися словам смыслами, и Бриду начинало казаться, что он вот-вот поймет, как искать волшебный остров. Чем сильнее был пережитый страх, тем громче становился зов. Брид гонялся за индейцами, чтобы узнать путь на Бимини, и за купцами, чтобы добыть деньги на то, чтобы гоняться за индейцами. Он мотался по островам, приставал к странствующим миссионерам, оптом скупал старинные карты, но в глубине души догадывался, что это бесполезно. Все, что нужно знать, уже лежало в голове Брида, и надо было только дожидаться, когда путь вылучится из песни, как

фасолина из стручка.

Однажды это случилось.

Брид говорил все расплывчатым, и у Карререса создалось впечатление, что капитан либо просто не умеет толком описать, что случилось дальше, либо воспоминания милосердно стерлись, оставив лишь смутные ощущения. К тому моменту, как бриг подошел к Бимини, Брид был уже невменяем. Команду пришлось оставить на «Безымянном»; в Пределах зомби стали практически неуправляемыми, и чем ближе подходило судно к острову, тем беспокойней становились матросы. То ли растворенные в здешних проливах воды источника возвращали мертвых к жизни, то ли их тревога создавала такую иллюзию, – капитан не знал. К самому источнику они добирались втроем.

Здесь Брид стал особенно невнятен. Какое-то озеро. Боль в сорванном горле, отдающая металлом кровь во рту. Ти-Жак, хохочущий на носу шлюпки, как гиена, и вдруг разрывающийся. Прохлада с привкусом водяных лилий на языке. Апатия и растерянность: цель достигнута, он испил из источника вечной жизни, что дальше? Туман вокруг, туман внутри, туманные щупальца, раздражающие душу. И как солнце сквозь тучи, как последняя надежда, как сгусток реальности в расплывающемся под руками мире – Реме.

Реме, Реме, Реме, твердил капитан. Ее черные косы и круглые груди, обрисованные простым платьем. Ее тонкие руки. Ее губы, которые так хотелось целовать. Брид метался по трюму и мычал, пытаясь найти слова. Он умирал от желания, но ему в голову не приходило взять ее силой. Он даже прикоснуться к ней не мог. Ему нужно было не просто тело Реме, и снисходительная симпатия, которую она испытывала поначалу, лишь бесила его. Он хотел, чтобы Реме разделила его любовь. Сумасшедший, непрошенный гость с лицом, навечно искаженным темными страстями, он надеялся даже не на покорность – а на полную, безусловную взаимность. Пытаясь добиться Реме, не в силах терпеть ни дня, Брид становился то страшен, то жалок. Ему нужно было, чтобы она растворилась в нем: казалось, что это, как клей, скрепит его расщепленное сознание. Он все заглядывал в черные глаза, ища там хоть тень одобрения, но видел лишь удивление и нарастающую брезгливость. В отчаянии Брид попытался запугать Реме, понимая, что этим лишает себя последней надежды.

Реме попросту выкинула их с острова – Брид потерял сознание, а когда очнулся, обнаружил себя в шлюпке. Море шло мелкой рябью, и весло тихо билось о борт «Безымянного». На средней банке ворочались Ти-Жак и Шеннон; зомби толпились на палубе брига, готовые принять капитана на борт. Брид попытался встать, но почувствовал головокружение и бессильно рухнул обратно. Вместо сердца в груди бился кусок раскаленного камня – Реме, Реме, Реме.

Глава 20

По трапу загрохотали шаги, и в трюме появился Брид с тремя матросами. Двое тут же бросились к ящику с индейскими сокровищами и начали бережно перекладывать в мешки бусы, гребенки и куски яркого переливчатого шелка. Капитан молча застыл над Каррересом. Он то нервно похлопывал по ладони связкой ключей, то пытался обтереть камзол, залитый спереди чем-то липким. От Брида так разило ромом, что у Карререса заслезились глаза. Капитан был всклокочен, щека дергалась в нервном тике, и весь он трясся, как в приступе малярии. За его спиной бледной тенью маячил здоровяк Шеннон.

Матросы, выпотрошив сундук, поднялись на палубу.

– Дошли, Барон. Добро пожаловать на Бимини, – заговорил капитан и разразился лающим смехом. – Сними кандалы с ног, – бросил он Шеннону.

– Да, капитан. Ааа... ключи, – замялся тот и робко протянул руку. Брид уставился на него с гневным недоумением, не переставая греметь ключами; потом, очнувшись, впихнул связку Шеннону и сунул руки в карманы.

– Только без глупостей, – сказал он Каррересу. Его щека снова дернулась, и Брид яростно поскреб щетину. – Никаких фокусов, Барон.

Карререс пожал плечами, с трудом сдержав усмешку. Шеннон разомкнул ножные кандалы и быстро отскочил, едва не сломав ключ. Карререс медленно встал, с трудом распрямляя затекшие ноги, с наслаждением потянулся.

– Наверх, – мотнул головой Брид, и все трое поднялись на палубу. Карререс шел первым. В спину шумно дышал Шеннон, и доктор чуть ли не кожей чувствовал, как тот напуган. Едва высунув голову из люка, он вздрогнул с непривычки: слишком яркое солнце, слишком яркие краски. Карререс зажмурился. На сетчатке отпечатались силуэт карлика с огромными пистолетами за поясом: наверху его, конечно, ждали, готовые бороться с разгневанным Бароном. Капитан явно пугал команду намного сильнее, чем Самеди, и об этом стоило подумать, но не сейчас: голова кружилась от свежего воздуха, от солнца вскипали слезы, и сквозь их пелену едва виднелась зеленая, как перья колибри, макушка острова. Шеннон уперся в спину Карререса, почти вынося его на палубу. Следом, как чертик из табакерки, выскочил Брид.

– Шлюпку на воду! – заорал он сорванным голосом. Несколько матросов опрометью бросились к блокам. Брид медленно осмотрел оставшуюся команду. Под его взглядом пираты прятали глаза, и на грубых лицах мелькал страх.

– Ты, – кивнул капитан Ти-Жаку, – и ты, – кивок Шеннону, – пойдете со мной.

По палубе прошелестел шепоток и затих. Зомби смотрели на Ти-Жака и Шеннона с сочувствием. Здоровяк, не обращая внимания на насмешливый взгляд Брида, мелко крестился. Ти-Жак же был на удивление спокоен; Каррересу показалось, что боцман даже рад, что выбор пал на него.

– Остальные – ждите здесь. С якоря не сниматься, что бы ни случилось.

– А если вы не вернетесь? – крикнул кто-то из-за спин. Рука Брида дернулась к пистолету, и матросы шарахнулись, готовые упасть ничком, спасаясь от выстрелов. Однако капитан овладел собой.

– Однажды уже вернулся. С якоря не сниматься, – повторил он и отвернулся.

– Сбегут, – негромко предположил Карререс.

– Сбегут – так передохнут, как крысы, – ответил Брид, не оглядываясь.

– Передохнут? Зомби?

– Не придирайся, Барон. Дорогу назад знаю только я.

– Вот как...

Карререс неловко перевалился через борт, попытался встать на ноги – шлюпка качнулась, доктор потерял равновесие и едва не свалился в воду. Ти-Жак в последний момент успел схватить его за рукав. Карререс раздраженно сморщился.

– Сними наручники, – сказал он капитану. – Куда я денусь?

Брид заколебался. В конце концов он все-таки вытащил ключи из кармана и бросил их Шеннону, но приказа снять наручники не отдавал. Капитан внимательно смотрел на Карререса, будто пытаясь угадать его мысли – уловить тень радости или взгляд, выдающий надежду на побег. Но лицо Карререса, привалившегося к фальшборт, было равнодушным от усталости.

– Я хочу попасть к источнику, – негромко сказал он, ни на кого не глядя. – Можешь верить мне, можешь нет – но я стремлюсь на Бимини не меньше тебя. Дорогу знаешь только ты. И подумай вот о чем: как ты будешь разговаривать с хранильницей? Вряд ли она воспримет всерьез Барона Субботу, закованного в кандалы.

Брид задумчиво поскреб щеку и махнул рукой.

– Снимай, – сказал он.

Опасливо поджимая губы, Шеннон склонился над Каррересом и разомкнул браслеты. На запястьях доктора остались багровые полосы, испачканные густой черной грязью. Перегнувшись через фальшборт, он с наслаждением опустил руки в чистую, чуть теплую воду. Шеннон, не спуская глаз с Карререса, перегнулся через противоположный борт, прополоскал наручники и бросил на дно шлюпки. Рассмотрев их, Карререс шумно втянул в себя воздух, едва сдерживая смех: смола и грязь скрывали кое-как выцарапанные на металле

кресты. Так вот почему Брид так легко положился на железо! Откуда ему было знать, что лоя не боятся распятий: с чего бы Барону Субботе опасаться креста, если в сознании любого жреца Вуду он мирно уживается с сонмом католических святых...

Брид настороженно наблюдал за Каррересом. Поверив наконец, что Барон Суббота пока не опасен – или не хочет быть опасным, – капитан переключился на матросов.

– К руслу гребите, собачьи отродья! – рявкнул он. – Чего пялитесь!

Ти-Жак и Шеннон, перестав глазеть на Карререса, налегли на весла, направляя шлюпку к едва заметному издалека руслу реки. С моря оно казалось всего лишь маленьким заливом, узким языком воды, вдающимся в берег. Вскоре шлюпка уткнулась в широкую, до шелковой гладкости вылизанную морем полосу песка, украшенного узором из ходов морских червей. По правую руку тихо журчала река. Русло здесь было широким и мелким, и струйки воды звенели на базальтовых булыжниках, выступающих из-под ила.

Ти-Жак выскочил из шлюпки первым. Он тотчас же подобрал радужный обломок ракушки. Повертел его в руках, с довольной ухмылкой сунул в карман и застыл, глядя на горизонт. Шеннон отошел в сторону, и оттуда донеслось невнятное бормотание: несчастный здоровяк молил Деву Марию помиловать его и не дать потерять разум в этих дьявольских местах. Брид, прислушавшись, ухмыльнулся:

– Чего там терять... Эй! – гаркнул он Шеннону. – Поздно молиться, мы уже в раю! – он грубо расхохотался, глядя, как Шеннон втянул голову в плечи и забормотал быстрее и неразборчивее. – Трус, – сплюнул он и повернулся к Каррересу: – Скоро прилив, воду погонит вверх по реке. Долетим с ветерком.

Карререс молча разминал запястья. Судя по мангровым деревьям, обрамляющим пляж, приливы здесь были высокие, и соленую воду гнало далеко вглубь острова. Потом, конечно, придется сесть на весла, да и так далеко не уплывешь: центр острова гористый, грести по бурной реке на корабельной шлюпке – занятие безнадежное. Разве что источник находится недалеко от берега. А если все-таки в горах – и к нему придется идти пешком?

Карререс всмотрелся, надеясь заметить дымок, или прогалину на склоне холма, или любой другой признак человеческого жилья. Ничего. Доктор вздохнул. Он надеялся, что на берегу сумеет отделаться от Брида, добраться до источника самостоятельно и действовать без оглядки на свихнувшегося капитана. Но Брид по-прежнему оставался проводником, без которого поиски могли затянуться или вовсе окончиться ничем.

Карререс ждал. Мелкая рябь на тихой воде становилась все резче, и вскоре море уже настойчиво билось о берег, морщась и оставляя мелкие водовороты. Вода прибывала на глазах. Речка стихла, перестала болтать, завихрилась вокруг камней, покрываясь желтоватой пеной. Резко запахло водорослями.

– Шлюпку на воду, – скомандовал Брид.

Вскочив в лодку, они принялись отталкиваться веслами от дна. Как только суденышко сдвинулось с места, прилив подхватил его и понес мимо мангровых зарослей. С воды они походили на шаткий покосившийся частокол, украшенный сверху зеленью. Вышедшая из берегов река разбивалась на тысячи протоков, петляла между деревьями. На каждой развилке, прежде чем выбрать направление, Брид закатывал глаза, то ли вспоминая, то ли всматриваясь в некую внутреннюю карту. Вспугнутые тенью лодки, зарывались в ил крабы, похожие на разноцветную морскую гальку. Пестрые кулики взлетали, треща крыльями и тревожно перекрикиваясь, чтобы приземлиться чуть дальше и снова выискивать корм на мелководье. От поверхности реки поднимался пар, и его струи путались в висячих корнях, как призрачные щупальца. Над кустарником вздымались джунгли, склонялись ветвями над рекой, перекидывали мосты из лиан – и вскоре шлюпка уже плыла сквозь зеленый тоннель.

Карререс вспомнил, как впервые оказался в джунглях. Ему тогда показалось, что он попал в концентрированный раствор самой жизни, кипящую алхимическую жидкость. Сейчас эти ощущения вернулись с новой силой. Сельва, курчавым мехом покрывавшая остров, так же отличалась от вест-индских лесов, как тропические заросли – от средиземной рощи. Мангры исчезли, вытесненные с берегов кружевными зарослями папоротников, –

видимо, сюда прилив уже не доходил. Протоки исчезли, сменившись узким руслом, глубоко прорезавшим мягкую почву. Зелень здесь была темнее и насыщеннее, листва – гуще, стволы и стебли сплетались, душа друг друга в страстных объятиях. Почти черные, мохнато-багровые листья бегоний были подернуты шелковистой пленкой испарений. На густо обросших мхом поваленных деревьях красовались тонкие поганки цвета нуги и корицы.

В этих душных сумерках царила тишина, изредка нарушаемая криком птицы или шорохом змеи, но сам воздух, казалось, гудел от напряжения. От запахов земли и растений кружилась голова. В густой фон прелой листвы врывается то тонкий аромат орхидеи, то привкус плесени, то мускусная струйка хищного животного. Туман оседал на коже маслянистыми вязкими каплями. Вода в реке казалась густым грибным бульоном, и над ней стремительно носились стрекозы, будто сделанные из разноцветной фольги.

Шлюпка продолжала скользить вперед, подчиняясь уже течению самой реки. Здесь она явственно текла прочь от побережья, как будто, пока они плыли, русло каким-то невообразимым образом вывернулось в пространстве и времени. Вода цвета жженого сахара все ускорялась, изредка перекатываясь на огромных валунах из черного базальта. Свод переплетенных ветвей стал гуще и едва пропускал солнечный свет; с ветвей свисали зеленые нити тонких лиан и седые клочья испанского мха – так низко, что людям в шлюпке то и дело приходилось наклоняться и уворачиваться от насыщенных влагой завесей.

Туннель наполнял плотный пахучий туман. Впереди он сгущался; шлюпку несло неведомо куда, прямо в шевелящиеся, не видимые, но ощущаемые тени. Казалось, туман противится любым попыткам всмотреться в него. По лицу Карререса катились крупные капли пота, колени мелко дрожали, будто после схватки, из которой чудом удалось выйти живым. Гудела голова, и ледяной ужас, притаившийся в глубине души, заставлял зябко ежиться, несмотря на душную, влажную жару джунглей.

Шлюпка по-прежнему плыла сквозь сумрачный тоннель, лишь слегка морща гладкую воду, но уже был слышен водяной гул – похоже, впереди русло пересекали пороги, а то и водопад. Запах сельвы стал совсем уже нестерпимым; он будто заливал череп густой зеленой жижей. Чтобы прийти в себя, Карререс принялся наблюдать за своими спутниками.

Побледневший Шеннон что-то бормотал под нос и украдкой крестился. В тоннель он старался не смотреть – сидел, уткнувшись взглядом под ноги, и лишь изредка, подчиняясь резким окрикам Ти-Жака, вздрагивал и вяло шевелил веслом, выправляя шлюпку. Боцман же цепко оглядывался по сторонам, вид у него был сосредоточенный, почти сердитый, но иногда в сощуренных глазах вдруг вспыхивали искорки. Тогда Ти-Жак выворачивал шею, стараясь как можно дольше не выпускать заинтересовавшую его точку из виду, и его пальцы начинали нервно шевелиться.

Капитана Брида трясло. У него были воспаленные, больные глаза человека, который надеется хотя бы смертью добиться взгляда безответно любимой. Своей смертью или ее – уже не важно. Он застыл на носу шлюпки, силясь проникнуть взглядом сквозь туман, и, казалось, то готов был броситься вплавь, лишь бы скорей добраться до заветного места, то покрывался холодным потом, различая в тумане тени своих вечных кошмаров. Бабочка-морфа размером с ладонь, с крыльями цвета вечернего неба, а с изнанки – коричнево-пестрыми, неотличимыми от палой листвы, пролетела так близко, что задела лицо капитана, но Брид даже не моргнул.

Шум воды становился все ближе, превращался в грохот. Брид прислушивался, и его дыхание со свистом проходило сквозь сведенные судорогой челюсти. Карререс вдруг заметил, что сам сжал кулаки с такой силой, что побелели костяшки, и тоже стискивает зубы. Шлюпка зарылась носом, людей обдало водяной пылью, и они схватились за весла, инстинктивно пытаясь выгрести к берегу. Но течение становилось все сильнее, шлюпку подхватило, завертело, швырнуло на камни. На мгновение разверзлась клубящаяся серым паром бездна, в которую с грохотом валилась река, а потом туман стал таким плотным, что сидящие в шлюпке не видели даже своих спутников.

Падение казалось бесконечным. В тумане не было ни направления, ни времени. В

какой-то момент Каррересу показалось, что шлюпка движется вверх – иллюзия, вызванная слепотой; он сжал борт в ожидании страшного удара, но его все не было. Взгляд напрасно пытался проникнуть сквозь завесу; мозг надрывался вхолостую, пытаясь вычленить в серой пустоте хоть какую-то структуру, уцепиться, не рухнуть в колодец. Туманные струи изгибались, слои перемешивались, и впереди уже угадывались складки и извивы, отливающие перламутром, хаотичные и в тоже время полные гармонии, как часть чего-то неизмеримо сложного. Еще немного – и разум скользнет сквозь них в глубину, туда, где бьется источник счастья и кошмаров, разума и безумия, иступленной веры и черного отчаяния: источник жизни, смерти, чудес. Источник, который так долго искал Карререс. То, за чем он гнался, ради чего превратился в отверженного, отлученного от церкви, изгнанного из Старого Света, одинокого и замкнутого из-за необходимости скрывать свои цели человека. То, что он искал, пытаясь понять одержимых и запуская скальпель в мозг мертвецов. Совсем близко: стоит только снова взглянуть в туман и рухнуть в эту клубящуюся глубину. Но цена... «Я бы кричал, пока глаза бы не лопнули, пока кровь бы горлом не пошла», – сказал Брид. В то время доктор догадывался, что капитан имеет в виду. Теперь он знал. Карререс вдруг понял, что смотрит в самого себя; знание окатило ледяной волной. Задыхаясь от ужаса, он рванулся обратно, но туман стал упругим, он толкал, втягивал в себя, и тогда Карререс, готовый ко всему, шагнул вперед и широко распахнул глаза, продираясь сквозь пелену.

Глава 21

Вокруг снова был всего лишь туман, мелкая водяная взвесь. Молочные непроницаемые пласты, тяжело колышась, оббивались вокруг шлюпки и сливались в крупные капли, в водяные слои. Вскоре оказалось, что шлюпка мягко качается на мелких волнах. Зашуршали, задевая борта, листья водяных лилий. Туман превратился в легкую дымку, которая истаяла на глазах, открывая гладкую поверхность небольшого озера. Спутники Карререса, походившие на восковые фигуры в заброшенной кунсткамере, потихоньку оживали; и вот уже Ти-Жак, очнувшись, слабо шевельнул веслом.

На лице капитана Брида, глядящего на источник, причудливо мешались восторг паломника и тоскливое отвращение.

– Дошли, – сказал он.

Карререс опустил руку в воду. Защищало ссадины, оставленные кандалами, и тут же перестало. Доктор посмотрел на запястье: все порезы и потертости затянулись, будто их и не было. «Это еще что», – тихо ему сказал Шеннон. Карререс кивнул и огляделся.

Прозрачная вода в озере казалась черной из-за опавших листьев, устилавших дно. Над поверхностью заводи качался слой пара. Он истаял в хрустальном воздухе, поднимался в высокое небо и собирался в пухлые облака. Дальний берег вздымался утесом, сложенным из красноватого камня в подушечках изумрудного мха. Длинные кружевные листья папоротника, усеянные сверкающими каплями, свисали с вершины, и из-под них стекала тонкая струйка воды. Под скалой из озера выступал большой камень с плоской вершиной, похожий издали на лишенный такелажа корабль – лишь молодое деревце с глянцевыми от брызг листьями торчало уцелевшей мачтой, да выступала на носу пирамидальная куча камней.

Озеро лежало в долине, как в глубокой скалистой чаше. Казалось, крикни здесь – и эхо весь день будет кататься по склонам, дробясь на стеклянные шарики. Тишину нарушал только далекий звон стекавшего в озеро источника. На берегу ветви громадных деревьев с гладкими светлыми стволами сплетались в полог, и в сумерках случайно пробившийся луч света вспыхивал на крыльях рыжих, как огоньки, бабочек. Между утесом и огромным, заходящим краем в озеро валуном, обросшим лишайником и мхами, притулился дом с конической крышей. Деревянная лестница вела от него к мосткам; маленькое ладное каноэ тихо покачивалось от ряби, поднятой веслами. Рядом, болтая ногами в воде, поджидала

шлюпку Реме.

Когда шлюпка приблизилась к причалу, Реме уже стояла, сложив руки на груди и нахмурившись. Хранительница небрежно обернула тело куском пестрой бумажной ткани; Карререс заподозрил, что наедине с собой она привыкла обходиться без одежды. Лицо девушки показалось ему знакомым, но, как ни напрягал доктор память, вспомнить, где он видел хранительницу прежде, не смог.

Шлюпка мягко стукнула бортом об опоры причала, обросшие водорослями и ракушками.

– Здравствуй, Реме, – хриплым шепотом проговорил капитан и сглотнул.

Девушка промолчала; у Карререса создалось впечатление, что она вот-вот заплачет. Брид молча привстал и швырнул на мостки мешок. Удивленно приподняв брови, Реме пошевелила его босой ногой. Из раскрывшейся горловины выскользнули бусы, и на смуглых коленках Реме задрожали радужные зайчики. Хранительница снова пошевелила мешок. Звякнуло зеркальце, шелковая лента зацепилась за гибкие пальцы. Хмурое недоумение Реме сменилось гримасой сдержанного гнева.

– Нравится? – спросил Брид. Карререс взглянул на капитана и быстро отвернулся, изнывая от неловкости: такое беспомощное обожание было написано на лице пирата, такая безумная надежда, смешанная с отчаянием, что глядеть на это было невозможно. «Что ж ты делаешь!» – мысленно воскликнул Карререс, уже понимая, что сейчас произойдет.

– Нет, – сказала Реме и, развернувшись, зашагала к дому.

Глаза Брида налились кровью. Он тяжело вперился в Карререса, и доктор ответил ему ясным, безмятежным взглядом. Лицо Брида становилось все озадаченней. Кажется, только сейчас до капитана начинало доходить, что привезти Барона Субботу на Бимини было самой малой и легкой частью всего дела. Он перепутал Самеди с кроличьей лапкой, безотказно выполняющей желания. Беспомощная растерянность охватывала Брида. Барон наверняка может заставить девчонку ответить взаимностью; но как капитану заставить лоа выполнить его желания? Просить? Уговаривать? Бесплезно. Молить? Проводить ритуалы, приносить жертвы, на которые языческое божество обязано будет откликнуться? Глаза Брида раскрывались все шире. Столько усилий, такие надежды – и что дальше? Понимание, что он ничего не может поделать, обрушилось на Брида. Каррересу показалось, что капитан сейчас начнет с воплем биться головой о планшир. Но Брид все-таки смог взять себя в руки.

– Нос дерет, – пробормотал он. – Ничего, они всегда сначала ломаются. Ты, Барон, не лезь пока – сам справлюсь.

Ти-Жак беззвучно зааплодировал.

– Да ты... – Брид вскочил, сжав кулаки и пытаясь дотянуться до боцмана через втянувшего голову в плечи Шеннона. Шлюпка заходила ходуном; Ти-Жак с преувеличенным испугом схватился за борта.

– Тише, тише, капитан, – продребезжал он. Карререс посмотрел на боцмана. Ти-Жак наслаждался. На его крошечной физиономии был написан чистый восторг заядлого театрала. Поймав его взгляд, Брид тяжело опустился на банку.

– Гребите к старому лагерю, – сказал он и взялся за руль. Руки капитана тряслись.

Навес, который остался после прошлого похода Брида, был скрыт от дома Реме плавным изгибом берега. Крыша из пальмовых листьев, установленная на шатких столбах, еще не разрушилась, но была изрядно побита ливнями. Разгрузив шлюпку, Ти-Жак и Шеннон отправились за свежими листьями, а Брид завалился в гамак и нацедил из бочонка кружку рома.

Карререс, прислонившись к столбу, смотрел на озеро. Навес построили почти напротив утеса, и плеск источника здесь не был слышен. Стояла такая тишина, что, если б не бульканье и бормотание капитана, прерываемое тяжелыми вздохами, можно было бы различить, как где-то в высоких кронах возится мелкая птица.

– Предупреждал меня папаша: встретишь ночью на перекрестке вороную кобылу – молись, чтобы тут же на месте помереть, иначе намучаешься так, что смерть в радость покажется, – говорил Брид, глядя в небо сквозь щели крыши. – Предупреждал, да я не верил. Эта тварь сбегала вечером из конюшни, черт меня дернул в ту ночь выйти на дорогу! Хотел по холодку пройтись...

– Бывают дела, которыми лучше заниматься по холодку, – понимающе вставил Карререс, но Брид его не услышал.

– Я еще тогда говорю Ти-Жаку: смотри, кобыла трактирщика ушла с привязи, не к добру это! На другой день мы сидели в кабаке, Ти-Жак тыкал пальцем в девок и все спрашивал: может, это твоя великая любовь? Или эта? Смеялся... и я смеялся... Думал – эх, папаша, старый ты дурень, ирландские приметы не работают в Новом Свете, здесь свои боги. А видишь, и от них толку нет...

Карререс представил себе старых кельтских духов, одуревших от тропической жары, и улыбнулся. Его мысли незаметно переключились на Реме. Надо будет попытаться сойтись с ней поближе. Одно дело – пить из волшебного озера, и совсем другое – пытаться раскрыть его тайны. Здесь без помощи хранительницы не обойтись. Но захочет ли Реме разговаривать со спутниками Брида? Возвращение капитана явно не обрадовало ее. Вряд ли хранительница источника совершенно безразлична к Бриду, думал доктор. Такая бешеная страсть ни одну девушку не оставит равнодушной: можно как угодно относиться к огню, но его жар будет согревать независимо от того, что вы о нем думаете. Капитан не нравится Реме, его ухаживания глупы, неуклюжи и наверняка больше злят и выводят из себя, чем привлекают. Но если только Реме вообще можно иметь дело с мужчинами, то шанс все-таки, наверное, есть... Или был, поправил себя Карререс. Капитан запросто мог успеть оттолкнуть Реме навсегда.

За спиной продолжал разочарованно бубнить Брид; его голос раздражал, как жужжание навязчивой мухи. Стараясь ступать как можно тише, Карререс спустился к воде и присел на камень, размышляя, чем же помочь капитану. Брид несомненно заслуживал виселицы, и Карререс и пальцем не пошевелил бы, чтобы защитить его, но сейчас ему казалось просто необходимым придумать, как успокоить пирата.

Каррересу было плевать на веру Брида в вудуистский пантеон, но доктор подозревал, что, заполучив Реме, Брид наконец уgomонится; освободившись от терзавшего его страха, лишится заодно и жестокости. Вряд ли капитан вдруг сделается честным человеком – но станет хотя бы не таким опасным. Начни Реме отвечать на чувства Брида – и Вест-Индия избавится от бессмертного пирата, уже прославившегося своей бессмысленной жестокостью...

Карререс усмехнулся и покачал головой. Такими мыслями стоит заговаривать зубы губернатору, но не самому себе. Выручить Брида требовало простое милосердие. Пережитое в тумане лежало на душе холодной сырой тяжестью. Карререс будто окружил эти знания непроницаемым коконом, набираясь сил для того, чтобы вновь погрузиться в нечеловеческие, бесчеловечные глубины, и что-то подсказывало ему: милосердие будет тем стержнем, который не даст сознанию развалиться на части и поможет хотя бы выжить – так же, как Бриду помогала выжить его любовь.

Доктор был твердо намерен помочь капитану. Оставалось только понять, как это сделать.

– Пора познакомиться с хранительницей Бимини, – тихо сказал Карререс самому себе.

Глава 22

Реме сидела на мостках, обхватив руками колени, и глядела в воду. Рядом валялся мешок с подарками капитана; похоже, Реме даже не дотронулась до него. Как же ей досадны приставания Брида, подумал Карререс, если неприязнь победила даже женское любопытство! Карререс шел медленно, пользуясь случаем рассмотреть хранительницу

Бимини. Легкая, ловкая фигура. Копна темных волос, не жестких и прямых, как у большинства индейцев, а слегка выующихся, мягких даже на вид. Кожа, отливающая темной медью. Неправильные, но милые черты лица. Хранительница откинула с лица волосы, вытянула ноги, опустив маленькие ступни в воду, и Карререс наконец уловил то, что делало Реме такой мучительно-привлекательной. Многие женщины на первый взгляд были красивее Реме, но даже сейчас, донельзя расстроенная, она казалась исполненной нежной, но необоримой жизненной силой, сквозящей в каждом движении.

Услышав шаги, она хмуро взглянула на Карререса и отвернулась.

– Одно ваше слово, и я уйду, – кротко сказал доктор. Реме дернула плечом, будто отгоняя москита, но промолчала. Сочтя это за разрешение остаться, Карререс опустил на прогретые солнцем доски.

– Как вы стали хранительницей, Реме? – спросил он. Девушка недоверчиво скосила на него темный, как спелая вишня, глаз, но на лице Карререса было написано лишь легкое, доброжелательное любопытство.

– Я услышала зов, – пожала она плечами. – Понимаете, – начала объяснять Реме, предупреждая вопросы Карререса, – это трудно выразить словами. Просто тепло вот здесь, – она прижала руку к груди, – которое тянет, тянет куда-то... Не знаю, поняла бы я сама, в чем дело. Но в нашей семье многие женщины слышали песню Бимини. Последней была сестра моей бабушки.

– У вас была особенная семья? Вы не похожи на простую индианку.

Реме покачала головой.

– Я долго жила с белыми, – объяснила она. – Меня с семи лет воспитывали в одной миссии в Новой Испании, – она по-детски высунула язык и закатила глаза, изображая крайнюю степень отвращения.

– Похоже, вам это не очень нравилось, – улыбнулся Карререс.

– Еще бы! – живо откликнулась Реме. – Ох и злющий у них бог! И всегда ты виновата, как ни крутись, – просто за то, что появилась на свет. Не смейся, не танцуй, не пой, – ну разве что гимны. И невозможно остаться одной: вечно кто-нибудь пристаёт, и что ни сделай, все будет не так... Я только и думала, как найти уголок, в котором меня хотя бы часок никто не будет трогать. А уроки?! Уф! Конечно, мне не нравилось! – Реме перевела дух и покачала головой. – Поэтому, когда я услышала зов, я даже не задумалась, – ну разве что над тем, как бы половчее сбежать. В конце концов мне помогла одна монахиня. Бедняжка думала, что меня позвал Иисус, – Реме хихикнула, как школьница. – Она помогла мне добраться до побережья и раздобыла каноэ. На рассвете мы попрощались, я села в лодку и поплыла в открытое море, – был отлив, и течение помогало мне...

– Вам не было страшно?

– Но я же знала, что меня ждут на Бимини, чего мне было бояться? – удивилась Реме. – Когда берег стал полоской тумана, я сложила весла и заснула. А проснулась посреди озера. В доме никого не было, но зола в очаге еще не успела остыть, и маленькие манго на столе были свежие и прохладные, будто их только что принесли с гор. С тех пор я живу здесь.

– И храните источник от чужаков?

Реме покачала головой.

– Какой смысл в источнике, если никто не сможет пить из него? Любой, кто нашел дорогу, имеет право прийти сюда. Я просто знаю, что должна быть рядом. Не знаю, зачем.

– И вы не исполняете никаких обетов? Ни делаете ничего особенного?

Реме вдруг покраснела. Мгновение она колебалась, но потом решительно покачала головой:

– Ничего. Мне вообще кажется, что на самом деле я не нужна источнику. Всего лишь, знаете, такая традиция. Я просто живу здесь.

– Всегда одна?

– Да. Мне нравится, что здесь нет людей.

– Вы не тоскуете?

Реме покачала головой.

– Иногда я начинаю скучать. Но ведь всегда можно выбраться в Пределы. – Перехватив изумленный взгляд Карререса, она улыбнулась: – Я же хранительница. У меня свои пути.

– Так вот почему ваше лицо показалось мне знакомым! Я видел вас на празднике у болотных индейцев. Вы чудесно танцуете.

– И очень люблю, – смущенно откликнулась Реме, снова заливаясь краской. – Но когда праздник кончается, мне хочется вернуться домой... Здесь так тихо и спокойно, и никто не пристает с разговорами. Я очень быстро устаю от людей.

– О! – смущенно воскликнул Карререс. – Наверное, мне лучше...

– Нет-нет, вы мне не надоели еще, – спохватилась Реме. – И потом – вы же все равно не собираетесь пока уезжать и останетесь здесь, даже если будете молчать, – с наивной откровенностью добавила она.

– Капитан Брид говорил, что однажды вы избавились от него, – осторожно сказал Карререс. – Выбросили отсюда, как щенка.

– Так вот в чем дело! – воскликнула Реме и удивленно рассмеялась. – Но я не выкидывала его. Я думаю, он сам... Понимаете, он хотел схватить меня... или ударить, – она поежилась. – И сбежал, чтобы этого не сделать.

– Сбежал сам и прихватил Шеннона и Ти-Жака?

– Они привязаны. Ведомые...

– Лихо, – заметил Карререс.

– Да. И неожиданно. Но я была очень рада, когда они исчезли. Я не могу никого отсюда выгнать, – тоскливо проговорила Реме. – Тот, кто нашел сюда дорогу, должен уйти сам.

– Мы мешаем тебе?

– Очень, – она помолчала, глядя на воду, и с внезапной злостью воскликнула: – Ну и получайте свое бессмертие! Так вам и надо!

Карререс даже отшатнулся, удивленный этой вспышкой.

– В чем подвох, хранительница? – спросил он.

– Никакого подвоха. Вот он – источник бессмертия. Вам навеки тридцать пять, Барон. Пейте, купайтесь, мойте руки – у вас есть право. Вы прошли через туман и сохранили разум. Впрочем, – она насмешливо покосилась на Карререса, – достаточно того, что вы прошли. Большинство теряются в нем навсегда – вы видели их, разговаривали с ними, ковырялись скальпелем в их разрушенном мозге... Вы не заблудились. У вас теперь впереди – вечность...

– Буду ли я рад ей?

Реме недобро рассмеялась.

– Не слишком ли многого вы хотите, Барон?

Карререс пожал плечами и встал.

– Вечность – с тем туманом внутри? Чем она лучше старого доброго ада? Скорее – хуже: в аду, говорят, тепло. Брид надеется, что вы склеите его расколотую душу. А кто склеит мою? Я смогу забыть то, что узнал?

– И не надейтесь. Что ж вы не рады? Это знания, великие знания – они теперь ваши, осталось только извлечь их из себя. Вы так гонялись за ними – так получайте! Вы сможете справиться со своими знаниями – но не поделиться ими. Вы будете бессильно смотреть, как другие страдают и радуются, заблуждаются и прозревают, – Реме швырнула камешек в воду и грустно добавила: – Тем более, вы единственный понимали, что ищите на самом деле... Не возьму в толк, как вы уговорили Брида взять вас с собой.

– Я не уговаривал.

– Не врите! – Реме резко повернулась к Каррересу, взглядела в лицо и сникла. – Но как?

– Это Брид меня уговаривал. И был очень убедителен, – желчно усмехнулся Карререс и потер запястья. – Видите ли, он надеялся, что я смогу пробудить в вас страсть.

– Чтооо? – Реме напряглась, как перед прыжком, пальцы скрючились – вот-вот

вцепится когтями.

– Не ко мне, конечно, – быстро сказал Карререс. – Я же дух любви, – проговорил он с сухим смешком, отступая от скользящей к нему разъяренной Реме. – Брид надеется, что я помогу ему. Подумайте: он не побоялся вступить в схватку с самым жестоким лоа, лишь бы добиться вашей любви...

Реме остановилась. Она вытянулась всем телом, вздернула подбородок и казалась теперь высокой, почти величественной. Ее глаза горели; она уже не видела Карререса, а смотрела сквозь него в пугающую, холодную даль.

– Вы не дух, не лоа, вы человек, – сказала она звенящим от напряжения голосом. – Вера нечестивых колдунов дает вам силы, ум и знания – позволяют ею пользоваться... Зря вы пошли этой дорогой, доктор. Лучше бы вам было заблудиться в тумане. Вы останетесь Бароном Субботой, и вокруг вас, вечного, сотнями лет будут громоздиться гробы. Вы будете творить добро – но вас станут бояться. Вы сможете будить страсть и отвечать на нее – но никогда не сумеете разделить...

– Вы проклинаете меня?

– Я? – Реме поникла, ее плечи опустились, и жестокий огонек в глазах погас. – Я всего лишь храню источник. У меня нет сил проклясть могучего Самеди. Вы взяли за дело, которое непосильно человеку, и достигли многого. Это – расплата.

Не говоря больше ни слова, Реме начала торопливо подниматься к дому. У двери она оглянулась.

– Передайте капитану Бриду, что я лучше умру, чем хотя бы дотронусь до него, – крикнула она.

– Обязательно. Хорошая угроза от бессмертной, действенная, – проворчал Карререс.

Он неторопливо прошелся вдоль берега. Обнаружил небольшую, но глубокую речушку, вытекающую из озера, – по ней вполне могла пройти шлюпка, но берега так густо заросли кустарником, что Карререс едва не угодил ногой в прозрачную воду, не заметив ручья. Из любопытства он попытался пробиться вниз по течению и тут же пожалел: в зарослях жило столько мошки, что воздух звенел и дрожал от трепета миллионов крылышек. Отмахиваясь и продираясь через кусты, Карререс прошел с полмили и остановился.

Дальше идти не имело смысла: скорее всего, ручей впадал в реку побольше, а та – в море Пределов. Тело чесалось от пота и незаметных укусов; обычная жара джунглей сменилась совсем уж невыносимой духотой. Дымка, затягивавшая небо, быстро сгущалась в облака; донесся отдаленный рокот грома. Первые капли тяжело ударили по листьям, будто пристреливаясь; грохот все нарастал, и наконец ливень встал сплошной стеной, мгновенно скрыв за струями горы и озеро. Мгновенно промокнув, Карререс бросился было к ближайшему дереву с густой кроной, и тут же махнул рукой: прятаться уже не имело смысла. Смахивая заливающую глаза воду, он повернул обратно.

Дождь закончился так же неожиданно, как и начался. Быстро высыхающая на солнце одежда исходила паром, и несколько минут Карререс шел будто в маленьком облачке, зацепившемся за шляпу. Наконец впереди мелькнула гладь озера, и Карререс облегченно вздохнул. Ноги давно гудели от усталости, к тому же он был голоден – в ответ на долетевший запах дыма желудок нетерпеливо заурчал.

На берегу рядом с лагерем Карререс с удивлением обнаружил Ти-Жака, с кисточкой в руке склонившегося над тонкой доской. Рядом на камне стоял ящичек из лакированной жести, доверху наполненный разноцветными коробочками и пакетиками, склянка с маслом и измазанный красками обломок фанеры. Боцман не замечал никого и ничего, и лишь изредка вскидывал глаза, внимательно вглядываясь в окутанный сумерками утес. Из-под ноги Карререса выскочил камешек, со стуком покатился к воде. Ти-Жак вздрогнул и оглянулся.

– А, Барон, – недовольно буркнул он.

– Не знал, что ты рисуешь, – сказал Карререс.

– Не рисую, а малую, – ошетинился боцман. – Не знал – и ладно.

– Я собираюсь завтра сходить на утес. Хочу посмотреть на источник вблизи, – миролюбиво ответил Карререс, намертво задавливая желание заглянуть Ти-Жаку через плечо. – Извини, что помешал.

– Хочется иногда прежние времена вспомнить, – объяснил Ти-Жак, слегка успокаиваясь. – Делать здесь нечего. Пока вы гуляли – я портрет девчонки нарисовал, миниатюру на раковине. Неплохо вышло.

– Можно взглянуть?

– Брид забрал, – вздохнул Ти-Жак. – И ладно, мне-то оно ни к чему, а кэпу в радость. Вернемся на «Безыманный» – заделаю в медальон, я уже придумал, как из двух монет... А, не важно, – оборвал сам себя Ти-Жак. – Шеннон говорит, ты ходил к Реме?

Карререс сдержанно кивнул. Распространяться о разговоре с хранительницей не хотелось.

– Ладно, я так спросил, – отмахнулся Ти-Жак и снова склонился над доской.

Поплескав водой в лицо, Карререс вернулся к пустому навесу, отыскал ящик с галетами, бросил сверху кусок солонины и довольно растянулся в гамаке. На озеро наплзали сумерки. В траве зеленым огнем разгорались светляки; их было так много, что казалось, кто-то разбросал по земле светящиеся ожерелья. Пришел Ти-Жак; сгорбившись в три погибели у костра, он пытался поправить что-то в картине, схватил было призрачно светящуюся гнилушку вместо фонаря, но плюнул. Откуда-то из-за деревьев вышел Шеннон и принялся греметь котелком, готовя ужин. Уже совсем стемнело, когда до лагеря донесся сердитый голос капитана и резкие ответы Реме. Звук легко катился по водной глади; Карререс попытался прислушаться, но слов было не разобрать. Голоса становились все громче и вдруг стихли. Пауза была такой напряженной, что Шеннон тревожно заворочался в своем гамаке и приподнялся, ожидая неведомо чего.

Звук, резкий, как удар хлыста, разнесся над озером.

– Что это? – испуганно спросил Шеннон, и Ти-Жак тихо рассмеялся:

– Пощечина, мой друг.

Вскоре до них донесся треск кустов и приглушенная ругань. Брид ломился вдоль озера, явно не различая тропы. Наконец он выбрался на освещенный костром участок. Левая щека капитана горела багровым пламенем; лицо Брида было страшно.

– Рому! – прорычал он. Шеннон торопливо вывалился из гамака, подхватил кружку и бросился к бочонку. – Она еще пожалеет, – сказал капитан. – Она еще десять раз пожалеет, и очень скоро. Завтра же...

– Оставьте ее хоть на день в покое, – сказал Карререс.

Брид бешено взглянул на него и молча отвернулся.

Глава 23

Путь к утесу оказался намного сложнее, чем это ожидалось. Издалека казалось, что южная стена чаши, в которой лежало озеро, поросла густой мягкой травой, ближе к воде сменявшейся россыпью камней; кое-где вздымались деревья с густыми раскидистыми кронами. Но ровный, хоть и крутой склон обернулся нагромождением чудовищных валунов, слегка прикрытых ползучими растениями и мхом. Некоторые камни раскололись, и из щелей в рост человека несло холодом. Промежутки между валунами были затянуты поблескивающей на солнце паутиной; небольшие, одетые в рыжий мех пауки с темными крестами на спинах разбегались по мелким трещинкам, едва на них падала человеческая тень. Карререс аккуратно обходил заплетенные участки, чтобы не задеть кружевные сети: то ли интуиция, то ли обычная брезгливость не позволяли ему прикасаться к липким нитям. Он прыгал с камня на камень, протискиваясь иногда между глыбами, оскальзываясь на сочных стеблях, раздавленных сапогами. Солнце уже начинало припекать – Карререс вышел из лагеря поздно, рассчитывая добраться до скалы минут за двадцать, но вот уже целый час скакал по валунам, приближаясь к утесу по причудливой извилистой траектории. Вконец

вспотев и умаявшись, он свернул к одному из деревьев, обещавшему тень и прохладу.

Гигантские корни обвивали валун, впиваясь в камень. Карререс уселся между ними, как в кресло, и достал трубку. Отсюда хорошо видно было озеро, домик Реме, лагерь. Рядом с навесом поднимался синеватый дымок – Шеннон готовил завтрак. На крыльце появилась Реме, подбежала к мосткам, напряженно посмотрела в сторону скрытой деревьями и изгибом берега пиратской стоянки. Ее фигурка казалась совсем маленькой. Выражение лица не разглядеть, но движения выдавали сомнение, неуверенность, раздражение. В конце концов Реме с бесшабашной злостью махнула рукой, одним движением сорвала платье и нырнула. Мгновением позже до Карререса донесся всплеск, а голова Реме уже появилась над поверхностью воды. Хранительница поплыла, держась берега, – Карререс готов был поклясться, что она не выплывает на глубину лишь потому, что тогда ее могут заметить из-под навеса. Движения девушки были скованными и суетливыми; вскоре она вернулась к мосткам и, суетулясь, бросилась одеваться. Карререс вздохнул.

Они, все четверо, мешали Реме, это было ясно как день. Капитан Брид со своей неразделенной любовью – больше других; но и Ти-Жак, и Карререс, и даже безобидный Шеннон выводили ее из себя. Реме действительно нравилось жить на озере одной; больше того, присутствие других людей, похоже, лишало ее душевного равновесия. Карререс замечал испуганное изумление, застывшее на дне ее глаз. В разуме Реме была какая-то червоточинка. Ей, привыкшей к одиночеству, приходилось ежедневно терпеть домогательства Брида, холодное любопытство Карререса, насмешливые восторги Ти-Жака. Все это было тонкими клиньями, постепенно входящими в трещинки ее души. Карререс чувствовал, что напряжение, которое испытывала Реме, вот-вот станет невыносимым. Еле тлеющий огонек безумия, который безошибочно привык отмечать доктор, разгорался все ярче. Вот-вот она могла расколоться, как один из прибрежных валунов, и ледяное дыхание пустоты завершило бы начатое. И не понадобится ли ей тогда Брид так же, как сейчас она нужна ему?

Карререс встал и начал карабкаться по валунам, выбираясь наверх утеса, откуда в обрамлении папоротников стекал в озеро маленький водопадик волшебной воды.

Глубина ручья здесь была не больше дюйма – едва намочить ладони. Вода беззвучно растекалась по подозрительно ровному и плоскому руслу, сплошь обросшему черными пушистыми водорослями. Присев на корточки, Карререс провел рукой по дну. Под склизкими зарослями пальцы нащупали гладкий, чуть зернистый камень, какие-то выемки и желобки. Карререс принялся тереть его, убирая слой тины. Вода постепенно уносила муть, и вскоре взгляду открылся кусочек каменного ложа ручья. Красноватую плиту пересекали плавные линии, будто выплавленные в зернистом массиве.

Удивленно хмыкнув, Карререс принялся отчищать камень от водорослей, беспорядочно возя ладонями. Его охватил охотничий азарт. Окошко становилось все больше, хаотичные на первый взгляд линии складывались в орнамент из спиралей и концентрических кругов. Расчистив фрагмент плиты, Карререс встал, отступил на шаг, чтобы рассмотреть узор в целом, и, уловив боковым зрением движение за спиной, резко обернулся.

Похоже, Реме давно наблюдала за ним. Карререс поклонился и хотел было завести разговор, но осекся. Реме была бледна; ее зрачки так расширились, что и без того темные глаза казались черными провалами. Крепко сжатые пальцы прижаты к приоткрытым губам, будто сдерживая рвущийся крик.

– Что случилось? – спросил Карререс. Реме глубоко вздохнула и опустила руку.

– Что вы делаете? – шепотом спросила она в ответ.

– Смотрю, – пожал плечами доктор.

– Этого нельзя делать, – размеренно произнесла Реме.

– Почему?

– Нельзя и все!

– Бросьте, Реме, – улыбнулся доктор. – Что плохого в том, что я посмотрю на

орнамент? Должен же я понять, откуда у воды такие свойства... Вы что-нибудь знаете об этих рисунках?

– Ничего я не знаю! Нельзя этого делать! Нельзя... лезть. Трогать. Да что ж вы за человек такой!

– Я не понимаю, почему.

– Правда не понимаете? Пожалуйста... – проговорила Реме, и теперь в ее голосе слышались слезы. – Пожалуйста, оставьте...

– Скажите мне правду, Реме. Есть какой-нибудь запрет? Табу? – хранительница покачала головой. – Какие-то тайны, которые вы хотели бы оставить при себе?

– Нет.

– Тогда в чем же дело? Поймите, я должен разобраться, что к чему. Черт возьми, я искал этого случая всю жизнь – а вы хотите, чтобы я отказался от него просто потому, что вам почему-то неприятны мои исследования. Но я не могу развернуться и уйти просто из-за вашего каприза. А если это не каприз и не упрямство, то объясните мне, в чем дело. Есть разумные причины? – заметив, что Реме, закусив губу, шарит глазами по сторонам, он добавил: – Только пожалуйста, не выдумывайте ничего.

– Нет. Я не могу. Это мое, понимаете? Это всегда было так и не должно меняться. Эти узоры всегда были скрыты, и тут приходите вы... Вы хотели бессмертия – вы его получили! Зачем вам разбирать чудеса на части? Почему нельзя просто оставить так, как есть? Вы напились из источника – что вам еще надо, почему вы не уходите? И лезете, лезете, пристааете с разговорами, всюду суετε свой нос... вы, и эти идиоты-матросы, и чертов капитан.... – Реме вдруг всхлипнула и закрыла лицо ладонями. – Оставьте меня в покое! Я не могу больше... – глухо проговорила она.

– Вы запрещаете мне, хранительница? – официальным тоном спросил Карререс.

– Я не могу запретить.

– И объяснить не можете? Тогда, с вашего позволения... – Карререс сделал движение к ручью.

Теперь Реме выглядела почти спокойной, но Карререс чувствовал, как под маской бурлил бешеный гнев. Краем глаза он следил за хранительницей – казалось, она вот-вот набросится с кулаками.

– Поймите же, Реме... – снова обернулся Карререс.

– Да делайте что хотите! – заорала она и бегом бросилась прочь.

Пожав плечами, Карререс неторопливо двинулся вверх по течению ручья. На душе было мутно. Истерика хранительницы неприятно поразила его. Похоже, ее душевные силы были на исходе. Только сейчас Карререс понял, насколько, по сути, беспомощна Реме. Королева Бимини, хранительница волшебного источника, бессмертная, снисходящая к людям и радующая их танцем при свете костров, она могла лишь просить, чтобы ее оставили в покое, сжигаемая отчаянием и бессильной яростью.

Наверное, разбирайся Реме в людях чуть лучше, будь похитрее, – и она бы попыталась вновь спровоцировать Брида. Карререс был уверен: хранительнице хватило бы и знаний, и интуиции. Ей просто не приходило в голову сделать это нарочно, – и, может быть, к лучшему: доведенный до отчаяния капитан на этот раз мог решить, что насилие все-таки лучше, чем безнадежное ожидание. А если бы Брид больше понимал в женщинах, если бы его опыт не сводился к заигрываниям с портовыми шлюхами? Наверное, он бы придумал, как добиться расположения Реме... Да они просто созданы друг для друга, два сапога – пара, мрачно усмехнулся Карререс.

Может быть, стоило послушать Реме, подумал он. Отступить, только чтобы успокоить. Карререс был уверен, что исследования источника никому не причинят вреда: чутая подобные запреты он научился давным-давно, с трудом, но смирившись с тем, что на карте знаний приходится оставлять белые пятна. Дело было не в тайнах источника. Однако предчувствие страшной ошибки, надвигающейся беды не оставляло.

Деревья расступались, постепенно оставаясь позади, и русло ручья становилось все

шире и мельче, сходя на нет. Выйдя из задумчивости, Карререс обнаружил, что стоит на каменистом болотце, поросшем низким кустарником. Под ногами хлюпал пропитанный водой мох. Несколькоми футами дальше склон долины резко уходил вверх – голая, красновато-серая осыпь, даже издали сухая и пыльная. Карререс дошел до истока.

Горько рассмеявшись, он повернул назад. Доктор уже собирался вернуться в лагерь и зарисовать орнамент, пока прихотливые узоры еще не стерлись из памяти, но вспомнил про выступающий из воды камень у подножия утеса. Каррересу вдруг захотелось выкурить трубку, сидя на этом валуне и любуясь на озеро и падающий с высоты ручей, – безобидная прихоть. В конце концов, узоры можно зарисовать и позже, а еще лучше – вернуться к ручью с блокнотом. Оскальзываясь и проезжая по несколько футов на зыбком щебне, Карререс начал спускаться по крутой осыпи к воде.

Камень отвесно выступал из глубокой воды и на первый взгляд казался неприступным. Но на его боку нашлась небольшая выемка, в которой при желании можно было различить след маленькой босой ноги. Если хорошенько потянуться, можно шагнуть на нее с берега, уцепиться руками за край валуна... Карререс улыбнулся, представив, как Реме каждый день взбирается сюда – зачем? Он поставил ногу на приступок и, подтянувшись, забрался на камень.

Плоская вершина заросла коротенькой травой, мягкой и упругой. На деревце, оказавшимся молодым гранатом, трепетали крупные красные цветы, и вокруг них вились несколько колибри. Маленькая ящерка бросилась из-под ног и скрылась в траве. Пирамида из булыжников оказалась очагом; угли и зола были размыты вчерашним ливнем – похоже, Реме не забиралась на камень с тех пор, как на озере появился Брид.

Ровная площадка между цветущим деревом и огнем... У Карререса вдруг появилась уверенность, что Реме приходила сюда танцевать. Он почти видел этот неторопливый, чувственный танец. Видел, как нагая хранительница вьется под музыку, слышную ей в журчании источника, как от взмаха головы темным облаком взлетают волосы. Босые ноги, не сминая травы, переступают в четком, легком ритме, отблеск огня падает на лоснящуюся бронзовую кожу, руки мечутся коричнево-розовыми бабочками...

Карререс сел, прислонился спиной к тонкому стволу и раскурил трубку. Он улыбался и вспоминал Реме, танцующую на празднике, представляя ее здесь, на травяной сцене, выступающей из озера, облитую жаркими лучами солнца или прохладным, как воды Бимини, лунным светом. Реме взмахнула копной волос, взглянула через плечо, опалив взглядом темных глаз. На щеках вспыхнул темный румянец. Хранительница изогнулась, вытягиваясь, раскрываясь, как темный цветок, невыносимо желанная, полная плодородной силы...

Карререс вскочил, поперхнувшись дымом.

– Просто живу, говоришь? Всего лишь традиция?! – воскликнул он и расхохотался.

Четверть часа спустя Карререс легко взбежал по лестнице, ведущей к хижине Реме, и забарабанил в шаткую дверь ладонью. Не дождавшись ответа, он прислушался. В доме было тихо. Уже понимая, что Реме там нет, Карререс подошел к незастекленному окну и осторожно отодвинул легкую занавеску. Он увидел букет цветов в вазе из тыквы-горлянки на низком столике, россыпь подушек на циновке, пустой гамак. Ни следа хозяйки – похоже, Реме до сих пор бродила где-то, переживая вторжение Карререса в секреты источника.

Слегка остыв, Карререс присел на крыльцо и задумался. Что он, собственно, собирался сказать Реме? Потребовать, чтобы она подтвердила его догадки, объяснила, как именно происходит колдовство? Попросить, чтобы станцевала у него на глазах? Спросить, почему она перестала это делать с тех пор, как на Бимини появились чужие, когда собирается танцевать вновь?

Карререс вспомнил жаркое смущение, охватившее Реме, когда она признавалась в любви к танцам, и едва не хлопнул себя по лбу. Теперь он знал, как помочь Бриду. Если и без того сгорающий от страсти капитан увидит танец хранительницы – он окончательно утратит

контроль над собой. Но чем ответит ему Реме? Не угрюмая девочка, привыкшая к одиночеству, а жрица источника, подпитывающая его силы? Карререс торопливо просчитывал варианты. Капитан не сможет причинить вреда Реме – в этом доктор был уверен. Сам воздух Бимини охраняет эту девушку. Если вдруг предположение неверно – появление капитана прервет танец, вызовет у хранительницы досаду, смущение, злость, – но и только. Но если Карререс прав – танец не остановится; Реме вплетет в него капитана, и тот наконец обретет себя. А некоторое время спустя какая-нибудь юная девушка из индейской деревушки услышит зов...

Подперев голову ладонью, Карререс смотрел на озеро. Конечно, вряд ли сила источника исходит лишь от хранительницы, думал он. Да и вообще с действием воды не все было ясно. Надо будет провести несколько экспериментов. Попытаться расшифровать орнаменты – доктор был уверен, что ложе ручья украшено узорами не только для того, чтобы было чем полюбоваться. Надо будет расчистить дно, а затем нарисовать небольшую копию на дне обычного сосуда и посмотреть, что из этого выйдет. Надо будет... Карререс смотрел на озеро. Его поверхность была ровной, как зеркало, и лишь вдающиеся в озеро мостки нарушали безмятежную гладь. Мешок с подарками по-прежнему валялся на досках и выглядел уже так, будто пролежал там сотню лет. Карререс рассеянно подумал, что причал выглядит каким-то пустым, осиротевшим, и вновь сосредоточился на плане экспериментов.

Глава 24

– Шеннон, ты, кажется, хороший охотник? – спросил Карререс тем же вечером. – Умеешь выслеживать птицу и прочее в этом духе?

– Это я могу, – кивнул моряк. – Хотите дичи? Пожалуй, завтра на рассвете смогу что-нибудь раздобыть.

– Спасибо, Шеннон. Это было бы неплохо. А не мог бы ты достать мне свежее яйцо?

– Яйцо?

– Да, – Карререс показал пальцами небольшой овал. – Такое обычное птичье яйцо, вроде куриного.

– Бросьте, Барон, – вмешался Ти-Жак. – Знаю я эти яйца. Разбиваешь на сковороду, а из него вместо желтка дохлый птенец вываливается, склизкий, как тухлая лягушка, страх! Любому аппетит отобьет. Вот, помнится, застрял я на одном острове... Одни чайки, и тех не поймать. Приходилось ползать по скалам, собирать яйца. Они смердели так, будто их в бочке с прогорклым рыбьим жиром держали. Нет, ничего нет лучше доброй деревенской несушки, откормленной чистым маисом...

– Мне не для еды, – сухо ответил Карререс.

– А! – оживился Ти-Жак. – Что, вода ножичком не режется?

– Как это? – удивился Шеннон.

– Боцман шутит, – объяснил Карререс. – Вы, Ти-Жак, слишком умны, чтобы быть простым моряком.

– Так я и не простой, я боцман и старший помощник нашего несравненного капитана, – казалось, Ти-Жак брызжет ядом. – Кстати, что-то давно не видно нашей хозяйки. Похоже, Брид увел ее подальше, чтобы мы не слышали, как красавица раздает оплеухи...

– Так она уехала, – откликнулся Шеннон.

– Как это уехала? Куда? – насторожился Ти-Жак.

– Не знаю. В гости, может быть? Прибежала вся растрепанная, нос красный, глаза зареванные. Прыгнула в лодку – и ходу.

– Откуда ты знаешь? – вмешался Карререс. Его охватила беспокойство. Сиротливые мостки... Правильно – не хватало маленького каноэ.

Шеннон густо покраснел и вытащил из-под кучи мешков подозрную трубу.

– Вот, – сказал он. – Одолжил у кэпа. Купалась она, – объяснил он, пряча глаза.

– Да ты у нас не промах! – развеселился боцман. Шеннон принялся вяло

отговариваться.

– Когда она уехала? – оборвал их доктор.

– Днем сегодня, после полудня.

– Дура! – в сердцах воскликнул Карререс и заходил по вытоптанному пятачку вокруг костра. Конечно, Реме и раньше покидала остров. Вполне возможно, хранительница просто решила развезься... Карререс покачал головой, не веря сам себе. Вряд ли Реме, и так уставшая от постоянного присутствия людей, захочет увидеть кого-то еще. Он вспомнил сегодняшний разговор, последний выкрик Реме, и тревога охватила его с новой силой. – Упрямая дура, – повторил он тихо.

– Да что вы беспокоитесь, Барон? Проветриться решила, скоро вернется, – отмахнулся Шеннон.

– Будем надеяться, – мрачно ответил Карререс.

– Только вот... Что мы скажем капитану? – растерянно спросил Шеннон. – А кстати – где он?

Карререс раздраженно пожал плечами. Ти-Жак рассыпался в беззвучном смехе, тряс головой и притопывая.

– Бродит в горах, упиваясь страданиями? Бежал вместе с возлюбленной?

– Не, она одна была, – ответил Шеннон.

– Ты не представляешь, как хитры бывают женщины, – возразил Ти-Жак, делая серьезное лицо. – Впрочем, я тоже не думаю, что Реме прихватила с собой капитана. Кажется... он ей... – Ти-Жак задыхался от сдерживаемого хохота, – не очень нравится, а?

Он вытер проступившие слезы и уставился на Карререса покрасневшими глазами.

– Что ж ты, Барон? – с фиглярской укоризной произнес он. – Капитан так на тебя надеялся...

– Пусть подождет еще день-два, – ответил Карререс, пряча довольную улыбку. Ти-Жак скептически фыркнул, но говорить больше ничего не стал.

Брид пришел уже после полуночи, когда все спали. Он долго гремел посудой, переворачивая и роняя кружки, лил ром, раздувал костер, не прекращая изрыгать ругательства. Иногда Карререс открывал глаза. На багровом фоне тлеющих углей сутулый силуэт капитана напоминал огромную обезьяну: руки безвольно болтаются, всклокоченная голова с тяжелой челюстью клонится к земле. Доктор задремывал; перед глазами появлялось сердитое лицо Реме. Он говорил хранительнице: все, все будет хорошо, вот увидишь, ты только не бросай Бимини; и Брид, ставший вдруг очень маленьким, плакал: поздно, поздно.

– Барон! Проснитесь, Барон!

Карререс заворочался, выдираясь из абсурдного, непривычно яркого сна. Доктор странно чувствовал себя в последнее время: ему казалось, что он истаивает, как облако, – не исчезает, но расширяется настолько, что становится незаметен сам себе. Чем дальше, тем сильнее становился внутренний холод, – казалось, в промежутки между атомами, из которых сложен Карререс, врывается морозный ветер. При этом его телесное здоровье было хорошо, как никогда; чувства обострились, и даже старый шрам, полученный на дуэли еще в Мадриде и постоянно нывший от сырости, перестал напоминать о себе. Но сны и необычные ощущения смущали; разгадка наверняка таилась в его мозге, но Карререс чувствовал, что еще не готов искать ее.

Он открыл глаза. Солнце еще не встало; москитная сетка покрылась каплями росы, похожими в предрассветных сумерках на серые опалы. За пологом маячила серьезная и довольная физиономия Шеннона. Видно, моряк уже хотел потрясти доктора за плечо, да никак не мог решиться. Карререс откинул полог, и Шеннон заулыбался:

– Принес я, – он сунул в лицо доктора охапку листьев и веточек.

Карререс потер глаза, окончательно просыпаясь, и вновь посмотрел на бесформенную кучу в руках Шеннона, пытаясь понять, чего хочет от него моряк. Ворох ветвей оказался гнездом. В нем, чуть прикрытые прелыми листьями, лежали три пестреньких, зеленовато-

коричневых яйца.

– Выследил дикую курочку, – Шеннон гордо поднял над гамаком Карререса черную, отливающую металлической синью птицу с красным гребешком. – Теплая еще. Так что с яйцами делать? Я вас почему будить стал – вы же просили свежие...

– Да, – пробормотал Карререс и зевнул. Посмотрел на сияющего моряка, о чем-то раздумывая.

– Хотите прогуляться со мной, Шеннон? – спросил он.

Моряк радостно кивнул:

– Уж очень охота на ручей вблизи посмотреть, а одному туда идти страшновато как-то, – сказал он.

В одной руке моряк держал мешок, в который аккуратно завязали гнездо; в другой он тащил дохлую курицу, которую Карререс решил тоже использовать для опытов. Поначалу Карререс опасался, что босоногий Шеннон будет обузой, когда они двинутся по камням: там попадались и шипастые побеги, и россыпи острой щебенки. Но моряк крепко переступал огрубевшими подошвами и часто легко проходил там, где обутый в сапоги Карререс оскальзывался и был вынужден цепляться руками.

Добравшись до русла, Карререс заметил, что вода в источнике сильно спала. Водоросли, похожие на мокрый курчавый каракуль, были вровень с поверхностью ручья, а кое-где и вовсе выступали из воды, – в этих местах их верхний слой уже успел высохнуть и посереть. Было ли это нормальным колебанием уровня или последствием каких-то действий – или бездействия – Реме, Карререс не знал. Обмеление ручья сильно встревожило его. Поразмыслив, Карререс решил пока отказаться от некоторых самых радикальных испытаний. Порыться в болотце, из которого вытекал источник, можно будет и позже.

Доктор прошелся вдоль русла и облегченно вздохнул. Участок, расчищенный накануне, уже затянулся, и его можно было угадать лишь по небольшой вмятине: слой тины здесь был чуть потоньше. Теперь по крайней мере можно с легким сердцем очистить покрытую орнаментом часть дна, не опасаясь нарушить неведомое равновесие. Подозвав Шеннона, Карререс велел ему стирать тину, постепенно раздвигая края проплешины, а сам присел на берегу с блокнотом наготове.

Шеннон вошел в ручей и принялся шаркать ногами по камню, обдирая водоросли. Вскоре рисунок, покрытый тонким слоем переливающейся на солнце, чуть коричневатой воды, стал виден полностью. Это был медальон, как бы нанизанный на узкую ленту с повторяющимся узором. Зарисовав испещренный символами круг, Карререс принялся помогать Шеннону, который, старательно сопя, оттирал дно все выше и выше по течению. Доктор пошел вниз; каждые несколько футов он расчищал пробный участок, пока не убедился, что лента, вырезанная в ложе, доходит до самого водопада и, видимо, ныряет вместе с ним в озеро.

Вернувшись, Карререс окликнул Шеннона.

– Я хочу, чтобы ты наблюдал за опытом вместе со мной, – сказал он. – Чувства могут подвести, результаты – оказаться иллюзией. Так что смотри, Шеннон, внимательно.

С этими словами Карререс подобрал дохлую курицу и аккуратно опустил ее в ручей.

Некоторое время ничего не происходило. Карререс тщательно раскуривал трубку, поглядывая на птицу. Он уже подумал, что эксперимент провалился, когда вода вокруг тушки вспенилась. Слипшиеся перья встопорщились, крылья зашаркали по камню, ища опору. Курица встала на нетвердые ноги и неуклюже встряхнулась.

Хотя высота берега была не больше дюйма, птице удалось выпрыгнуть из ручья только со второго раза. Мокрая курица сделала несколько неуверенных шагов и застыла, медленно поводя головой. «Ну, ты», – пробормотал Шеннон и отступил. Птица растопырила крылья и заклекотала.

– Как же быть, Барон? В суп ее теперь нехорошо как-то, – сказал Шеннон.

Карререс усиленно запыхтел трубкой, пытаясь скрыть растерянность. Что делать с

курицей-зомби дальше, он не представлял.

– Интересно, она теперь нестись может? – размышлял Шеннон. – Если может, ей цены нет! Жрать не просит, недохнет...

– Приказы выполняет без раздумий, – подхватил Карререс, вспомнив матросов с «Безымянного». – Шеннон, ну что ты мелешь?

– Да я так просто... Что же мы ее теперь – здесь оставим?

– Пусть походит пока, – кивнул Карререс и выбил трубку.

Пошарив в мешке, он достал одно из яиц. Полюбовался крапинками и пятнышками, причудливо разбросанными по зеленоватому фону, потом поднес к уху и потряс, но определить, насколько яйцо высижено, не смог.

– Как вода действует на живых, мы примерно представляем, – сказал он Шеннону. – Как на мертвых – только что узнали, – он кивнул на курицу, которая медленно удалялась в сторону кустов, спотыкаясь на каждом шагу. – По-хорошему надо бы искупать ее еще раз, посмотреть, что получится, – пробормотал он, глядя вслед птице, и махнул рукой. – Ладно, это можно сделать потом. Сейчас я собираюсь посмотреть, как сила Бимини подействует на нерожденное. На то, что еще не пришло в наш мир.

Положив яйцо в ладонь, как в лодочку, Карререс склонился над ручьем.

Вода забурлила, будто пытаясь скорее дотянуться до добычи. Почудился совсем тихий и одновременно – оглушительный хлопок; как сквозь вату, донесся дикий вопль Шеннона. Карререс шарахнулся назад, споткнулся и упал на спину. Он почувствовал, как выступающий древесный корень больно ударил по пояснице, и одновременно увидел самого себя, опустившего руку в ручей, не успевшего остановиться.

В пальцах у призрака враз побелевшее яйцо распускалось мертвенным цветком, и из него кошмарным побегом вырастало нечто настолько чуждое и бесчеловечное, что хотелось исчезнуть, лишь бы не видеть этого. Краем сознания Карререс понимал, что это всего лишь птенец, даже не птенец – эмбрион, голый, черный, едва сформировавшийся, покрытый желтоватой слизью, – но чудовищных размеров; безмозглый гигант, рвущийся в чужой мир, пробужденный раньше времени, разъяренный и напуганный и в страхе своем и ярости сминающий реальность, как лист бумаги. Он разинул зачаточный клюв в белесых ошметках; беззвучный крик впился в мозг тысячами скользких когтей; клюв был воронкой, водоворотом ледяной тьмы, он высасывал разум, чувства, душу...

Крик превратился в чудовищный вой, и сквозь него Карререс не услышал, но почувствовал, как что-то тихо хрупнуло в руке.

Карререс очнулся и медленно разжал ладонь, перепачканную скользким белком. В раздавленной скорлупе среди слизи виднелись темные кровяные сгустки. Вздрагивая от отвращения, Карререс принялся обтирать руку об листья – вымыть ее в ручье он теперь не решался. Свежий, чуть едкий запах растертой между пальцами зелени отрезвил его; голова теперь казалась прозрачно-ясной, мысли – четкими и колючими, как хрустальные грани.

Туманный ком внутри Карререса взорвался, оставив от оболочки, выстроенной разумом, лишь жалкие ошметки. Смутные догадки, мучавшие доктора, хлынули в сознание, и защититься от них было невозможно. Теперь он точно знал, что воды Бимини – это яд, кислота страшнее царской водки, которая разъедает не материю – саму границу между мирами. Бессмертие? Конечно! Тот, кто не живет, не может и умереть. Тот, кого размазало между слоями реальности, не может перейти ни на какую из сторон... Огромные возможности открываются перед тем, кто нашел путь на Бимини, – но платить за них приходится вечным проклятием, ледяным, нечеловеческим ужасом, который каждый носит в себе – но ощущают лишь те, кому удалось заглянуть на другую сторону.

Воспоминания рушились на Карререса мутным дождем и, едва коснувшись, осыпались прозрачными кристаллами со сложной, математически правильной структурой. Каждая причуда теперь была понятна, каждый случай – объясним. Мелькнула в памяти одна пациентка, молодая, красивая женщина, которая до истерик и обмороков боялась младенцев.

Отвергнутая родственниками и мужем, она доживала свой век в каком-то монастыре. Теперь доктор знал, что из-за какой-то особенности бедняга была способна в каждом ребенке увидеть тень потустороннего пришельца, которым он был раньше, но, не понимая этого, могла ответить лишь страхом. Карререс вздохнул: теперь бы он нашел, о чем поговорить с ней, и тут же забыл, унесенный лавиной знаний, уверенный, что копать ему в этой груде – до окончания времен...

Карререс обтер остатки яичного белка об камзол, осоловело посмотрел на лежащую у границы кустарника дохлую курицу и, пошатываясь, подошел к Шеннону. Тот лежал ничком, прикрыв голову руками. Он тихо заскулил, когда Карререс дотронулся до его плеча. Подхватив флягу, доктор набрал воды и принялся лить на голову моряка. В последний момент, вспомнив все, о чем только что узнал, Карререс попытался отдернуть руку, но только нервно усмехнулся. Почувствовав, как прохладная вода льется за шиворот, Шеннон вскрикнул, повернулся на бок и подтянул колени к животу, по-прежнему пряча голову.

– Это я, – сказал доктор. Моряк убрал руки и поглядел на Карререса пустыми глазами.

– Оно ушло? – хрипло спросил он, пытаясь справиться с дрожащими ногами и встать. Заросшая курчавой бородой щека дернулась, и Шеннон скривил губы, будто собираясь заплакать.

– Ушло, – ответил Карререс. – Думаю, на сегодня хватит, – сказал он, и моряк выпучил выцветшие от пережитого ужаса глаза:

– На сегодня? Да мне на всю жизнь теперь хватит! Упаси Господь еще раз... Привидится же...

Шеннон робко перекрестился, и Карререса продрал озноб от того, с каким виновато-заискивающим видом он покосился при этом на ручей.

Шеннон дремал в гамаке. То и дело он начинал беспокойно ворочаться и бормотать. Невнятный монолог прерывался испуганным вскриком; моряк затихал, чтобы несколькими минутами позже начать все сначала. Карререс прислушался и горько усмехнулся: яйцо несчастной дикой курочки выросло до гигантских размеров и валилось Шеннону на голову, грозя раскроить череп.

Людьми владела подспудная, ничем не объяснимая тревога. Они в смятении ерзали, переходили с места на место, не пьянея глотали ром, но нигде не могли усидеть долго. Дело было не в столах Шеннона. Карререс, угнетенный результатом эксперимента, внимательно прислушивался к себе, подозревая последствия сегодняшней авантюры, – но и это, похоже, не было причиной общей подавленности.

В самом воздухе было что-то не так. Он казался чужим, ненастоящим. Не те запахи. Не тот оттенок спокойной озерной воды, гладкой, как стекло. Отдаленные вопли попугая – не в той, в какой-то неправильной тональности; крики звучали настолько фальшиво, что от них сводило скулы. Карререс взял в руку обломок хвороста, чтобы подбросить в огонь, – и шершавость коры показалась ему нарочитой и искусственной. Он брезгливо отбросил ветку в костер и увидел, что пламя тоже – не то, слишком ровное, бледно-желтое, лишенное причудливой живой игры.

Снова громко застонал Шеннон, и капитан свирепо отшвырнул тарелку. Вариво выплеснулось на землю уродливой дымящейся кучей.

– Почему так тихо? – спросил Брид.

Карререс потрясенно замер, осознавая то, о чем уже знало его сердце. Журчание источника, неразличимое ухом, но наполняющее воздух неуловимым перезвоном, отзывавшимся в самом сердце, смолкло.

– Источник... высох? – хриплым фальцетом спросил Ти-Жак. Ему никто не ответил. Ти-Жак озибался с растерянным видом, и в его глазах впервые не было и тени ехидства. – Ничего, – сказал он. – Ведь правда, ничего страшного? Вот вернется Реме и все наладит.

Карререс отвернулся, пряча лицо от костра. Расплата за эксперименты? За попытки влезть скальпелем в тайну? Прикрыв глаза, он осторожно коснулся знаний, еще туго

переплетенных в бесформенный ком, но уже доступных, и нашел ответ.

– Она не вернется, – сказал Карререс. – Реме сбежала навсегда. У источника больше нет хранильницы.

– Что же, – медленно сказал Брид. – Тогда мы вернемся на «Безымянный» и обшарим Пределы остров за островом. Я переверну вверх дном всю Вест-Индию, но найду ее.

Спали этой ночью плохо.

Месяц спустя толпа взбесившихся зомби, подначиваемых Ти-Жаком, повесила Шеннона. Сразу после этого небывалый шторм навалился на «Безымянный», начисто сорвав с него половину такелажа; беспомощный бриг был захвачен военным фрегатом, на борту которого находился новый губернатор Клоксвилля. Команда «Безымянного» была заключена в Клоксвилльскую крепость по подозрению в пиратстве, и лишь Каррересу, избавившему чиновника от застарелого несварения желудка, под честное слово была предоставлена относительная свобода – при условии, что доктор останется в крепости штатным врачом.

Глава 25

– У меня лихорадка... весь горю... помираю... позовите доктора... – заунывно стонал Ти-Жак, обхватив голову и раскачиваясь взад и вперед.

– Вот, – без необходимости кивнул надзиратель и загремел ключами. Ти-Жак быстро оглянулся через плечо. Блеснули в полутьме камеры глаза – чистые, цепкие глаза здорового человека, который что-то задумал. Спohватившись, боцман скорчил плаксивую физиономию и снова принялся раскачиваться, держась на этот раз за живот.

– Зовите, если что, – сказал надзиратель, впуская Карререса в камеру. Глядел он исподлобья. Его насупленная мина лишний раз напомнила доктору, что он сам под подозрением, и только необходимость и зачатки благодарности мешают губернатору на всякий случай запереть его вместе с командой «Безымянного».

– На что жалуетесь? – громко спросил Карререс, слушая, как удаляются шаги надзирателя. Боцман тоже склонил голову набок, ловя затихающий звук.

– Крокодилом смотрит, – усмехнулся Ти-Жак. – Знали бы что про нас – повесили б, а так – в подозрительных ходим...

– Что вам говорят?

– Матросов, может, и отпустят: они тихие, – Ти-Жак хихикнул. – А мы с капитаном сидим до выяснения обстоятельств. Так как в наши обстоятельства ни один человек в здравом уме не поверит, считай – сидим пожизненно. А жизнь нам обещана доооолгая... А ты? Похоже, тоже не особо волен?

– Мне запрещено покидать город, – ответил Карререс. Ти-Жак покивал.

– Линять надо, – шепнул он, округлив глаза, и замолк.

– Надо. Но как? – осторожно подтолкнул его Карререс.

– У меня все почти готово, – горячо зашептал Ти-Жак. – Выташу и кэпа, и команду. Шуму будет! – усмехнулся он. – Но нам твоя помощь нужна, док. Ты на вид человек честный, тебе доверяют. Прикроешь... Доберемся хотя бы до Порт-о-Пренса – а там делай, что хочешь. Подходит?

– Хорошо, я помогу вам, – ответил Карререс.

– Поможешь... – кивнул Ти-Жак и ухмыльнулся. – Просто так можешь?

– Нет. Мне нужны карты. Или хотя бы приметы.

– Что ж ты у капитана не спросишь? – хмыкнул Ти-Жак и всмотрелся в лицо доктора. – А! Спрашивал уже! И как?

– Похоже, он и правда не знает, – с досадой ответил Карререс.

– И никто не знает. Я тоже не знаю. Но! – Ти-Жак поднял палец. – Я еще и не помню! А вот капитан весь путь держит у себя в голове. Да только разматывать может лишь по ходу дела.

– Вот как... – Карререс заходил по камере, припоминая рассказы Брида. Похоже было, что Ти-Жак не врал. Карререс потер лоб. – Но выбираться отсюда все равно надо.

– Так и я о чем, – оживился Ти-Жак. – Но когда мы сбежим, кэп не пойдет на Бимини, он бросится искать свою Реме. Так что я бы на твоём месте не рассчитывал... – Ти-Жак снова захихикал, ерзая и потирая руки. «Нет, нет, не рассчитывал бы», – повторял он, заходясь дробненьким смешком.

– В чем дело, Ти-Жак? – не выдержал Карререс. Боцман оборвал смех и сморщил лицо.

– Капитану снится Шеннон, – сказал он.

Карререс вздохнул. Смерть Шеннона не давала ему покоя – как ни крути, получалось, что матрос либо не обрел бессмертие, либо потерял его в пути – как? Где? С тех пор, как моряка вздернули на рее, Карререса терзали разочарование и надежда. Проклятого бессмертия можно было избежать. Или его не было вовсе, и все, что он думал о Бимини, – ошибка? Карререс не знал этого; сомнения и горечь застилали разум, мешая найти ответ.

– Зря он с нами дальше пошел, – сказал Ти-Жак. – Остался бы с этой индейской бабой, наделал бы ей детишек... Глядишь, и не помер бы, а? А может, и не помер? Может, вернулся? Мы тут сидим, как болваны, а он...

– Шеннон мертв.

Ти-Жак быстро взглянул на Карререса.

– Тебе, конечно, лучше знать. Но я вот думаю... – Ти-Жак замолчал, рассеянно уставившись в пол. Карререс отчаянно помотал головой.

– Это всего лишь сон, – сказал он.

– Тебе ли не понимать, Барон, что таким, как мы, просто так сны не снятся, – возразил Ти-Жак и вздохнул. – Кэп говорит: Шеннон ему по старой дружбе подсказал, где Реме искать. Добряк он был, видишь – простил, – Ти-Жак заговорил хриплым басом, передразнивая Брида. – Капитан что-то затевает, и чую – от его задумки нам всем туго придется...

Карререс поморщился. Он не брался судить, где – знаки, а где – пустой шум измученного сознания капитана. Ему самому Бимини иногда казался сном, и тогда доктор замирал от страха, ожидая то ли проснуться в своем доме в Порт-о-Пренсе, то ли обнаружить себя заблудившимся навеки в плотном светящемся тумане.

– В общем, док, в голове у капитана – бататова каша с перцем. Может так обернуться, что не увидать нам Бимини, как своих ушей. Если, конечно, ты не придумаешь, как туда попасть вообще без корабля, – Ти-Жак хитро поглядел на Карререса, и тот нахмурился. – Надзирателям скучно, почему бы им со мной не поболтать? – объяснил Ти-Жак. – Цирюльнику тоже скучно, а слушателей мало – в этом городе не слишком часто лечатся и еще реже бреются. Все болтают со всеми, вот и до меня доходит, что доктор из тюрьмы частенько покупает всякие колдовские травы, которые опьяняют сильнее любого вина, – а на вид вроде такой серьезный человек. И как? Есть ли у нас шанс унести на крыльях мечты?

– Я бы на твоём месте не рассчитывал, – передразнил Карререс.

– Я-то переживу, – ответил Ти-Жак, – я за тебя беспокоюсь. Тебе бы ту девку найти, – сочувственно сказал он. – Может, тебе тоже скажет, как Бриду.

– Певицу? – Карререс покачал головой. – Сам знаешь, дважды одну песню она не поет, а просить бесполезно.

Ти-Жак покивал.

– Да, влип ты, Барон, – сказал он.

– А ты не влип?

– Мне-то что, – пожал плечами Ти-Жак. – То есть я б не отказался, конечно... так что если вдруг найдешь путь – поделись по старой памяти.

– Да зачем тебе? Дорога тяжелая, просто так кататься? Не вилай, Ти-Жак.

– А я пейзаж не дорисовал! – нагло подмигнул боцман.

– И теперь покоя нет? Но ведь пейзаж – это не смешно, – поддел Карререс.

– Э, док, что ты понимаешь в смешных пейзажах... – ответил Ти-Жак, помрачнев.

Карререса вдруг осенила дикая догадка.

– Я видел такую красоту, что, кажется, вот-вот остановится сердце, или сойдешь с ума... – медленно и тихо сказал он как будто в задумчивости. Побледневший Ти-Жак поднял голову, с испуганным вниманием глядя на доктора. Карререс, утвердившись в своих подозрениях, продолжал: – Такую красоту, что кажется – стоишь на кончике иглы, и небо совсем близко. Слишком близко... И тогда надо смеяться, чтобы спастись, чтобы не видеть...

– Но я и так не вижу! – завизжал Ти-Жак. – Будь оно проклято, я больше не вижу! Все серо...

Тяжелый топот охранника и грохот дверей заглушили крик, и Ти-Жак испуганно замолк, едва слышно всхлипывая. Надзиратель, тяжело дыша, вломился в камеру и уставился на доктора.

– От жара повредился зрительный отдел головного мозга, больной страдает куриной слепотой, – ответил Карререс на безмолвный вопрос. – Пойду готовить лекарство.

Час спустя Карререс спустился в город. Нужно было навестить цирюльника, который приторговывал лекарственными травами с сомнительными свойствами, теми самыми, на которые намекал Ти-Жак. На этот раз цирюльник раздобыл кое-что новое. Растение, похожее на шалфей, доставили из Мексики, – его собирали в горах индейцы майя. Говорили, что, накурившись сухих листьев, они становились прорицателями и могли отправлять разум в путешествие по иным мирам. Впрочем, примерно то же самое говорили и об остальных растениях, которые приходилось пробовать Каррересу.

Доктор усмехнулся, удивляясь сообразительности боцмана. Он хорошо понимал, что даже если ему удастся вновь попасть в Пределы – можно годами обшаривать архипелаг, плутать по лабиринтам проливов, но так и не найти заветный остров. Попытаться вычислить дорогу на Бимини было все равно что смотреть на мощный фонарь: беспощадный свет, который делал явными самые глубокие и тайные закоулки, ослеплял, стоило только попытаться найти его источник. Путь надо было искать внутри себя. Карререс нуждался в инструментах; попытка использовать снадобья индейских, африканских и бог знает каких еще колдунов напрашивалась сама собой.

Во время этих поисков Карререс получил множество любопытных видений и два тяжелых отравления. Возможно, некоторым туземным шаманам действительно удавалось путешествовать с помощью волшебных растений; несколько раз Карререс и сам готов был поклясться, что его душа бродила по странным местам, а не погружалась в иллюзии, создаваемые отравленным мозгом. Но он уже догадывался, что опыты с растениями не принесут удачи, – грубое, неуправляемое воздействие годилось разве что для развлечения. «Крылья мечты», надо же, усмехнулся Карререс, припомнив карикатурно-выспреннюю физиономию Ти-Жака и пытаясь уловить еще смутную идею, которая семьдесят пять лет спустя приведет к попыткам внушить Гейне замысел новой поэмы.

Однако пока Карререс продолжал эксперименты. В одном из видений-путешествий он обнаружил себя в теле небольшой, но свирепой ящерицы. Это недоразумение вместе с воспоминанием о ряде бутылей, оставшихся в трюме «Безымянного», навело его на мысль о пересадке мозга. Он сам еще не знал толком, зачем это нужно, хотя идея о человеческом разуме в теле, например, птицы, казалась ему интересной; кроме того, это помогало коротать время, которое тянулось в Клоксвилле удивительно медленно. Одиннадцатая по счету мышь, пересаженная в геккона, выжила, хотя и вела себя странновато. Ее приходилось постоянно держать в банке с притертой крышкой, на которой всегда лежал медальон с копией орнамента, увиденного на Бимини. Выпущенная на волю, мышь (или геккон?) норовила сдохнуть, но, посаженная обратно в банку, становилась вполне бодрой. Карререс продолжал опыты и потихоньку налаживал приятельские отношения с могильщиками на местном кладбище, надеясь вскоре переключиться на более крупных и сообразительных животных.

После духоты, царящей в тюремных стенах, где даже во дворе воздух был неподвижен и тяжел, Клоксвилль казался напоенным ароматами. Карререс с удовольствием втягивал

ноздрями запахи свежего хлеба, стружки, дегтя; острый аромат сена, кожи и лошадиного пота, донесшийся от проезжавшей мимо двуколки, заставил его улыбнуться. Краски казались привыкшему к бурому камню глазу ослепительно-яркими.

Карререс неторопливо бродил по улицам, наслаждаясь ясной погодой и иллюзорным ощущением свободы. Соблазнившись запахами жареного мяса и пива, пообедал в прокопченном трактире и наконец, с сожалением поглядев на клонившееся к закату солнце, нога за ногу побрел к цирюльне.

Только выйдя на улицу с шуршащим пакетом в кармане, Карререс осознал, как встревожил его разговор с Ти-Жаком. В глубине души доктор надеялся на капитана Брида намного больше, чем казалось на первый взгляд. Эксперименты были лишь попыткой найти запасной выход, способом протянуть время до момента, когда удастся выбраться из Клоксвилля – и вытащить Брида. До сих пор Каррересу не приходило в голову, что капитан может и не захотеть возвращаться на Бимини.

На пустыре у подножия холма, где позже выстроили фабрику, Карререс ускорил шаги. Впереди меж низких ив дико чернели мачты «Безымянного». В который раз Карререс подумал, что извращенное чувство юмора губернатора было сродни тому, которым изводил себя и окружающих Ти-Жак. Только им можно было объяснить, как в голову этого человека пришло перевезти «Безымянный» в Клоксвилль. Теперь бриг стоял в пруду, который, хоть и был очень глубок, размерами ненамного превышал обводы судна, – то ли как памятник победе над последними пиратами, то ли как дань морскому прошлому губернатора.

Было грустно думать о том, что обшивка гордого и быстроходного брига бездарно гниет в пресной воде. Даже если побег удастся – капитан Брид больше никогда не поднимется на борт «Безымянного». Резко темнеющие на фоне палевых склонов реи напомнили о Шенноне, и беспокойство доктора возросло. Шеннон погиб; волшебство источника не спасло его. Значит ли это, что и остальные не бессмертны? Что, если капитан решит отправиться следом? Карререс уже почти бежал. Вряд ли удастся поговорить с капитаном; но можно хотя бы предупредить надзирателей...

Порыв ветра принес многоголосый крик. Карререс похолодел, узнав характерные хриплые вопли возбужденных зомби. Уже догадываясь, что безнадежно опоздал, доктор бегом пересек мост над ровом и забарабанил кулаками в ворота. Сквозь вопли мертвецов прорывался другой звук – кошмарный, леденящий нутро вой. Обдирая костяшки, Карререс снова ударил в ворота. Дверца в большой створке приоткрылась на ладонь, и в щели показался перепуганный глаз охранника. Узнав доктора, он поспешно раскрыл дверь. Крики, раньше заглушенные толстыми стенами, стали оглушительными. Карререс влетел в тюремный двор и застыл, глядя на испачканные кровью каменные плиты.

– Он в лазарете, с ним отец Кэрриган, – сказал за спиной охранник. В его голосе слышался плохо скрываемый ужас. – Живучий...

– Кто? – спросил Карререс, уже зная ответ.

Несколько дней назад надзиратель заметил, что капитан выглядит еще более изможденным, чем обычно. Брид был так бледен и отрешен, так стонал во сне, что об этом сочли нужным доложить коменданту крепости. Тот встревожился: смерть капитана не входила в его планы, разрушая смутные, но радужные мечты о некоем пышном суде, который бесповоротно показал бы, что с пиратами покончено навсегда.

Капитана явно донимала какая-то болезнь, но от врача он наотрез отказался, – стоило заикнуться о том, чтобы Карререс навестил Брида, как тот впал в настоящее буйство. Капитан так кричал, что здоров, как бык, что от него отступились, опасаясь, как бы это необъяснимое возбуждение не вогнало его в гроб. Не зная, что предпринять, комендант на всякий случай распорядился каждый день выводить Брида на прогулку.

Карререс будто наяву видел, как капитан чинно расхаживает по двору под присмотром двух вооруженных мушкетами стражей. Полуденное солнце раскаляло неподвижный воздух над каменными плитами, и он дрожал, пронизанный сверканьем слюдяных чешуек. Спасаясь от зноя, Брид и его охранники старались держаться в узкой тени крепостных стен,

сложенных из клоксвилльского известняка. В щели между потемневшими от времени блоками набилась земля, на которой проросли мелкие сорняки и несколько чахлых кустов. Пожелтевшие листья казались кружевными от проеденных в них дырочек и желобков.

– Гусениц нынче развелось, всю листву поели, – с брезгливой дрожью в голосе заметил один из охранников. Капитан вдруг живо обернулся и с мрачным любопытством уставился на надзирателей.

– Жуткие твари, правда? – сочувственно спросил он. Сбитый с толку надзиратель машинально кивнул, передернув плечами, и тут же на его рукав шлепнулась толстая косматая гусеница. Охранник громко завопил от страха и отвращения, пытаясь сбросить мохнатую тварь, и подавился криком, когда пальцы прошли насквозь, будто ее и не было. Он снова махнул рукой, но тут с кустов посыпались новые гусеницы. Второй надзиратель засмеялся, глядя, как напарник мечется, пытаясь отряхнуться, и вскрикнул: упавшая на шею гусеница оставила багровый ожог. Втягивая головы в плечи и изрыгая потоки ругани, охранники бросились прочь от стены.

Они вспомнили о своем пленнике через полминуты, но этого Бриду оказалось достаточно. Когда надзиратели спохватились, капитан уже стоял на крепостной стене, задумчиво рассматривая ров. Казалось, Брид прикидывает, как бы половчее прыгнуть в воду. Попытка побега была столь явной и дерзкой, что охранники, не задумываясь, сорвали с плеча мушкеты и прицелились.

Первый выстрел выбил из-под ног капитана фонтанчик каменной пыли. Капитан Брид обернулся, глядя на надзирателей сверху вниз. Шагнул к внутреннему краю стены. С отстраненным любопытством посмотрел на дыру в рукаве, пробитую пулей из второго мушкета. И нырнул вниз головой во двор.

Некоторое время стражники простояли с открытыми ртами, не в силах переварить случившееся. В их ушах звучал влажный стук, с которым голова капитана ударилась о камни. Брид лежал, странно вывернув шею, в невозможной, немыслимой позе, от одного взгляда на которую ныла спина. Из-под затылка медленно выбиралась струйка крови.

Очнувшись, старший надзиратель побежал докладывать начальству. Оставшись один, второй, изнывая от смеси любопытства, страха и отвращения, мелкими шажками приблизился к телу капитана. Он уже мог рассмотреть, как под окровавленными рыжими патлами медленно пульсирует что-то синевато-перламутровое, когда Брид открыл глаза и закричал.

Бессвязно бормочущего охранника уложили в двуколку и отправили домой. Не замолкающего Брида на одеяле перетащили в лазарет. Нести пришлось коменданту и священнику – остальные боялись подходить к капитану. Но хуже всего были вопли и улюлюканье матросов с «Безымянного»: с момента, как Брид попытался покончить с собой, в тюрьме стоял нестерпимый гам, и ни угрозы, ни побои не могли заставить пленников замолчать.

Все это, заикаясь и вздрагивая, рассказал Каррересу по пути в лазарет один из охранников. Заканчивал он уже на пороге, удерживая доктора за рукав и нервно поглядывая на дверь, из-за которой доносились стоны Брида. Отделавшись от потеющего надзирателя, который уже не мог добавить ничего толкового, Карререс вошел в лазарет.

Отец Кэрриган встал навстречу, уступив место у койки. Карререс быстро осмотрел капитана и едва подавил истерический смешок. Сломанная шея, разбитый вдребезги череп. С такими повреждениями не живут – но Брид не только дышал, но и находил силы для крика. Вот оно, бессмертие. Карререс заглянул в пустые глаза капитана, и его сковал холодный ужас. От попытки представить, что сейчас видит и чувствует Брид, руки стали как деревянные; казалось, сосредоточься немного – и провалишься следом. Карререс на секунду плотно зажмурился, чтобы не видеть глаз капитана. Слегка придя в себя, он снял с шеи Брида медальон с портретом Реме и отбросил на тумбочку, подумав мельком, что теперь ни одна женщина в мире не сможет привести голову капитана в порядок. Стиснув челюсти, доктор принялся за бессмысленную работу.

Два часа спустя Карререс ушел в лабораторию и свалился на кушетку. Больше он ничего сделать не мог. В ушах звенело, перед глазами плыли радужные круги. Мускулы мелко дрожали от нервного напряжения. Тяжелая дверь между лабораторией и лазаретом приглушала звуки, но от усталости все чувства Карререса обострились, и он слышал не только капитана, но и бормотание отца Кэрригана, вернувшегося на свой пост. Карререс был уверен, что не сможет заснуть. Хорошо бы просто отлежаться, а потом с новыми силами попытаться изобрести хоть что-нибудь, подумал он и тут же провалился в тяжелый, дурной сон.

Брид продолжал кричать, когда несколькими часами позже доктор вернулся в лазарет. Склонившийся над капитаном молодой священник, услышав шаги, обернулся к Каррересу. Круглое лицо отца Кэрригана, обычно добродушное и румяное, было бледно, и на ввалившихся щеках блестели дорожки слез. Священник взглянул на Карререса расширенными от страха глазами.

– Неужели вы не можете облегчить его страдания? – спросил он.

– Я влил в него весь запас опиумной настойки, – ответил Карререс. – Такой дозы хватило бы, чтоб усыпить десяток лошадей... – Он тронул священника за плечо. – Вам нужно отдохнуть, отец Кэрриган. Идите домой.

– Я не могу оставить умирающего.

– Он не видит и не слышит вас, не осознает ваше присутствие!

– Да, но его душа...

– Его душа... – повторил Карререс и махнул рукой. – Поверьте, святой отец: уже поздно молиться за его душу.

Заглушая его слова, Брид снова протяжно закричал. Искалеченное тело капитана вытянулось под одеялом, на губах выступила черная пена. Отец Кэрриган отшатнулся и громко всхлипнул.

– Почему Господь допускает такие мучения? Почему не заберет его? – беспомощно спросил он.

– Вам этого лучше не знать, – процедил Карререс.

– Почему Он так жесток! – вскричал священник.

Не слушая больше, Карререс быстрым шагом вышел в лабораторию. Спустя полминуты он вернулся и протянул рыдающему священнику колбу с мутноватой жидкостью.

– Выпейте, это поддержит ваши нервы, – приказал он. Священник попытался отказаться, и Карререс рассвирепел. – Пейте! – рявкнул он. – Вы уже докатились до богохульства и скоро свалитесь с нервной горячкой!

Кэрриган, дрожа, осушил колбу и с выражением упрямой храбрости вновь повернулся к Бриду, пытаясь молитвами заглушить стоны капитана. Теперь в его голосе слышалось отчаяние. Душу священника разъедали сомнения. Не знающий подоплеки происходящего, он чувствовал опасность, грозящую его вере и душе, и пытался противостоять ей, как умел.

Карререс ждал, стоя в дверном проеме. Постепенно латынь Кэрригана становилась все бессвязней; веки набрякли, будто сделавшись неподъемно тяжелыми. Неожиданно священник потерял равновесие и клюнул носом, едва не упав лицом на грудь Брида. Кэрриган вскрикнул и попытался встать; ноги не держали его, но доктор уже был рядом. Подхватив священника подмышки, он волоком оттащил его в лабораторию и уложил на кушетку. Кэрриган, пробормотав что-то и всхлипнув, перевернулся набок, подложил ладонь под щеку и задышал тихо и размеренно.

Карререс вернулся в лазарет.

Постояв немного над койкой и дождавшись, когда Брид на минуту затихнет, он тихо окликнул капитана, но тот не отозвался. Глаза Брида закатились так, что не видно было зрачков; бледно-зеленое, как рыбье брюхо, рыхлое лицо было искажено гримасой – теперь, когда появилась наконец возможность присмотреться, Карререс понял, что это маска не боли, а ужаса. Он осторожно дотронулся до плеча капитана.

– Брид! – снова окликнул он. – Капитан! Я, Самеди, здесь. – Брид застонал, и сердце

Карререса застучало быстрее, подстегнутое глухой надеждой. – Я провожу тебя. Скажи дорогу – я провожу тебя на Бими...

Брид дико заорал, выгибаясь дугой и молотя руками по кровати. В ответ завывли, застучали в камерах; безумные вопли неслись по подземным коридорам тюрьмы. Доктор отшатнулся. Голова капитана болталась на переломанной шее, как тряпчатая; Брид походил на чудовищную марионетку из какого-то кошмарного спектакля, поставленного злобным сумасшедшим. За стеной жалобно застонал сквозь сон священник. Капитан кричал, не замолкая ни на секунду. Карререс почти видел, как обезумевшая душа капитана пытается прорваться сквозь туман, как все глубже погружается во тьму, навеки унося с собой тайну Бими.

Содрогаясь, он вышел из лазарета и поднялся во двор.

На доктора тут же налетел комендант. Его челюсть прыгала, глаза походили на двух белых мышей, загнанных в ловушку. Низенький и толстый, он подскакивал перед Каррересом, как одушевленный мяч.

– Вы ответите! – визжал он. – Что там у вас происходит, черт возьми?! Заключенные возбуждены. Половина надзирателей сбежала! Солдаты из внешней охраны вот-вот дезертируют! Вы доведете до бунта! – Карререс попытался пройти мимо, но комендант ухватил его за рукав. – Заткните его! – наклонился он к Каррересу и, дыша ромом, хрипло шепнул: – Или убейте!

Сквозь шум Карререс едва расслышал тихий злобный смешок, несущийся будто из-под земли. Взглянув вниз, он увидел в полуподвальном окне лицо Ти-Жака. Прижавшись лицом к решетке, карлик кривлялся и корчил рожи, не переставая хихикать.

Задев плечом коменданта, Карререс молча пересек двор и поднялся на стену. Оказавшись наконец в одиночестве, он обмяк, и на бесстрастном лице проступило отчаяние. Крупно задрожали руки. Карререс взглянул на плиты двора, ужасающе твердые даже на вид. Показалось, что на них еще видны бурые пятна: иллюзия, солдаты тщательно вымыли двор, чтобы не волновать узников.

Прохладный ветер, обдувавший вершину холма, ударил в лицо. Поначалу он показался даже приятным, но очень быстро Карререса начало знобить. Однако он не спешил спуститься вниз, несмотря на то, что от ледяных порывов слезились глаза и ныл лоб: гул ветра в ушах заглушал шум, доносившийся из тюрьмы.

Карререс привалился к парапету, бездумно глядя на горизонт. Россыпь домов под горой, белые точки вилл, окруженных садами, белый шпиль недавно построенной церкви на площади. Порыв ветра отразился от склона, принесся зловоние заросшего тиной рва под стеной, и Карререс невольно опустил глаза. По затянутой ряской илистой воде скользила лодка, кое-как собранная из обломков дерева и кусков парусины. Два развеселых оборванца ставили сети. Тот, что помладше, заметив человеческую тень на воде, задрал голову.

– Господин доктор, – крикнул он, сверкая зубами на смуглом лице, – что за шум сегодня? Черти со сковородок сбежали?

Карререс покачал головой. Второй рыбак дернул товарища за рукав: поплавки из крашеного дерева, отмечающие сеть, резко ушли в мутную воду. Забыв о докторе, рыбаки бросились вытягивать добычу. Вскоре на дне лодки, тяжело вздымая брюхо и разевая рот, лежала крупная рыба. Ее бледная кожа, почти лишенная чешуи, неприятно лоснилась, будто от пота.

Карререс впился пальцами в парапет и провел языком по пересохшим губам.

– Сколько возьмете за эту рыбку? – хрипло крикнул он.

– Да зачем вам, господин доктор, у нее мясо тиной воняет! Вы же на рынке себе хорошую купите.

– Мне нужна эта. Сколько?! – нетерпеливо крикнул Карререс. Рыбами судорожно поводила быстро сохнувшими жабрами, и ему казалось, что он сам задыхается, лишенный воздуха.

– Да пятака хватит, – пожал плечами старший рыбак. Рыбина забила, стуча хвостом о

борт, и младший занес шест над крутолобой головой. Страшный вопль Карререса заставил его руку дернуться, и шест обрушился в дюйме от хрупкого черепа.

– Живьем, – прошептал Карререс и торопливо откашлялся. – Она нужна мне живой! – крикнул он, срывая голос. – Заверните в мокрые тряпки, быстро!

Рыбаки, переглянувшись, пожали плечами и принялись за дело. Рыбу, обернутую в мокрое тряпье, уложили в сеть и на веревке подняли на стену. Карререс торопливо швырнул в лодку монету и чуть ли не бегом ринулся вниз.

– Это не пятак, – растерянно пробормотал младший из рыбаков, пробуя тяжелый кругляш на зуб.

– Пойдем-ка отсюда от греха, – ответил второй и шестом начал толкать лодку к берегу, оглядываясь и прислушиваясь к шуму за тюремными стенами.

– Да сделайте же что-нибудь! – завизжал комендант, снова преградив путь Каррересу. – Сделайте хоть что-нибудь!

– Прочь с дороги! – взревел разъяренный доктор, пытаясь обойти тюремщика. Мокрый сверток в руках забился, и из-под тряпок блеснул рыбий хвост. Глаза коменданта полезли на лоб.

– Аааа, – запел он, – решили пообедать? Самое время...

Он пошел на Карререса, шумно раздувая ноздри. Скрюченные пальцы протянулись к свертку. Прижав рыбу к груди одной рукой, Карререс коротко размахнулся. Пощечина прозвучала неожиданно звонко. Поперхнувшись, комендант отступил и с размаху сел на землю; глаза его остекленели. Помедлив и убедившись, что комендант приходит в себя, Карререс бросился в лабораторию.

Грохнули тяжелые засовы, запирая изнутри обитую медью дверь. Карререс зачерпнул воды из резервуара в углу, бережно опустил в банку рыбу. Потом, стиснув челюсти и отворачиваясь, перетащил вопящего Брида с лазаретной койки на большой мраморный стол посреди лаборатории. Подкатил маленький столик, разложил на нем инструменты. Руки ходили ходуном так, что Карререс дважды уронил скальпель и едва не перевернул бутылку с сулемой.

Наконец все приготовления были закончены. Дальше медлить было нельзя. В запертом помещении вопли Брида звучали оглушительно, и Карререс чувствовал, что качается на грани. Протянуть еще немного – и в лучшем случае его ждет истерика, как у ничего не понимающего коменданта. В худшем же... Карререс уже чувствовал, как Бريد утягивает его за собой. Воздух в лаборатории казался густым, как будто туман, в который погружался разум Брида, рвался в реальность.

«Не так», – прошипел Карререс сквозь зубы. На кушетке зашевелился отец Кэрриган, распахнул на секунду по-детски прозрачные глаза. «Сложу с себя сан», – сказал он и вновь провалился в опиумный сон. Вытащив из шкафа потрепанную тетрадь, Карререс тяжело опустился на стул и вытер пот. Перелистал несколько страниц, испещренных записями и схемами. Все, с чем он возился последние месяцы, потроша лягушек и мышей, еще не зная толком, зачем, стало отчетливым и неизбежным. Память и разум были ясны как никогда. Карререс вытянул перед собой ладони. Руки не дрожали больше; пальцы казались твердыми, как железо.

ЧАСТЬ 3

Глава 26

– Вот так, Элли... Рыба должна была стать компасом, ведущим на Бимини. Ти-Жак, убегая, бросил факел в пороховой погреб и исчез. Впрочем, я не пытался отыскать его – зачем? Если бы я знал, что рыба у него... А так – я пытался найти свой путь. Продолжал опыты, начатые в Клоксвилле. Но ни волшебные вещества, ни чудеса слова, ни попытки

погружения в себя, ни шаманские ритуалы – ничто не сработало. К тому времени, как открыли ЛСД, я уже только смеялся... Все это – слепые тыканья носом: в лучшем случае впустую, в худшем – чтобы заблудиться на пути. Тайна дороги на Бимини навсегда похоронена в мозге Брида.

– И что ты делал все это время? – тихо спросила Элли.

– Тянул вечность, как умел, – грустно улыбнулся Карререс. – Практиковал... Ну да, нелегально. Однажды даже был полковым врачом – совсем недавно, во время войны Эквадора с Перу. Сама понимаешь – мне приходилось часто переезжать с места на место и жить в тех странах, где на бумаги обращают не слишком много внимания. Если это не купюры, конечно. Сначала было легко. Я довольно долго пожил в Европе, и никто ко мне не приставал. Но последнюю сотню лет... – Карререс раздраженно махнул рукой. – В конце концов мне пришлось выправлять себе фальшивый паспорт и диплом, а то совсем уже покоя не давали.

– Да, это неприятно, – сочувственно кивнула Элли.

– Неприятно было в семидесятых, когда Папа Док начал рыться в архиве собора Санта-Мари. Откопал старые записи, сделанные священниками. Среди них был дневник отца Женье... Невежество в комплекте с живым воображением – страшная вещь... ему бы Ти-Жака в министры! Нормальному человеку и в голову не пришло бы меня искать. Но Папа Док второго Барона Субботу, сама понимаешь, потерпеть не мог. За мной несколько лет гонялись полусумасшедшие негры в черных очках, которые размахивали ножами направо и налево...

– Тонтон-макуты? – ахнула Элли. – Но как они тебя нашли?

– На Папу Дока не самые плохие бокоры работали, – ответил Карререс. Физиономия Элли вытянулась; девушка нахмурилась, пытаясь понять, не разыгрывает ли ее доктор. Заметив это, Карререс иронически поднял брови: – Элли, в трех метрах от тебя сидит зомби. Да и я не совсем обычный человек, кажется...

Элли затравленно взглянула на одеревеневшего в подобии сна Гая и сникла. Почему-то поверить в колдунов на службе у диктатора Гаити было намного труднее, чем в приключения Карререса.

– А все эти снадобья, которые ты закупил у отца? – спросила она, отчаявшись разобраться в извивах собственной психики.

– А, – махнул рукой Карререс, – надо же было чем-то заниматься. И, главное, – ну не притворятся же ипохондриком! – Элли расхохоталась. – А мне позарез был нужен повод познакомиться с барышней Нуссер, – подмигнул доктор.

Элли потупилась, порозовев.

– Не понимаю... – проговорила она, пряча улыбку.

– Боюсь, что действительно не понимаешь, – внезапно помрачнел Карререс. Элли стало неуютно, и она нервно заерзала по дивану. У Карререса было лицо человека, который никак не может решить, стоит ли делиться неприятной новостью. Надеясь отвлечь доктора, Элли спросила:

– Неужели больше никто не бывал там?

– Не знаю, – покачал головой Карререс. – Не знаю. – Он помолчал, пыхтя трубкой. – Думаю, в первый раз Брида спасла любовь к Реме, такая сильная, что отсвет ее смог даже защитить команду «Безымянного»... Если, конечно, это можно назвать спасением и защитой, – усмехнулся Карререс. – Не зря же он все время бредил о том, что она может его склеить заново. Думаю, если бы Бريد не влюбился в Реме... – он с новой силой захлопал трубкой, хмурясь и качая головой.

– То что? – не выдержала Элли. Карререс покосился на нее и тяжело вздохнул.

– Я могу только догадываться, – он снова замолчал, а потом заговорил с видимым усилием, морщась от каких-то воспоминаний. – Видишь ли, во многих старых психиатрических больницах бывают такие пациенты... Обычно они не могут уже ни говорить, ни ходить, – их мозг разрушен попытками решить какую-то невыполнимую для

человека задачу. Состояние кататонии, которое длится годами. Годами... Врачи уходят на пенсию, их сменяют молодые... Истории болезни теряются при переездах, ремонтах и прочем. Или кто-нибудь, заглянув случайно в документы, замечает явную несуряницу и исправляет опечатку в дате поступления. Это очень легко – убедить себя, что число, обозначающее год, ошибочно: пациент, конечно, старая развалина, но ведь настолько старых просто не бывает... И здравый смысл подсказывает выход. Но чаще бумаги просто теряются, так что и проверить ничего нельзя, – решительно закончил Карререс, взглянув на Элли, испуганно прикрывшую рот ладонью.

– Если бы ты не зашил капитана в рыбину...

– Угу. Скорее всего, – невнятно ответил доктор, пытаясь подавить зевок, и Элли уткнулась лицом в ладони, чувствуя, как ей тоже сводит челюсти. – Так, барышня, – решительно сказал Карререс и посмотрел на часы. – Не пора ли нам спать? Тебе здесь удобно?

Элли кивнула, подгрести под себя подушку и от души, с поскуливанием зевнула. Сквозь слипающиеся ресницы она смотрела, как Карререс бродит по комнате, выключая уже не нужный свет. Сейчас он сядет рядом, погладит по голове, и можно будет уткнуться лицом в грудь, задремать в уютных объятиях... Элли снова взглянула на Карререса, стоящего на пороге спальни, и у нее перехватило горло.

– Ааа? – протянула она.

Карререс улыбнулся и закрыл дверь.

Глава 27

Клаус достал игуану из террариума. Элли отшатнулась; ящерица, извернувшись, выскользнула из рук отца, с глухим стуком упала на пол и побежала к ней, широко разевая пасть. Следом наступал Клаус. Игуана подбежала к самым ногам и хотела уже вцепиться в лодыжку; Элли с криком задргала ногой, с грохотом сбивая какие-то склянки. «Все в порядке, только не шуми», – сказал доктор Карререс и крепко сдвинул плечо. Элли зажмурилась, потянулась, сбрасывая плед, потерлась щекой о горячую сухую ладонь. Вздохнула, просыпаясь, и заулыбалась. «Анхельо», – пробормотала она и потянула за рукав.

– Тихо! – прошипел Карререс.

Элли открыла глаза. Она лежала на диване в залитой пасмурным дневным светом гостиной доктора. Плед обмотался вокруг ног, и бахрома лезла в нос, а пятки были ледяные – похоже, так и заснула утром, не в силах даже нормально укрыться. Карререс стоял над ней и напряженно прислушивался. Снова раздался глухой удар, и посыпалось битое стекло. Звук доносился откуда-то снизу, из подвала.

Карререс чуть пригнулся, скользнул к выходу из комнаты, и в его руке тускло блеснул нож. Элли зажала рот рукой – страшно и дико было смотреть, как привычно доктор держит – не нож даже, а чуть изогнутый кинжал, явно предназначенный для того, чтобы убивать.

– Это в лаборатории, – негромко сказал Карререс. – Вставай. Будь готова бежать.

Обмирая, Элли выбралась из-под пледа. Она одернула свитер, нашарила под диваном кроссовки. Карререс все еще стоял у двери, похожий на взведенную пружину, – Элли увидела, как напряглись под рукавом мышцы, и рассердилась на себя, почувствовав неуместное возбуждение. Доктор скользящими шагами вышел из комнаты.

– Мне всегда нравились нежные интеллигентные мальчики, – пробормотала Элли и впиалась зубами в костяшки пальцев, давая истерический смех.

В доме стояла мертвая тишина. Остатки сна постепенно исчезали, уступая место страху. Герберт? Или пираты? Рассвирепевший от выходок дочери Клаус? Что они ищут в лаборатории? Вспомнив нож в руке доктора, Элли похолодела.

Она на цыпочках подкралась к двери и выглянула в коридор. В подвале вдруг тоненько вскрикнули, и тут же донеслась ругань Карререса. Быстрый топот, звон отброшенной на каменный пол стали и снова испуганный, плаксивый писк. На лестнице появился

разъяренный доктор. Он держал за ухо насуспенного мальчишку лет десяти; тот громко шмыгал носом и стрелял глазами по сторонам, высматривая путь к бегству, но Карререс держал крепко. Он втолкнул пленника в гостиную и захлопнул дверь.

Мальчишка скользнул взглядом по Элли.

– Здравсьте, – буркнул он и с надеждой покосился на приоткрытое окно.

Карререс уселся в кресло и сложил руки на груди. Под маской напускной строгости мелькало какое-то странное выражение, причудливая смесь сосредоточенности и досады. Как будто решает кроссворд и не может вспомнить слово, что вертится на языке, подумалось Элли.

– Ну, Венни, – проговорил Карререс, – расскажи нам, что ты делал в моей лаборатории.

– Ничего, – ответил Венни и устался в пол.

– Так-таки ничего не делал? Просто так забрался ко мне в подвал, никому ничего не сказав? Замечательно! Мне как раз нужен мальчишка на опыты...

Элли обомлела. Совсем обалдевшая от нагромождения событий, все еще потрясенная зрелищем Карререса, готового драться и убивать, она уже готова была поверить, что доктор говорит всерьез. Карререс, будто почувствовав ее ужас, еле заметно подмигнул. Элли шумно выдохнула и сильно потерла лоб, пытаясь вернуться в привычную реальность.

– Так вы все-таки вивисектор, да? – уточнил Венни. На его физиономии ужас мешался с восторгом. – Хотите сделать из меня жуткое чудовище и продать пиратам?

– Любишь комиксы, да? – хмуро спросил Карререс. Венни просиял:

– Очень! Про супермена, и доктора Моро, и про чудовищных зомби, и про...

– А где Гай? – спохватилась Элли.

Карререс оглядел гостиную и шепотом выругался.

– Утопал по своим делам, – сказал он. – Надеюсь, у него хватит ума не попадаться на глаза знакомым и полиции. Только этого нам не хватало.

– А я думала, зомби не могут действовать сами, – растерянно сказала Элли.

– Могут. Если жизнь в тело вдохнуть, а душу не захватывать, – ответил Карререс. – Другое дело, что это почти никому не нужно и, – он выразительно взглянул на Элли, – очень мало кому доступно. Такой мертвец может быть вполне независимым от хозяина – после небольшой адаптации.

– Так не бывает, – авторитетно встрял Венни, который внимательно слушал их разговор. – Они же думать не умеют, только приказы выполнять.

Карререс глубоко вдохнул.

– Венни, – выдавил он, – а не пора ли тебе домой?

– Я не могу домой, – потупился тот. – И на улицу не могу – вдруг засекут.

– Засекут? Ах, да. Так тебе же не привыкать? У тебя на физиономии большими буквами написано – «прогульщик».

Мальчишка засопел.

– Мама сказала, что еще раз – и она меня будет за руку в класс отводить, – сказал он дрожащим голосом. – Можно, я еще на полчаса останусь? У меня через полчаса уроки кончаются...

Карререс безнадежно махнул рукой и молча ушел на кухню. Вскоре оттуда донеслось позвякивание и вой какого-то прибора.

Элли с подозрением повертела в руках стакан с густой светло-фиолетовой жидкостью.

– Ужас какой, – сказала она и покосилась на Венни. Поймав ее взгляд, мальчишка с видом мученика поднес стакан к губам, отхлебнул и зажмурился. Видно было, что он до одури боится на месте превратиться то ли в человека-паука, то ли в чудовище Франкенштейна, и будет страшно огорчен, если этого не произойдет.

– Вкусно, – разочарованно сказал Венни и обиженно поглядел на Карререса.

– Еще бы, – ответил доктор. – Это батидос, – бесполезно пояснил он.

– Ужасно люблю батидос, – решительно заявил Венни. – А этот ваш зомби будет

нападать на людей? – с надеждой спросил он. Элли вздрогнула и тоже вопросительно взглянула на Карререса.

– Вряд ли, – ответил доктор.

Венни шумно вздохнул, демонстрируя разочарование.

– Ты допил? – спросил Карререс. – Полчаса прошло. Извини – у нас с Элли дела.

– А можно...

– Нет, – отрезал Карререс. Венни опять испустил душераздирающий вздох и перехватил вдруг засиявший взгляд Элли.

– Аааа, – уныло протянул он, – так бы сразу и сказали.

Он сполз с кресла и нога за ногу побрел к дверям, то и дело оглядываясь – очевидно, ожидая, что ужасный вивисектор найдет занятие поинтереснее и передумает его выгонять.

Однако Карререс был неумолим. Как ни тянул Венни, как ни заглядывал в лицо, доктор выставил его на улицу. Вернувшись в гостиную, он выдохнул, закатив глаза, и залпом допил свой батидос.

– Какой настырный мальчишка, – нежно проговорила Элли. – Откуда он тебя знает?

– Приводили на консультацию, – рассеянно ответил Карререс. – Дело не в настырности. Он – потомок Шеннона... – Карререс на мгновение задумался, погрузившись в себя, а потом взглянул на все еще сияющую Элли. Увидев ее полный стакан, он удивленно поднял брови.

– Допивай, – сказал он, – нам пора идти.

– Куда? – удивилась Элли.

– Думаю, надо на Пороховой холм.

– А зачем?

– У тебя есть другие идеи? – с любопытством спросил Карререс.

– Ну, – замялась Элли, – я думаю, надо позвонить папе, предупредить, что задерживаюсь... – она говорила все тише и неуверенней, съезживаясь под горящим от возмущенного удивления взглядом Карререса. – Он же полдня за прилавком, его подменить пора... – совсем упавшим голосом добавила она.

– Допивай давай, – нетерпеливо повторил Карререс.

Элли еще раз понюхала напиток и отодвинула стакан.

– Извини, Анхельо, – сказала она, – но я как-то...

– Ты этого не пробовала и не будешь, – подхватил Карререс, – потому что не будешь. Потому что раньше такого не пила. Да?

– Неправда.

– Правда! – рявкнул Карререс. – И так во всем! Это всего лишь горсть ежевики, взбитая с молоком, и даже ее ты не можешь принять! Что уж говорить об остальном... Элли, ты, вроде бы, неглупая девушка, – сказал Карререс перехваченным голосом. – Но таких упертых... – он замотал головой, все еще силясь сдержаться, и махнул рукой: – Таких упертых баррранов... Я триста лет живу, но таких еще не встречал. Готова притворяться слабоумной, лишь бы не смотреть правде в глаза! Клаусу не нужно вынимать и пересаживать твои мозги, ты прекрасно делаешь это сама! Куда ты их засунула? В холодильник? Завернула в тряпочку и положила в шкаф? Приготовила на обед с горошком? Чем ты думаешь? Ты вообще, черт тебя возьми, думаешь?! Зачем я распинался полночи? Чтобы развлечь тебя сказками?!

Она всхлипнула, и Карререс замолчал, расхаживая по комнате. Элли дрожащим голосом проговорила:

– При чем здесь ежевика? Ничего не понимаю.

– Ежевикой я пытался накормить тебя на завтрак, вот и все. Но я рассказал столько, что об остальном ты должна бы уже догадаться. Все ведь очевидно.

– У меня голова кругом идет, – жалобно ответила Элли. – Я даже не знаю, в какую сторону надо догадываться, – Карререс сердито фыркнул, и Элли всплеснула руками: – Я же поверила тебе! Только не понимаю, причем здесь я и чего ты от меня хочешь.

Карререс, зарывав, схватился за голову.

– Ну конечно! – воскликнул он. – Что тебе заботы чокнутого доктора... Что до того, что источник иссяк, оставшись без присмотра...

– Я же не виновата!

– Нет. Виноват я. Может быть, виноваты Реме и Брид. Но не ты.

– Тогда почему? Зачем ты все это мне рассказываешь? Зачем перевернул мою жизнь вверх дном?

– Конечно. Какое дело наследной принцессе Бимини до ошибок... Что? – оборвал он сам себя, заметив потрясенный взгляд Элли.

– Я?

– Упертый баран, – проговорил Карререс, глядя в пространство. – Ты правда думаешь, что я рассказывал байки о тезде твоей матери?

– Но ведь я никогда не слышала зова... Ой, – вдруг сказала Элли и замолчала, прикусив палец и глядя расширенными глазами в пол. Карререс резко развернулся к ней, всмотрелся в озадаченное лицо и азартно оскалился.

– Давай, вылезай из домика, Элли. Обратно не полетит, – сказал он. Вздыхнул: – Мне очень нужно вернуть Бимини. Но тебе это, может быть, еще нужнее. Я бы не стал вытаскивать тебя из раковины так грубо, если бы не был уверен... – увидев, как Элли сердито передернула плечами, он грустно усмехнулся. – Это твой единственный шанс стать собой. Решайся. Ты ведь чужая здесь, и сама это чувствуешь.

Элли вздохнула.

– Мне всегда казалось, что если я полюблю по-настоящему – и так же полюбят меня – я перестану быть чужой. Найду свое место, понимаешь? Больше не будет холодно и больно... Как будто любовь – это дверь, в которую можно проскользнуть, чтобы очутиться в теплом доме, где захочется остаться. Но она раз за разом захлопывается под самым носом, и мне становится еще хуже, чем было. И из-за этого со мной никому не удобно. Вот и Герберт...

– Ты любила его?

– Я старалась, – мрачно усмехнулась Элли. – Я просто хочу жить... по-человечески. Не чувствовать, как меня... выдавливает куда-то.

– Может, для этого надо пойти туда, куда тебя толкают? Ты можешь сделать вид, что не слышишь зова. Но если ты попытаешься проскользнуть в ту дверцу, за которой тебе почудится любовь... – Карререс замолчал и сморщился, будто жалея, что заговорил.

– То что?

– За дверью тебя будет поджидать Бимини.

Элли замерла, глядя на Карререса широко раскрытыми глазами, потом покачала головой.

– Значит, жить, как ты? Но ты-то смирился!

– Зачем – как я? Как многие. Думаешь, все люди находят свой дом? Большинство просто привыкает жить в скучных гостях. Я тоже хочу найти дом, Элли. Но должен исправить то, что натворил, иначе покоя не будет.

– Будет ли он потом?

– Не знаю. Я проклят, Элли, и не знаю, можно ли избавиться от проклятия.

– А я? Тоже? Но за что? Я же не виновата, что Реме сбежала! Это нечестно!

– По-человечески – да. Нечестно, несправедливо. Но какое дело силе Бимини до того, что думают о ней люди?

Элли помолчала, глядя в пол и сжимая виски. Подняла глаза на Карререса.

– Что именно я должна делать?

– Пойти со мной. Помочь найти путь и восстановить источник.

– И остаться там навсегда? Одной?

– Не знаю, – ответил Карререс. – Может быть, не навсегда. Ведь Реме пришла туда, чтобы заменить кого-то...

Элли горько усмехнулась.

– Два вопроса, – проговорила она. – Нет, три.

– Спрашивай.

– Если я откажусь, – начала Элли, с трудом выбирая слова. – Если я сейчас встану, вернусь домой и все забуду. Ну, не забуду, а стану думать, что это просто неважное приключение... понимаешь?

– Ну, ну, дальше, – подогнал Карререс. Элли набрала воздуха:

– Я смогу жить как раньше?

– Да, – неохотно кивнул Карререс. – Никто и ничто не может тебя заставить. Так же, как твою мать ничто не смогло остановить, когда она сбежала. Долгая жизнь, муж, ребенок, все как у людей. Думаю, она до сих пор жива. – Он вздохнул и через силу продолжил: – Я даже не буду говорить, что ее исчезновение и опасные чудачества твоего отца – расплата за отказ от роли хранительницы. Скорее всего – но полной уверенности у меня нет. Может быть, тебе это не грозит. Может, ты сможешь отделаться от отца или переубедить его. Может быть, ты даже научишься быть довольной тем, что есть, и жить... по-человечески. Я ответил?

– Да.

– Второй вопрос?

Элли потупилась.

– Зачем ты занялся со мной любовью? Зачем вообще делал вид, что... – голос Элли прервался, и она зажмурилась в ожидании.

– Чтобы ты начала доверять мне. Чтобы у тебя появилось желание слушать и слышать меня, – помедлив, сухо ответил Карререс, и Элли обмякла, будто из нее разом выдернули скелет.

– Замечательно, – прошептала она, и ее губы затряслись. – Просто замечательно.

– Это что-то меняет? – спросил Карререс после паузы, заполненной тихим плачем.

– Не знаю, – ответила Элли, не поднимая глаз.

– Что еще? – сердито спросил он. Элли снова всхлипнула и криво улыбнулась сквозь слезы:

– У тебя штаны какие-нибудь найдутся?

Карререс вышел из гостиной. Минуту спустя он вернулся и молча бросил на колени Элли джинсы и легкую куртку. Буркнув «спасибо», Элли оделась, подвернула штанины и рукава. Подошла к окну и задумчиво уставилась на улицу, сунув руки в карманы.

– Ты сама в это влезаешь, – пробормотала она себе под нос.

– Что? – переспросил Карререс. Элли покачала головой.

– Хорошо, говорю, что погода наладилась, – сказала она через плечо. – В дождь на Пороховом Холме невыносимо.

– Я помню, – ответил Карререс, и Элли уловила в его голосе тень улыбки.

Глава 28

Когда-то вокруг Порохового Холма был прорыт ров, но дожди размывали голые склоны, и песок с галькой, нанесенные с вершины, вместе с обломками разрушенных стен постепенно заполнили русло. Теперь только тихий ручей, обрамленный корявыми серебристыми ивами, отделял холм от города. Карререс и Элли перешли его по узкому – только-только проехать легковой машине – мосту. Здесь асфальт кончался. Песчаная дорога, выбравшись из ивняка, полого петляла по палевым волнам сорной травы, покрывающей изрезанный оврагами склон. Пахло полынью и мокрой землей. В прозрачном холодном небе темным крестом висел канюк, и иногда вниз приносились его тоскливые вскрики. Единственным ярким пятном здесь был одноэтажный домик в окружении нескольких каталып и уже побагровевших кленов. Он выглядел маленьким и каким-то заброшенным.

– Кто здесь живет? – спросил Карререс, кивая на едва заметную за деревьями черепичную крышу.

– Не знаю, – ступевалась Элли. – Я тут всего лишь один раз была, и то в детстве. Знаю

только, что дорога ведет к развалинам тюрьмы, но это и так понятно...

– Странно. А я-то думал, здесь успели поиграть все дети Клоксвилля.

– В общем-то да. Особенно мальчишки, те, кто постарше, – ответила Элли. – Мои друзья здесь часто играли. Гай... Герберт. Один раз они взяли меня с собой. Было ужасно весело – там такие коридоры, знаешь, и всегда можно найти какую-нибудь интересную штуку, и здорово играть в прятки. Но я сдуру проболталась папе. На этом все и закончилось. Папа страшно кричал, в какой-то момент я даже думала, что он меня ударит. Запретил не то что подниматься к тюрьме, а даже на ручей ходить. Мальчишкам, конечно, тоже не разрешали лазать по развалинам – опасно и все такое, – но не так... не так яростно, – Элли смущенно пнула подвернувшийся под ногу камешек. – И они, само собой, не слушались. Они еще звали меня с собой несколько раз, но я очень уж боялась, что папа опять рассердится, все время отказывалась, и они перестали... Знаешь, это глупо, но когда он сам повадился туда лазать, я очень злилась и обижалась, – грустно улыбнулась она. – Ему, значит, не опасно? Нечестно же так...

– А кстати, ты не помнишь, с чего вдруг у него появилась такая идея?

– Ну, папа всегда говорил, что доктор Анхельо... то есть ты – гений, – Элли с лукавой улыбкой покосилась на Карререса, но тот оставался серьезен. – Собирал все легенды, перечитал все записи, которые хранились в музее – ну, знаешь, типа доноса трактирщика после взрыва тюрьмы – вроде как ты был алхимиком и взорвал все нарочно, а он не виноват и просит помиловать...

– Мелкий мерзавец! – буркнул Карререс. – Ничего удивительного...

Элли обалдело взглянула на доктора, потом сообразила:

– Ах да, ты же был с ним знаком... – она потрясла головой. Никак не получалось увязать бледные строчки на хрупкой побуревшей бумаге, от которой пахнет древней пылью, – будто из библиотеки привидения, – с живым и вполне материальным Анхельо.

– Но каков подлец! – горячился Карререс. – Впрочем, у него были резоны трястись за свою шкуру. Я покупал у него иногда всякую мелочь, – туманно пояснил он. – Извини. Рассказывай дальше.

– Ну вот, – папа перечитал кучу всяких таких бумаг и вообще всегда был твоим фанатом, – продолжила Элли. Нахмурилась, постучала костяшками пальцев по зубам, пытаюсь припомнить. – Кажется, все началось из-за Гая, – сказала она. – Герберт, когда вырос, забросил это, а Гай... Он настоящий маньяк... был? – Элли задумалась.

– Не важно, – отмахнулся Карререс.

– Короче, Гай немножко подвинулся на всех этих раскопках, не вылезал из музея и все мечтал найти пиратские сокровища. Представляешь, он записывал детские считалки – говорил, что в них зашифрована вся информация, и надо только догадаться, как извлечь ее. У него аж глаза светиться начинали, когда он рассказывал – вот, мол, где-то в катакомбах запрятан сундук, набитый старинными монетами, да не простыми... Ну что ты смеешься? Думаю, ему этот сундук не очень-то был нужен, просто нравилось искать.

– Думаю, до сих пор нравится, – вставил Карререс.

– Может быть... Гай все время, когда не торчал в музее, крутился вокруг холма. И конечно, стоило ему что-нибудь найти, как об этом чуть ли не весь город узнавал: он носился по знакомым, хвастался, расписывал, где нашел, как да до чего это важно... Гай опасался лезть в засыпанные подвалы, зато додумался просеивать песок со дна ручья. Наверное, он перекопал все русло, и не один раз, – улыбнулась Элли.

Карререс окинул взглядом склон.

– Насколько я помню, в подвалах были сделаны стоки, – проговорил он. – Вода и отходы сливались в ров. Так что вполне возможно, что дождями могло вынести какую-нибудь мелочь – крыши-то нет, во время дождей наверняка все затоплено... – он снова посмотрел на вершину, огляделся по сторонам.

– Когда Гай раздобыл решето, как у золотоискателей, оказалось, что унесло довольно много, – кивнула Элли. – В основном чепуху – ложки, пуговицы, черепки, осколки колб из

лаборатории того ужасного доктора... о-пс, – смутилась Элли. – Я все никак не привыкну, что это ты, – пробормотала она. Карререс тихо фыркнул. После небольшой заминки Элли продолжала:

– Представляешь – среди всякого мусора он нашел золотой медальон. Маленький, но очень красивый, с узорной крышечкой. Гай прибежал в аптеку, и они с отцом вместе отчистили медальон от грязи... Да что ты все оглядываешься? – встревожившись, Элли тоже завертела головой.

– Показалось, – отмахнулся Карререс. – Почему Гай первым делом пришел к вам?

– Случайно, – пожала плечами Элли. – Сильно порезался, когда рылся в решетке. Я помню, как мы толкались у раковины: Гай лез отмывать медальон сам, намочил бинты, и папа ворчал, что если он не уgomонится, придется перевязывать заново. Он сам отчистил узор старой зубной щеткой, очень аккуратно, только Гай все равно волновался, конечно. А потом крышка открылась, и мы увидели, что внутри спрятана гравюра, портрет какой-то женщины... Думаю, тот, кто сделал эту гравюру, был большой художник, – задумчиво сказала Элли. – Знаешь – это был очень простой портрет, никаких украшений, только лицо. Она как бы выступало, сплеталось из темноты... Очень красивое лицо, и очень странное. Как будто если долго смотреть на него, то увидишь что-то за... или попадешь куда-то. Только вот... – Элли замялась, покачала головой, не находя слов, не уверенная, что уловила настроение художника, а не стала жертвой иллюзии.

– Оно показалось тебе знакомым? – быстро спросил Карререс.

– Нет, с чего бы? – удивилась Элли. – А вот папе, по-моему, да, – вздохнула она и удивленно рассмеялась: – А! Это был портрет Реме? Мамы?

– Судя по описанию – да. Ти-Жак и правда был большим художником. Мог быть, если бы не побоялся, – уточнил Карререс. Элли кивнула, вновь вспомнив едва уловимый налет карикатурности – словно прозрачная плесень, покрывающая еще свежий на вид кусок хлеба.

– Папа как будто обрадовался и испугался одновременно – а еще рассердился, – продолжала она. – А потом вдруг начал клянчить медальон у Гая. Пытался купить... Потом делал вид, что забыл его на столе, что уронил в слив раковины, – в общем, вел себя страшно глупо и некрасиво. Гай просто сбежал и еще долго обходил аптеку стороной. Уж больно неловко было смотреть, как папа всеми правдами и неправдами выманивает эту штуку. В общем, Гай удрал и унес портрет, чтобы выставить его в самой лучшей витрине.

– Так с тех пор медальон в музее?

Элли кивнула, и на лицо Карререса набежало облачко. Он снова оглянулся, потом прищурился на домик среди кленов, будто соизмеряя расстояние, с досадой покачал головой.

– Это плохо? – спросила Элли.

– Это неудобно. Понимаешь, когда Ти-Жак делал оболочку для миниатюры, его состояние... Сейчас бы это назвали «тяжелым творческим кризисом», – усмехнулся Карререс. – Придумывать свое он уже не мог, и в поисках вдохновения влез в мой дневник. Поэтому позже я смог использовать медальон по-своему, и теперь он может нам понадобиться. Но что было дальше?

– Папа, когда немного успокоился, решил искать бумаги до... твои бумаги, – ответила Элли. – А я никак не могла понять, что он хотел узнать и почему так завелся из-за этого медальона...

– Но ты же спрашивала его? Что он ответил?

– Сказал, что это портрет твоей возлюбленной, – уныло пробурчала Элли и мрачно посмотрела на расхохотавшегося Карререса.

– Балда ты, принцесса, – улыбнулся доктор. – Так Клаус именно тогда начал раскопки?

– Ага. Пару дней он пробыл чуть ли не в ступоре, а потом загорелся. Перестал есть, даже гадать перестал. Бросился искать твои записи, хотя раньше все стонал: мол, он бы поискал, только годы уже не те по заваленным подвалам ползать, да и смысла нет – как ни жаль, но записи гения наверняка погибли. А тут прямо как с ума сошел... Гай немножко сердился, называл папу конкурентом, но у него самого уже не было времени на раскопки –

старый смотритель умер, и музей полностью остался на Гае. А папа, конечно, обещал отдавать в музей все ценное.

– Мои лабораторные журналы и дневники к ценному, конечно, не относятся, – с горьким ехидством заметил Карререс.

– Ну, может, он просто хотел сначала сам прочитать... – смутилась Элли. – Смотри, здесь, оказывается, живут! – воскликнула она, замедляя шаги и указывая на дом. Вблизи вид у него был вполне жилой, хотя и престранный.

Они остановились у калитки. Дворик с двумя тощими клумбами – календула и табак – был окружен низеньким шатким забором. Скромная вывеска на калитке, обещающая гадания на раковинах и пиво из холодильника, терялась на пестром фоне стены. Весь фасад занимало нарисованное прямо на штукатурке распятие: черный Иисус в ярких разноцветных одеждах, блестящее от пота лицо раззявлено в безмолвном вопле. Картину недавно подновили, покрыв свежей краской выгоревшие на солнце участки. Дверь была чуть приоткрыта; от этого казалось, что живот Иисуса разошелся от крика, и теперь его от подбородка до пупка пересекает черная щель.

– Нда, – проворчал Карререс, внимательно оглядев картину, и покачал головой. Элли понадеялась, что сейчас они пойдут дальше, мимо, прочь от этого дома: от яростно-яркого распятия ей было сильно не по себе. Но доктор был хмур, сосредоточен, и уходить явно не собирался.

Карререс толкнул калитку, но она оказалась заперта изнутри. «Эй, как насчет пива?» – окликнул он. Никто не отозвался. Доктор резко оглянулся через плечо – на этот раз Элли показалось, что она тоже слышит тихий шорох. Бродячая собака мышкует в высокой траве, попыталась Элли успокоить себя и с трудом удержалась, чтобы снова не обернуться.

– Заглянем за дом, – бросил Карререс и пошел вдоль забора. Элли, нервно посматривая на чудовищную фреску, засемила следом.

Хозяин действительно нашелся на заднем дворе. Прижав к животу таз, он с выражением тихого довольства на черном, как свежий асфальт, морщинистом лице разбрасывал отруби. Под его ногами суетливо толклись куры. Вязаный берет в психоделическую полоску едва держался на седых курчавых волосах. Черное пальто до пят, испачканное по краю отрубями и куриным пометом, сплошь увешивали разномастные значки. Их было так много, что при каждом движении старик тихо брякал и звенел. Особенно выделялась здоровенная пластиковая бляха, с которой улыбался жизнерадостный румяный заяц в зеленых шортах. Услышав шаги, старик поднял голову и кивнул Элли и Каррересу, как старым, давно поджидаемым знакомым.

– Очень сильный амулет, – сказал он, перехватив восхищенно-смеющийся взгляд Элли. – Мне подарил его русский матрос в благодарность за одну услугу. Хорошо помогает от хулиганов.

– Вас часто донимают хулиганы? – спросил Карререс.

– Нет, конечно, я же никогда его не снимаю, – удивленно ответил старик.

Карререс оперся о низкий забор, наблюдая за курами.

– Я рад, что вы не свалились вчера с инфарктом, – негромко сказал он, не поднимая глаз.

– Ну что вы, Барон, у меня крепкое здоровье. К тому же я давно вас жду.

Старик высыпал остатки отрубей, отряхнул ладони об пальто и протянул руку доктору.

– Меня тоже зовут Ван Вогт, – без особой нужды сообщил он. – Зайдете выпить чаю?

Глава 29

Дом Ван Вогта состоял из единственной просторной комнаты. Здесь сильно пахло вареной курятиной и горелой травой. Посреди комнаты торчал столб, подпирающий конический потолок. Чистый дощатый пол устелен пестрыми ковриками. Допотопный телевизор на ящике из-под консервов напротив покрытого застиранной скатертью стола.

Низкая кровать, кое-как застеленная старым спальным мешком из скользкого нейлона. Верстак в углу отгораживала от комнаты пластиковая штора в веселенький цветочек, – Ван Вогт поспешно задернул ее, но Элли успела заметить, что он заставлен множеством игрушечных паровозиков.

– Скучно, знаете ли, на пенсии, – смущенно пробормотал Ван Вогт.

Он аккуратно повесил на спинку стула свое брякающее пальто, – под ним оказался серый костюм и скромный галстук, какой впору носить мелкому клерку. Поправив берет, чтобы тот крепче держался на голове, старик засновал между комнатой и кухней.

Представление о чае у Ван Вогта оказалось своеобразным. Первым делом он притащил стаканы и толстую бутылку в соломенной оплетке – увидев ее, Карререс издал невнятный звук, и выражение лица у него сделалось таким, будто доктору предложили надкусить живую лягушку. Следом появились стопка тарелок, большая эмалированная миска и маленькая жаровня, накрытая частой решеткой. Под ней тлели угли, и по комнате сразу запахло аппетитным сладковатым дымком.

– Раздуй огонь, деточка, – попросил старик Элли, и та послушно склонилась над жаровней. От ее дыхания по краям угольков побежали оранжево-шелковые нити. – Вот так, – одобрил Ван Вогт. – Вы же не завтракали? Я вас угощу мясом, очень свежим, в супермаркете вы такое не найдете, да и в лавках тоже!

Старик метнулся обратно на кухню.

– Терпеть не могу курятину, – шепнула Элли, скорчив рожицу. Из кухни донесся шум, оборвавшийся сердитым возгласом старика и звоном разбитой посуды. Пару секунд спустя Ван Вогт вернулся, удерживая за хвост и шею пухлую зеленую ящерицу с высоким гребнем вдоль спины. Он мелкими шажками приблизился к столу, сунул ящерицу в миску, крепко прижал ко дну и вытер пот. На руке Ван Вогта вспухли царапины, явно оставленные тупыми, но крепкими когтями.

– Дерется, – сообщил старик и пососал запястье. – Подай-ка, детка, нож.

– Это что? – спросила Элли севшим голосом.

– Оставил сегодня один молодой человек, просил поддержать. Но уже не вернется, можно съесть, – объяснил Ван Вогт. – Очень вкусное мясо, нежное и мягкое...

– Это же папина игуана, – повернулась Элли к Каррересу. Глаза у нее стали как блюдца. – Папина игуана!

– Ты уверена? – спросил Карререс. – Твой отец, извини, на молодого человека не тянет, а ящерицы все на одно лицо...

Не слушая доктора, Элли вскочила и потянула миску к себе.

– Отдай! – крикнула она, и старик растерянно выпустил игуану из рук. Элли попыталась выхватить ее из миски, не удержала, и ящерица грузно шлепнулась на пол. Ничуть не пострадав от падения, она вперевалку устремилась к приоткрытой двери. Элли бросилась следом, споткнулась, попыталась ухватиться за подвернувшуюся штору и завалилась на бок, въехав локтем в верстак с моделями Ван Вогта. На пол посыпались паровозики. От одного отскочило колесо и подкатилось к ящерице. Игуана сделала угрожающий выпад и побежала быстрее. Понимая, что ящерица вот-вот выскочит на улицу, где поймать ее будет практически невозможно, Элли отчаянно прыгнула вперед, падая на живот и изо всех сил вытягивая руки.

Ей удалось схватить ящерицу за хвост. Вконец раздраженная всеми этими приключениями игуана громко зашипела и, вывернувшись из рук, повернулась к Элли. Не успела та перехватить хвост покрепче, как игуана бросилась вперед. Элли едва успела отдернуть голову – роговые челюсти сомкнулись, и ящерица, не переставая шипеть, по-бульдोजьи повисла на ухе Элли. Девушка сдавленно взвизгнула и ухватила за толстую тушку, пытаясь отодрать от себя ящерицу, но та только крепче сжала челюсти. Несмотря на боль, Элли разбирал истерический смех.

– Осторожно, деточка, она ест твою голову! – испуганно воскликнул Ван Вогт, бросаясь на помощь.

Из глаз Элли брызнули слезы. Ослабев от боли и хохота, она уже могла только придерживать игуану, не давая ей повиснуть на ухе всем телом. Вокруг, причитая и спотыкаясь об паровозики, кружился Ван Вогт, пытаясь перехватить ящерицу.

Карререс со вздохом отстранил старика.

– Я могу сделать куклу, но это долго, – пробормотал Ван Вогт.

– Не валяйте дурака, – мрачно ответил Карререс, склоняясь над всхлипывающей Элли. Отведя ее руки, он аккуратно накрыл морду игуаны ладонью. Ящерица немедленно разжала челюсти и обмякла. Карререс подхватил ее на руки.

– Давай клетку, – сказал он Ван Вогту.

– Может, все-таки позавтракаем? – жалобно спросил тот, и доктор зашипел не хуже игуаны.

– Клетку! – рявкнул Карререс. – Вставай, – бросил он Элли.

Всхлипнув в последний раз, она кое-как поднялась с пола. Ее ухо светилось багровым пламенем, а мочка успела посинеть. Присмирившая игуана, полностью удовлетворенная победой, уютно обвисла на руках Карререса. Вид у нее снова был надменный и сонный, – ничего общего со свирепой зверюгой, которая совсем недавно пыталась сожрать свою хозяйку. С кухни доносился грохот и холодный звон – Ван Вогт колот лед.

– Цирк с конями, – проворчал Карререс, садясь за стол и пристраивая игуану на коленях. Он почесал ящерицу у гребня, задумчиво рассматривая пятнышки на чешуе.

– Ты уверена, что это она? – спросил он Элли.

– Никаких сомнений, – буркнула та, держась за ухо. – Сволочь кусачая...

Ван Вогт вышел из кухни с ведром льда в одной руке и клеткой в другой. Дно клетки устилала шелуха и перья.

– Молодой человек принес ее на руках, – объяснил старик, отдавая лед и чистый носовой платок Элли. – Пришлось сажать в куриную...

Карререс затолкал совсем размякшую ящерицу в клетку и захлопнул дверцу.

– Так кто ее принес? – спросил Элли, прижимая к уху завернутый в платок лед. – Такой плотный, с усами...

– Нет, нет, – оборвал Ван Вогт. – Совсем молодой человек, но очень серьезный. И совсем, совсем сумасшедший.

Элли захлопала глазами. Какой-то ненормальный ограбил аптеку и украл игуану, а потом пошел прогуляться по развалинам? Зачем? И где был отец, как он позволил утащить ящерицу? Может, грабитель связал его или вовсе убил? Она в ужасе прижала ладонь ко рту.

– А плотный и уса́тый тоже приходил, только раньше, совсем рано утром, – ошарашил ее Ван Вогт. – Я его знаю – господин Клаус Нуссер, у него хорошая аптека... там есть лекарства для таких, как я, понимаете?

– Нет, – сказала Элли.

– Да, – одновременно с ней ответил Карререс. – Значит, сегодня с утра здесь побывали господин Нуссер и молодой человек с игуаной?

Ван Вогт кивнул:

– Господин Нуссер купил пива и пошел к тюрьме. Прямо как два года назад, он же раньше каждый день сюда ходил и всегда покупал у меня пиво... – старик замолчал, и его глаза остановились на забытой бутылке.

– Потом, – остановил его Карререс.

– Молодой человек оставил ящерицу и тоже поднялся к тюрьме, но он уже обратно не пойдет, – закончил Ван Вогт.

– Почему?

– Совсем сумасшедший, – вяло пояснил старик и замолчал, явно не желая вдаваться в подробности.

– Кто-нибудь еще? – спросил Карререс.

– Еще твой зомби, – обернулся Ван Вогт к Элли. – Отличная работа, деточка, высший класс!

Элли поежилась, стерла ладонью струйку воды, стекающей на шею с подтаявшего компресса.

– Мой зомби... – тупо повторила она. Карререс отчетливо хрюкнул и закатил глаза.

– Только на ночь его надо в круг из мела, а то видите – бродит теперь сам по себе, портится, – сочувственно добавил Ван Вогт. – За ними глаз да глаз нужен, особенно когда душу успел перехватить кто-то другой.

– Буду иметь в виду, когда решу завести еще одного, – кивнула Элли.

– Так вот, этот зомби... Он тоже по привычке хотел купить у меня пива, но я, конечно, не продал. Хотел развезть, а потом подумал – хороший зомби, крепкий, хозяин наверняка расстроится. Да и жалко как-то, я их уже много лет не видел. Просто прогнал.

Старик все-таки дотянулся до бутылки и разлил по стаканам тягучий, почти черный ром.

– Короче, все в сборе, – сказал Карререс, машинально беря стакан. – Интересно все-таки, кто приволок игуану?

– Герберт, – ляпнула Элли.

– Думаешь? – оживился Карререс.

Элли пожала плечами:

– Молодой. Серьезный. А после вчерашнего, может, и сумасшедший. Он здорово напугался.

– Похоже, похоже на правду... – Карререс понюхал ром, скривился: – Нет уж, хватит с меня той попойки с капитаном Бридом, – сказал он Ван Вогту. – Вы что, передавали эту бутылку по наследству?

– Тебе не нравится? – огорчился Ван Вогт. – Отец говорил – Барон Суббота очень любит старый крепкий ром... Отец говорил, чтоб я тебя обязательно угостил, когда ты придешь.

Карререс, постукивая пальцами по столу, рассматривал Ван Вогта. Маленькие круглые глаза с яркими белками делали старика похожим на плюшевого медведя с шоколадным мехом. Безобидный, чуть глуповатый чудак, добрый дедушка, которым могут вертеть, как хотят, многочисленные внуки.

– А что еще говорил тебе твой отец? – спросил Карререс.

– Говорил – у Барона Субботы настали трудные времена, и он потерял половину своей силы, – ответил Ван Вогт, глядя ему в глаза. Не дожидаясь ответа, повернулся к Элли. – Хочешь, деточка, я тебе погадаю?

– Нет! – быстро ответила Элли, не успев даже подумать. Ей вдруг стало очень страшно.

Губы Ван Вогта медленно раздвинулись в улыбке, обнажив желтоватые зубы.

– Это не больно, – успокоил он.

– Мне не хочется, – ответила Элли и жалобно поглядела на Карререса. – И вообще нам пора идти, правда, Анхель? Я волнуюсь за папу... И мы уже так долго... Я не хочу! – крикнула она, увидев в руках Ван Вогта полотняный мешочек.

При каждом движении внутри шуршало, похрустывало, тихо позванивало. Старик запустил в мешочек руку, пошарил – мелодичный шорох стал громче, будто накатила на пляж волна.

– Мне любопытно, Барон, – тихо сказал он Каррересу, будто спрашивая разрешения. Доктор кивнул.

– Не бойся, – сказал он Элли и сжал ее руку.

Ван Вогт присел на корточки, зачерпнул из мешочка горсть пестрых раковин и широким движением рассыпал их по полу, будто бросая корм невидимым курам. Чуть откинувшись, как художник, оглядывающий картину в целом, поцокал языком.

– Ты сделаешь большую глупость, – сказал он.

– Как, только одну? – со сдавленным смешком спросила Элли.

Ван Вогт укоризненно покачал головой и нахмурился, вглядываясь в рисунок рассыпанных ракушек.

– Так-так... – сказал он и задрал мохнатые брови.

– Не надо, – попросила Элли тонким от напряжения голосом.
– В чем дело? – негромко спросил Карререс. – Не мешай.
– Как интересно... – бормотал Ван Вогт. – Вот что я тебе скажу, деточка...
– Не надо мне ничего говорить!
– Так вот, деточка... – продолжал бормотать бокор, будто в трансе, не обращая на Элли никакого внимания. Карререс подался вперед, и его глаза азартно заблестели.
– Анхельо, пожалуйста, скажи ему, чтоб замолчал! – закричала она, вырывая руку. – Я не буду прятаться, я тебе верю, я полезу куда угодно – только не надо говорить, что будет! Я чувствую, я знаю, – мне нельзя это слышать!
– Почему? Ты можешь разумно объяснить, в чем дело? Что за истерика?
– Нельзя и все! – звенящим от слез голосом закричала Элли.
– Пойми, я должен узнать... – Карререс вдруг осекся и растерянно потер затылок. Поглядел на выжидающего Ван Вогта. Бокор несколько секунд держал взгляд, потом отвел глаза, ухмыльнулся и одним движением сгреб раковины.
Элли благодарно сжала руку Карререса, заглянула в лицо. Тот ответил слегка смущенным взглядом, к которому примешивалась изрядная доля ностальгии.
– А тебе бы очень подошло простое легкое платье, – шепнул он со странной мечтательной улыбкой. Элли ошалело захлопала ресницами.
– Извини, погода не располагает, – смущенно пробормотала она, и Карререс рассмеялся.
– Так зачем ты поджидал меня, Ван Вогт? – спросил он у вернувшегося за стол старика. – Неужели лишь затем, чтобы напоить дрянным ромом?
– Разве этого мало? – удивился Ван Вогт. – Угостить ромом Барона Субботу – великая честь для любого из нас. Я готов служить всем, чем могу, для того, чтобы ты вернул свою силу...
Карререс пристально посмотрел на бокора и встал.
– Нам пора, – сказал он Элли, и та подскочила. Виногато улыбнулась Ван Вогту, едва заметно разведя руками.
– Спасибо за ром, – сказала она и засмушалась, услышав фыркание отвернувшегося доктора.
– На здоровье, деточка, – просиял бокор. – И имей в виду: в музей возвращаться не надо.
Элли увидела, как напряглась спина Карререса.
– А мы собирались? – растерянно спросила она. – Ах да, за медальоном...
Бокор ласково закивал.
– Пойдем, пойдем... – Карререс ухватил Элли за воротник и подтащил к двери.
– Игуана! – спохватилась она.
– Может, оставим? – Карререс с сомнением посмотрел на ящерицу. – Не нравится мне она...
– Но мне очень хочется взять ее с собой, – смущенно возразила Элли. – В конце концов, зачем-то Герберт принес ее сюда? – торжествующе добавила она.
– Это серьезный аргумент, – ухмыльнулся Карререс, и Элли поспешно подхватила маленькую клетку-переноску, которую с готовностью протянул ей бокор. Задремавшая было ящерица приоткрыла один глаз и зашипела. Элли посмотрела на нее со смесью испуга и отвращения, – Карререс уже обрадовался, решив, что она сейчас передумает, но Элли только решительно сжала губы и крепче сжала ручку клетки. Решив, что ничего интересного не происходит, ящерица снова погрузилась в нирвану. Карререс и Ван Вогт торжественно пожали друг другу руки.
– Ах да, – спохватился на пороге Карререс. – Спасибо за поезд.
Ван Вогт лишь хитро улыбнулся в ответ.

Захлопнув дверь, Ван Вогт немного постоял, прислонившись к косяку и мечтательно

улыбаясь. Потом, шаркая, прошел на кухню, взял со стола фонарик и потянул за медное кольцо в полу. Из открывшегося темного проема дохнуло холодом. Ван Вогт, зажав фонарик в руках и осторожно хватаясь за ступеньки, спустился в подвал. От липкого каменного пола разило, и Ван Вогт невольно поморщился. Шепча что-то, он зажег свечи, расставленные по кругу, вытащил из клетки в углу небольшого цыпленка и взял с полки каменный, очень грязный нож.

Примерно в это же время кусты у забора раздвинулись, и сквозь щель в ограде проскользнула маленькая щуплая фигура. Лицо человека было завязано несвежим клетчатым платком, оставляя открытыми лишь глаза, большие и яркие, как леденцы. Человек, колеблясь, смотрел то вслед Элли и Каррересу, то на бродящих по двору кур, будто не в силах выбрать. Наконец, убедившись, что доктор и его подруга идут неторопливо и скрыться им пока негде, он присел на корточки, горящими от любопытства глазами наблюдая за лениво роющейся в пыли птицей.

Маленькая, черная с металлическим отливом курица забрела на клумбу с табаком и настурцией. Озабоченно квохча, она присела среди цветов, подергивая хвостом. Когда курица, продолжая взволнованно кудахтать, встала, на земле осталось зеленоватое, в коричневую крапинку яйцо.

– Ух ты! – сказал человек в маске.

Воровато покосившись на окно, он скользнул к клумбе, схватил яйцо и сунул в карман. С сожалением посмотрел на кур, выбрался на дорогу и, пригибаясь и ловко прячась в высоком бурьяне, принялся догонять путников.

Цыпленок в руках Ван Вогта забил крыльями, и по подвалу, как вздох, прокатился легкий ветер.

– Дедушка? – окликнул Ван Вогт и склонил голову, прислушиваясь. Цыпленок затих, повиснув вниз головой и затянув глаза сизой пленкой. – Дедушка! – повторил Ван Вогт и заулыбался, когда пламя свечей ритмично задрожало.

– Я сделал, как ты говорил, – сказал он. – Барон с девчонкой идут. Ящерица с ними. У нас ведь все получится, правда? И знаешь, мне кажется, он не станет нам мешать. Он уже привык. Как только он поймет, что надежда мешает стать ему богом, он просто отойдет в сторону и даст завершиться начатому.

По подвалу снова пронесся вздох, послышался тихий, довольный смех. Ван Вогту показалось, что его обдало горячим запахом жареной селетки и апельсиновых корок, рассыпанных по крышам кофейных зерен и морской воды. Ван Вогт задул свечи и с парализованным от страха цыпленком в руке вернулся на кухню. Засунув полуживую птицу в раковину, он вошел в комнату и присел за стол, задумчиво подбрасывая на ладони мешочек с гадальными ракушками. Лицо у него было виноватое и слегка испуганное – он еще ни разу не пытался обманывать души предков. Но если дед пытается перехитрить самого Самеди – то почему бы внуку не слукавить слегка перед дедом?

Из-за двери донеслось суматошное хлопанье крыльев. Ван Вогт, спохватившись, схватил предназначенный для игуаны нож, вскочил и бросился на кухню.

В конце концов, я сделал почти все, что надо, думал Ван Вогт, разделявая цыпленка и переворачивая шипящие на сковородке куски курятины.

Глава 30

Герберт едва продрал глаза. Судя по солнечным лучам, плясавшим по стене, дело шло к полудню. В ужасе схватив часы, Герберт окончательно убедился, что безнадежно проспал. Он пулей выскочил из кровати, рванул на кухню и застыл, наткнувшись взглядом на оплывшие свечи. Одна из них была тонким слоем размазана по стенке подсвечника. Жуткое видение Гая, хлещущего расплавленный парафин, возникло перед глазами; за ним мутной волной нахлынули остальные картины прошлого вечера. Герберт, поджав губы, осел на стул

и бессмысленно колупнул пальцем скатерть.

Неудивительно, что он проспал! Герберт вспомнил, как долго лежал в кровати, вздрагивая от каждого шороха, не в силах заснуть, – и наконец, подкрепившись каплей виски, набрал номер Элли. Не то чтобы из беспокойства – просто восстановить равновесие. Во произошедшем была какая-то пугающая, парализующая неправильность, из-за которой мир казался непредсказуемым и абсурдным, как во сне. Разговор с Элли должен был вернуть все на свои места, перечеркнуть бредовый вечер, будто его и не было, – но вместо этого Герберт нарвался на Клауса.

Он надрался после того, как положил трубку. Голова кружилась от виски – и это было хорошо; во всяком случае, лучше, чем когда она кружится от бесконечного падения в кроличью нору. Жаль, что спяну не сообразил навести порядок: не осталось бы следов – и, глядишь, можно было бы считать случившееся сном, а там, может, само бы все наладилось... Герберт тяжело вздохнул и сморщился от запаха перегара.

Первым делом он позвонил на фабрику, сказался больным и почти не соврал. В аптеке никто не отозвался, а вот в музее ответили тот час же. Удивляясь деловитому шуму на заднем плане, Герберт попросил незнакомый мужской голос позвать к телефону Гая; в ответ мужчина принялся выпрашивать, кто ему звонит, так напористо, что Герберт испуганно бросил трубку. Поколебавшись, он позвонил Гаю домой; никто, конечно, трубку не поднял.

В полном расстройстве Герберт вышел из дома. В знакомом кафе, где успокаивающе-привычно пахло жареной картошкой, ему принесли завтрак и утреннюю газету. Прочитав ее, Герберт окончательно впал в недоумение. Первую полосу занимал репортаж об ограблении музея. Корреспондент в полном восторге расписывал разгромленные витрины, лужу крови посреди зала и обморок обнаружившей все это уборщицы. Предполагали, что кровь принадлежит зрителю, которого никто не видел со вчерашнего дня («Я видел», – подумал Герберт и содрогнулся). Первичный осмотр показал, что пропал экспонат, доставленный только вчера: сосуд, предположительно содержащий препарат из лаборатории Доктора Анхельо...

– То есть банка с тухлой рыбой, – прокомментировал Герберт и с хлопаньем втянул в себя остатки кофе.

– И поджарьте к ней рыбки, – как нарочно проблеяли за соседним столиком.

Герберта затошнило. Бросив газету, он выбрался на улицу и встал посреди тротуара, не зная, что делать дальше. Оглядевшись, он заметил телефон-автомат. Рядом притулилась со своими ведрами цветочница. Нашупав мелочь, Герберт вошел в будку, но монеты негодились – в аптеке снова никто не отзывался. Герберт вышел на улицу, сердито грохнув дверцей.

– Ну и дела, – вздохнул он.

– Что, трубку не берет? – вмешалась цветочница. – А вы все равно хризантем возьмите, девушки любят хризантемы...

– Оранжевые? – спросил Герберт.

– Желтые, оранжевые, лиловые, – закивала цветочница, – некоторые целыми охапками берут.

– Я видел, – угрюмо ответил Герберт, смутно припоминая типа в кожаном плаще, и замялся. – А знаете что – дайте букетик, – решился он. В конце концов, можно будет оставить на пороге, подумал Герберт. Вместе с запиской – извиниться за вчерашнее... Элли ведь наверняка обиделась.

Аптека была заперта, и дверной колокольчик напрасно надрывался в тишине. Отчаявшись звонить, Герберт хотел уже уйти, когда вспомнил про черный ход. Клаус вечно забывал запирать его, и Элли в детстве часто сбегала через задворки, когда отец запрещал ей поучаствовать в какой-нибудь сомнительной затее мальчишек. Обойдя аптеку и оглядевшись по сторонам, Герберт махнул через забор. Пригибаясь, он пересек задний дворик, заросший бурьяном, в котором мелькали пустые склянки. Привычки Клауса не менялись годами: дверь

отворилась от легкого толчка. Помявшись на пороге, Герберт все-таки набрался решимости войти в дом.

– Есть кто-нибудь? – окликнул он.

Не дождавшись ответа, Герберт поднялся наверх. Комната Элли была пуста, постель – тщательно застелена. Пахло тухлой водой. Герберт обалдело поглядел на вазу, лежащую на полу, и педантично разложенные в рядок завядшие хризантемы. Вспомнилось, как ночью Клаус жаловался на перевернутые цветы. Значит, разговаривал из комнаты Элли? Говорил, что она спит, а сам в это время сидел на ее кровати? Плохо понимая, что делает, Герберт положил рядом свой букет и направился к кабинету Клауса.

Итак, аптекарь соврал. Ночью Герберт сделал вид, что поверил ему, потому что не хотел лишних хлопот, но обманывать себя и дальше не получалось. Элли не возвращалась домой. Герберта охватило раскаяние. Она пришла за помощью и поддержкой, расстроенная ссорой с отцом (о причинах этой ссоры Герберт старался не думать), а он попросту выгнал ее в ночь... Но не одну же! Гай не мог не проводить ее домой. Или мог? Куда они оба пропали? Герберт понял, что вот-вот начнет ревновать свою девушку к лучшему другу, и попытался взять себя в руки. Стоп. Но ведь Гай вчера тоже был какой-то странный, и это происшествие в музее...

Герберт взялся за голову и болезненно замычал. Надо было что-то предпринять. В поисках подсказки он оглядел кабинет. Внимание привлек заваленный документами и рукописями стол. Что же, подумал Герберт, по крайней мере, можно попытаться узнать, насколько серьезен был вчера Клаус. Давно зная аптекаря, Герберт догадывался: если у того засела в голове какая-нибудь идея, то, пожалуй, с него станет упирается до последнего. Если Клаус решил, что у Элли «болезненная склонность к бродяжничеству» – он будет пытаться держать ее взаперти, не обращая внимания ни на какие разумные доводы. Но залезть скальпелем в мозги родной дочери? Герберт, посмеиваясь, покачал головой. Клаус, конечно, упрям, но и фантазер изрядный. Игуана, надо же!

Стыдясь, Герберт неуверенно поворошил бумаги, пробежал глазами несколько листов и схватился за голову, обмирая от ужаса и отвращения. Уже не стесняясь и не заботясь о порядке, он бросился перебирать бумаги, то внимательно вчитываясь, то судорожно отшвыривая листы и хватая новые. Герберта тошнило. Стены кабинета медленно вращались, неуклонно кренились на голову. От аптечных запахов слезились глаза, воздух был тяжелым и пыльным, как на забитом хламом чердаке, а по ногам тянуло ледяной сыростью. В складках тяжелых штор чудились очертания очень худого человека в черных одеждах, в цилиндре и с бледным лицом скелета: доктор Анхельо вышел из могилы, чтоб прийти на помощь коллеге.

В невообразимой дали взвизгнул поезд, окно едва заметно задребезжало, потревоженное проходящим через Клоксвилль товарняком, и наваждение рассеялось.

– Так. Мне срочно надо проветриться, – сказал Герберт в пустоту.

В ответ на подоконнике раздался громкий шорох. Герберт, придушенно пискнув, взвился над креслом. Зеленень в террариуме снова зашелестела, закачались листья. На песчаный пятачок выползла игуана и принялась обнюхивать пустые блюдца. Вид у нее был оскорбленный.

– Тоже хочешь прогуляться? – спросил Герберт. Повинуясь импульсу, он приоткрыл крышку террариума. От влажного тепла на лице тут же осели мелкие капельки. Игуана молчала, глядя снизу вверх, и Герберту показалось, что выражение ее морды стало чуть менее надменным. – Бедная, бедная! Клаус норовит вспороть тебе брюхо... Давай сбежим, а? – Ящерица моргнула. – Погуляем по холму, подышим свежим воздухом, – бодро продолжал Герберт, вытаскивая игуану из ящика, – там ничего нет, кроме свежего воздуха, вот увидишь, отличная прогулка!

Он смутно понимал, что неожиданное желание прогуляться как-то связано с бумагами Клауса, но размышлять об этом не хотел.

Ящерица оказалась на редкость увесистой, и Герберт взмок, пока поднимался на холм.

На просторе, под солнцем и тихим ветерком, он немного пришел в себя и уже не мог взять в толк, зачем вообще потащил с собой игуану. Зачем лезть к развалинам тюрьмы, он тоже не понимал, но, в конце концов, какая разница, где приходить в себя? Здесь тихо, безлюдно, а воздух свеж, чист и пахнет травами. Этого достаточно.

Вывеска, обещающая пиво из холодильника, заставила его остановиться. Вообще-то Герберт никогда не пил по утрам, но сегодняшний день с самого начала пошел наперекосяк. Эксцентричный старый негр, подкрашивавший чудовищно аляповатую роспись на стене дома, с готовностью притащил ему пару бутылок светлого. Неловко изогнувшись и пытаясь прижать безвольно обвисшую игуану локтем, Герберт полез за кошельком.

– Вы всегда гуляете по развалинам с ящерицами? – спросил старик, с интересом наблюдая за мучениями Герберта.

– Нет, – сокрушенно ответил тот. – Так уж сегодня вышло.

Он наконец-то выудил кошелек из кармана и теперь пытался раскрыть его одной рукой. Старик по-прежнему следил за ним круглыми и блестящими, как у мопса, глазами, в которых не было и тени улыбки. Вдруг Герберта осенило.

– А вы не могли бы поддержать ее у себя пару часов? Она тихая, – жалобно добавил Герберт и расцвел в улыбке, увидев, что старик закивал.

Игуану посадили в куриную клетку и унесли на задний двор. Освобожденный Герберт, расплатившись за пиво и добавив за возню с ящерицей, бодро зашагал к развалинам тюрьмы.

Добравшись до вершины, где остатки крепостной стены торчали, как гнилые зубы из стариковской челюсти, Герберт высмотрел кусок кладки понадежнее, забрался на теплые камни и открыл пиво. Отсюда, сверху, Пороховой Холм походил на гигантское птичье яйцо, чудом уцелевшее в пальцах великана. На склонах виднелись грубые вмятины – видимо, грунт там когда-то провалился, но с тех пор ямы занесло землей, смытой с вершины осенними дождями, провалы поросли полынью и кустами шиповника. Теперь только сверху можно было увидеть тенистые впадины, от которых разбегались трещины – трава вдоль разломов росла яркая и густая, и каждый провал казался намалеванным ребенком зеленым солнышком.

Герберт открыл вторую бутылку и принялся пить мелкими глотками, бездумно рассматривая мозаику флоксильских крыш. На душе было пусто и светло. Он понимал, что все сделал правильно, хотя и не знал, что именно, – и не хотел знать. Главное сделано. Герберт сам себе казался неважным и едва ли реальным. Ночные кошмары закукливались, втягивались сами в себя, оборачивались толстым одеялом; казалось, голова заполняется легкой белой ватой. Какой-то частью себя Герберт признавал, что его лицо делается вялым и сонным, и понимал, что это может быть опасным, но ему было уютно в этой оболочке, и солнце пригревало так хорошо...

– Вот он, – послышался за спиной горячий, напряженный шепот. – Точно, он!

Герберт хотел было оглянуться, чтобы посмотреть, кто еще бродит по развалинам, вызывая такой ажиотаж, но ему стало лень. Вместо этого он поднял голову, подставляя нос щекотным солнечным лучам, и довольно зажмурился. Рядом прошуршали быстрые шаги, на лицо упала тень.

– Точно он, – сказал неприятно знакомый голос.

Тень резко дернулась, и не успел Герберт открыть глаза, как под его черепом разорвалась багровая бомба.

Глава 31

Солнце нещадно било в глаза. Герберт пошевелился и застонал от головной боли: казалось, в затылок забивают сваи. Захрустела щебенка под неторопливыми шагами, свет загородила чья-то спина. Герберт сжался в ожидании нового удара и услышал ехидное хихиканье. Всклипнув, он перевернулся на бок и открыл глаза.

Перед ним стоял низенький сутулый человек с большими руками, которые по-

обезьяньи болтались, едва не доставая до земли. Малиновая рожица величиной с кулачок, казалось, состояло из одних морщин; маленькие водянистые глаза блуждали, то и дело останавливаясь на Герберте; в эти моменты физиономия карлика делалась глумливой.

Проморгавшись, Герберт узнал давешнего нищего. Вместо веселенького пластикового плаща тот был одет в ветхое одеяние из бархата; из висящей на поясе кобуры торчала резная пистолетная рукоять, которая доходила карлику чуть ли не до подмышки. Нищий со злорадным любопытством вперился в пришедшего в себя Герберта. Тот приподнялся на локтях и огляделся.

Они находились в обширной яме, оставшейся на месте взорванной тюрьмы. Склоны были засыпаны битым кирпичом и обломками известняка, поросшими вьюнками и повиликой. Кое-где пробивались голубые цветки цикория; объединенные гусеницами кусты с трудом цеплялись корнями за камни. Дно пересекали остатки стен; местами чернели провалы и трещины. В уцелевшей стене напротив все дверные проемы были завалены камнем, но прямо посередине зияла длинная расщелина, в которую вполне мог протиснуться взрослый человек.

Рядом с проломом в тени молодого клена чернели две фигуры, отдаленно напоминающие страшно истощенных, древних мартышек; однако они тоже были одеты и даже вооружены. Хихикающий над Гербертом карлик на их фоне казался воплощением жизни и здоровья. Рассмотрев стражей подробнее и поняв, что больше всего они похожи на древние мумии, зачем-то разодетые в камзолы, Герберт решил, что галлюцинирует.

Сразу стало спокойнее. Без всякого волнения Герберт смотрел, как карлик вытащил свой чудовищный пистолет и навел его расширенное воронкой дуло прямо в лицо. «Где рыба?» – спросил карлик. Его скрипучий голос, казалось, царапал череп. Герберт болезненно улыбнулся и прикрыл глаза. Вспомнилось, что совсем недавно господин Нуссер рассказывал о каком-то знаменитом психиатре, приехавшем в Клоксвилль; надо будет попросить телефончик, вяло подумал Герберт.

Стоило Клаусу проникнуть в мысли, и его сразу стало видно. Аптекарь вылез из той самой расщелины, рядом с которой дежурили мумии. Размахивая руками и забавно переваливаясь, он побежал на карлика. Впрочем, сразу стало не до смеха: щебенка так оглушительно хрустела под ногами Клауса, что Герберт на мгновение потерял сознание от пронзившей череп боли, а когда пришел в себя, понял, что ничего не слышит.

Клаус свирепо тряс карлика за шиворот; губы аптекаря шевелились, видимо, изрыгая проклятия, но в чем дело, Герберт понять не мог. В руке карлика мелькнул кинжал и полетел на камни, выбитый тяжелой лапой озверевшего вконец Клауса. Нищий, подпрыгнув, схватил аптекаря за грудки; под разорванным воротником Клауса мелькнуло что-то блестящее, и Герберт заметил на груди Клауса большой, очень тяжелый с виду медальон. Карлик тоже увидел его. Физиономию перекосило от удивления; карлик ухватился за странное украшение и начал изо всех сил тянуть к себе. Клаус отпихивался. Его шея побагровела, а глаза, казалось, вот-вот вылезут из орбит.

Внезапно цепочка лопнула, и они разлетелись в разные стороны. Клаус с размаху уселся на землю. Карлик тоже упал, но быстро вскочил и зашипел, хватаясь за разбитый локоть; в костлявой руке он крепко сжимал медальон. Аптекарь заворочался, и под его весом закрипел битый камень – в галлюцинацию вернулся звук. Герберт напрягся, ожидая боли, но, видимо, он уже перешел какой-то предел – ничего страшного не случилось, лишь слегка саднило в затылке.

– Вы не имеете права! Это портрет моей жены! – запальчиво крикнул Клаус.

– Это портрет Беглой Реме, причем моей работы! – завизжал карлик. – Я сделал его для капитана Брида, а не для вас!

Герберт хотел попросить, чтобы они не кричали, но смог только хрипло замычать.

– Реме, – простонал Клаус.

– Реме, – эхом откликнулся карлик. Его физиономия неожиданно застыла, как будто нищего потрясла какая-то мысль; подкинув медальон на ладони, карлик усмехнулся так

зловеще, что, будь он реален, Герберт бы до смерти испугался. – Ну конечно, Реме! – сказал карлик и кособоко поклонился изумленному аптекарю. – Благодарю, господин Нуссер! – проскрипел он, и в голосе снова слышались издевательские нотки. – А теперь вынужден вас покинуть, у меня срочное дельце.

Захихикав, карлик устремился к трещине в стене. Казалось, он побежал бы, если б не сильная хромота. У входа в подземелье нищий задержался, сказал что-то своим жутковатым помощникам и просочился в щель. Черные мартышки-мумии втянулись следом. Клаус, с трудом поднявшись, бросился было за ними, но, заглянув в расселину, безнадежно махнул рукой.

– О-хо-хо, мой мальчик, – вздохнул Клаус. – Реме... Ах черт! – он заглянул в провал и покачал головой. – Нет, не найти уже... Увел медальон, чертов жулик!

Герберт сочувственно помычал.

– Плохо дело, сынок, – снова завздыхал Клаус.

– Дорогой медальон? – выдавил Герберт, понимая, что от него ждут хоть слова.

– Да если бы только медальон... Хотя чего мне стоило забрать его из музея – ты бы знал! Ночь, замки... Но так хотелось хотя бы портрет... Видно, не судьба. Но дело не в этом.

Пряча глаза, аптекарь принялся пересказывать события последних дней. Несколько раз Герберт порывался остановить его: Клаус рассказывал что-то ужасно неприятное, от чего хотелось спрятать глаза и заскрипеть зубами, или сжать кулак и ударить; но Клаус не обращал внимания на попытки и продолжал нести свое, размахивая руками и то и дело тяжело отдуваясь. Наконец он замолк, вытер вспотевший лоб и выжидающе посмотрел на Герберта. Тот молчал, не зная, что отвечать. Клаус разочарованно вздохнул и присел на камень, видимо, решив подождать, когда Герберт слегка придет в себя.

Голоса и шорох осыпающихся камней заставил Клауса подпрыгнуть.

– ...наверняка у Ти-Жака. Главное – найти этого типа, – говорил мужчина. – Жаль, что Гай удрал, – я подозреваю, что он знает подземелья, как свои пять пальцев. Но ничего, выкрутимся.

– А он отдаст? – отозвался девичий голос, и Клаус налился кровью, узнав свою дочь.

– Куда он денется, – говорил тем временем мужской голос, в котором аптекарь уже различил интонации Карререса. – Жаль, конечно, что ты не знаешь пути – куда было бы проще.

– Никак не рассмотреть, – виновато ответила Элли.

– Наверное, потому, что цепочка прервалась... осторожней, здесь битый кирпич под травой.

– А почему не желтый? – закапризничала Элли.

– Уж какой есть, – отозвался Карререс с улыбкой в голосе.

Они силуэтами мелькнули на краю ямы появились и начали осторожно спускаться. Элли то и дело спотыкалась; маленькая, но увесистая клетка тянула в сторону, и ей приходилось балансировать свободной рукой. Клаус заметался, не зная, что предпринять, рванул было прятаться, но в конце концов, сообразив, что его давно заметили, сложил руки на груди и застыл суровой статуей. Герберт встал рядом: видимо, от него требовалось как-то отреагировать на появление бывшей невесты и соперника. Глядя, как Карререс придерживает Элли за плечи, Герберт почувствовал смутную тоску.

– Как хорошо, что ты здесь! – воскликнула Элли, едва спустившись, и Клаус снисходительно улыбнулся, подкручивая усы. – Привет, Берти, – слегка смущенно кивнула она и снова повернулась к отцу. – Пап, мне надо столько всего тебе рассказать...

Герберт не дал ей договорить.

– Вы мне не нравитесь, – проскрипел он, пристально глядя на Карререса. – Вы отвратительный тип, в самом деле, – он неуверенно переступил с ноги на ногу, и в его голосе прорезалась горечь. – А меня вчера невеста с другом разыграли... представляете – переоделись в зомби и разыграли. Вот, – он ткнул пальцем в Элли, – вот она. Моя невеста.

Какого дьявола она делает здесь с вами? Продолжаешь шутить, принцесса? Что у тебя с ухом?

– Игуана укусила, – мрачно ответила Элли, пощупав превратившуюся в малиновый вареник ушную раковину.

– Игуана? – переспросил Герберт, не спуская глаз с Карререса. – Игуана?! Что он с тобой сделал, Элли? Вы спали с моей невестой! – он картинным жестом ткнул пальцем в доктора.

– Не валяйте дурака, – поморщился Карререс.

– Не отпирайтесь! И уберите от нее свои грязные руки!

– Да я не отпираюсь, – пожал плечами Карререс.

– Берти, перестань, – пробормотала Элли, сгорая от стыда. Голос Герберта звучал, как граммофонная запись речи героя, сошедшего со страниц сентиментального романа.

– Как вы могли! – чуть ли по слогам произнес Герберт, не обращая на нее внимания, и подался вперед. – Я вам морду побью!

Карререс приподнял брови и пристально всмотрелся в Герберта. Лицо инженера казалось сонным и серьезным, будто он старательно играл унылую роль. Карререс поскучнел и сбросил сумку с плеча. Вздыхнув, он легким толчком отстранил Элли, шагнул вперед.

– Перестаньте, – мягко сказал он, – вы устали и расстроены, но...

Пригнув голову, Герберт сжал кулаки и с носорожьей яростью бросился на доктора.

Он не успел ударить – Карререс ушел в сторону, и кулак, нацеленный в челюсть, просвистел мимо. Потеряв равновесие, Герберт покатился по земле и застыл, глядя в небо. Элли пробрал холодок: лицо Герберта оставалось непроницаемо серьезным, на нем не было и тени эмоций. Она отбежала в сторону, поставила клетку с игуаной на землю и вернулась к Каррересу. Герберт пошевелился. Что-то звякнуло о камни и затихло, прихлопнутое ободранной ладонью. Инженер встал, пошатываясь, – брюки на коленях порваны, глаза остекленели. Сосредоточенно вытягивая губы трубочкой, он перехватил поудобнее кинжал Ти-Жака и качнулся к Каррересу. Элли вскрикнула.

– Не советую, – тихо сказал Карререс. Он сделал неуловимое движение, и в руке блеснул стилет.

– Вы с ума сошли! – заорала Элли. Она попыталась встать между Каррересом и Гербертом, но доктор крепко ухватил ее за локоть. – Герберт, перестань! Он же убьет тебя! – Герберт не отвечал, лишь беззвучно шевелил губами. – Дурак! – выплюнула Элли. – Он же бессмертный...

Она дернула всем телом, вырываясь из рук Карререса, и потянулась к Герберту, будто надеясь отобрать у него кинжал.

– Элли, иди вниз и жди там, – ровным голосом сказал Карререс, не спуская глаз с Герберта. – Живо! – он схватил ее за плечо и отбросил за спину.

– Но...

– Ты не бессмертная, – ответил Карререс не глядя и скользнул навстречу Герберту. – Уходи. Господин Нуссер, вам лучше остаться здесь, – добавил он, заметив, как Клаус бочком подбирается к пролому вслед за Элли.

– Не пора ли вызвать полицию? – меланхолично проговорил в пространство Клаус, но на всякий случай остановился.

– Валяйте, – согласился Карререс. – Заодно расскажем им о нашем договоре.

Клаус уял, и Карререс снова сосредоточился на Герберте. Тот вился вокруг, делая выпады кинжалом, – еще слишком далеко, чтобы быть опасным, но постепенно сужая спираль. Карререс медленно поворачивался к нему, выжидая момент. Глаза Герберта были пусты; сосредоточенный взгляд, казалось, обращен внутрь, как будто инженер решал сложную математическую задачу. Не меняясь в лице, он со странной ловкостью прыгнул на доктора. Зазвенела сталь, и, услышав ее, по-заячьи вскрикнул Клаус.

...это было как в Гаване, в Порт-о-Пренсе, Нуэво, в десятках и сотнях городов, в темных кабаках, провонявших рыбой и смолой, где опилки на полу пропитаны разлитым

ромом и табачной слюной, где слова значили все и ничего, где кто-то с пустым и серьезным взглядом вскрикивал «дьявол!» и вскакивал, вытягивая из ножен кинжал. Как могло бы случиться с капитаном Бридом, повернись все немного по-другому. Герберт был неестественно ловок сейчас, ловок и силен, будто что-то подпитывало его извне, Карререс мог убить его, но не мог остановить, и ему приходилось парировать удары, отступать и возвращаться, и вновь парировать, пока неумелое тело Герберта не сделало наконец ошибку, – и тогда Карререс скользнул к нему за спину, одной рукой заламывая локоть, а другой – прижимая лезвие к часто бьющейся жиле на напряженной шее.

Казалось, к Герберту вернулся здравый смысл, – будто разом вывернули на запрокинутую до хруста в позвонках голову ведро холодной воды. Вместе с отрезвлением пришел и страх. Колени инженера затряслись; он тихо всхлипнул, закатил глаза и обмяк.

– Оставь Элли в покое, – сказал Карререс, все еще прижимая лезвие к шее Герберта. Тот дернулся, и из-под стилета потекла тонкая струйка крови. – Она не твоя больше.

Герберт медленно прикрыл и снова открыл глаза, давая понять, что согласен. Карререс опустил стилет и выпустил инженера. Посмотрел на Клауса, застывшего в стороне – усы обвисли, лоб усеян бисеринками пота. Перехватив взгляд доктора, аптекарь вытащил из кармана платок и принялся утирать мокрое лицо. Он прятал глаза, пытаясь принять респектабельный и возмущенный вид, но заговаривать не решался. Подхватив сумку и клетку с игуаной, Карререс шагнул к пролому. В руках уже не было оружия, и доктор снова казался мирным и безобидным, хотя и резковатым человеком.

– Отдайте хотя бы ящерицу! – взмолился Герберт.

Клаус прижал руку к сердцу и, кажется, перестал дышать. Помедлив, Карререс с усмешкой протянул клетку. Герберт схватил ее обеими руками, прижался лицом к проволочной сетке и всхлипнул. Карререс постоял, глядя на него, и принялся рыться в кармане. Наконец он вытащил увесистую монету.

– Возьмите, – сказал он, протягивая монету Клаусу. Аптекарь полиловел и выпрямился во весь рост. – Да о чем вы думаете?! Это монета, которая никогда не врет. Мне некогда объясняться с вами, но если вы зададите правильные вопросы ей...

– Почему это я должен вам верить? Вы надули меня, доктор! Вы ведете себя просто неприлично и непорядочно, вы...

– Похитил вашу дочь, нарушил договор, посягнул на вашу честь, этсетера, – пожал плечами Карререс. – Вы же знаете, как проверить монету. Ну?

Гневно сопя, Клаус перевел взгляд с Карререса на клетку в руках Герберта и обратно. Наконец он сгреб монету и сунул в карман.

– Я проверю, – угрожающе сказал он.

– Конечно, – ответил Карререс и нырнул в трещину в стене, ведущую в катакомбы.

– Умница, Герберт, – выдохнул Клаус, когда Карререс скрылся из виду. – Теперь пойдем. Ты ведь поможешь мне?

– Как? – спросил Герберт.

– Ты же хочешь вернуть Элли, правда? – Герберт истово закивал. – Вот и пойдем.

Клаус подхватил Герберта под руку, подтащил к пролому и присел, вслушиваясь. Когда шаги Карререса затихли, он приложил палец к губам, и, поманив Герберта за собой, полез в подземелье, но вдруг передумал.

– погоди, – сказал аптекарь, вытащил оставленную Каррересом монету и хмуро оглядел ее со всех сторон. Ни года, ни надписей. Скорее не монета даже, а золотой диск с выдавленным орнаментом, который показался Клаусу смутно знакомым. Он перевернул монету. Вторая сторона была чистой и гладкой, будто бы даже отполированной.

– Ну ладно, – пробормотал Клаус. – Элли вернется? Орел... орнамент – да, пусто – значит пусто...

Он подкинул монету. Глухо звякнув, золотой диск покатился по земле, замер. Клаус выпучил глаза и перестал дышать.

– Мошенник! – заорал он в пролом и отпрянул, оглушенный эхом.

– Камешки, – сказал Герберт каким-то булькающим голосом.

Клаус тяжело наклонился над монетой, твердо стоящей на ребре между двумя обломками кирпича.

– Камешки, – горько повторил он. – Пойдем.

– Элли? – позвал Карререс.

По подземному коридору прокатилось влажное эхо. Доктор быстро пошел по тоннелю, стараясь ставить ногу беззвучно, чтобы не заглушить ответ. Тело еще не успокоилось после схватки; колотилось сердце, руки сжимались в кулаки, и воздух, казалось, пах кровью. Впрочем, запах вскоре исчез; Карререс сбавил шаг и снова окликнул Элли.

– Я здесь, – отозвался слабый голос, и Карререс свернул на звук.

Элли сидела на берегу канала, едва заметная в полутьме, – свет с улицы с трудом пробивался в этот тоннель. Она мерно раскачивалась, обхватив себя руками. Подойдя ближе, Карререс увидел, что Элли сидит в опасной близости от воды. Все еще взбудораженный дракой, он легко подхватил Элли подмышки, успев ощутить, как она дрожит, поставил на ноги на безопасном расстоянии от кромки набережной и со смехом взъерошил ей волосы. Элли медленно отстранилась, огляделась и замерла, увидев, что доктор один.

– Ты убил его, – ровным, мертвым голосом сказала Элли.

– С ума сошла, – лениво откликнулся Карререс. Элли всмотрелась в его лицо и кивнула.

– Прости, – проговорила она. – Но когда ты заставил меня уйти, я подумала...

– Да я боялся, что ты подвернешься под лезвие. С тебя стало бы полезть нас разнимать. Вот был бы номер, если бы ты случайно напоролась на нож!

Элли потупилась.

– Я так боялась, что ты его убьешь, – сказала она.

– Тебе было бы очень жаль его? – быстро спросил Карререс.

– Все-таки мы когда-то дружили, – равнодушно ответила Элли. – Пока он не начал строить из себя жениха. Но... дело не только в этом... – она подняла глаза, заглянула в лицо Каррересу.

– Понятно, – с усмешкой кивнул он. – Но теперь ты убедилась, что я не хладнокровный убийца?

– Да, – ответила Элли все тем же ровным тоном, и Карререс удивленно взглянул на нее.

– Боюсь, ему теперь нездоровится, – нахмурился он. – Нет, я не ранил его. Но у него и так были расшатаны нервы, а теперь и вовсе неладит с психикой. Надо же было вам с Гаем заявиться именно к нему! Ты проела дырки в его реальности, уж извини. А последние приключения – добила окончательно...

– Бедный, – произнесла Элли.

– Ничего не поделаешь, – пожал плечами Карререс. – Но, думаю, он оправится сам, и довольно быстро. На редкость нормальный человек – неудивительно, что тебе с ним было скучно.

Элли кивнула. Только сейчас Карререс заметил ее неестественную сдержанность. Тревожно задрал брови, он взял ее за подбородок и заглянул в глаза.

– Что случилось, Элли? – спросил он. – С ним все будет в порядке...

– Дело не в Герберте, – все тем же пугающе-спокойным голосом ответила Элли. – Совсем не в нем. Мама... – проговорила она и беспомощно разрыдалась.

Глава 32

Рассерженная и напуганная, Элли протиснулась в коридор, который когда-то пересекал тюремный подвал, и пошла вперед, стараясь не вслушиваться в топот и вскрики наверху. Она залезала сюда лишь пару раз, в детстве, но никогда не заходила далеко. Элли ожидала, что подземные переходы покажутся ей маленькими и тесными – но вскоре обнаружила, что

может идти, не пригибаясь и не протискиваясь боком сквозь завалы, будто вода за эти годы вместо того, чтобы занести полости, лишь расчистила их.

Воздух был сырым и затхлым, но вони канализации, которой так опасалась Элли, почти не чувствовалось. Элли вспомнила, как Гай с Гербертом пугали ее пиратами-мертвецами, живущими в подземелье. На секунду она задумалась, как могла проникнуть в детские фантазии эта невозможная правда; потом пришло в голову, что как раз из-за того, что пираты-призраки все-таки существуют, Герберт сейчас дерется с Каррересом, – и, может быть, сам скоро будет мертв. Она попыталась вызвать чувство вины за то, как обошлась с Гербертом, но, как ни пыталась, не находила в себе ни капли раскаяния – и из-за этого чувствовала себя виноватой.

Коридор закончился несколькими высокими ступеньками, поросшими рыжеватым мхом. Поколебавшись, Элли начала спускаться. Пропитанный водой известняк крошился под ногами, впереди что-то поблескивало – присмотревшись, Элли поняла, что это черная вода, плещущая у подножия лестницы. Судя по запаху, канал был относительно чистым – от него несло водорослями и тиной, даже немного гнилью, но ничем больше. Стены покрывала мохнатая слизь, которая, казалось, чуть отсвечивала в полумраке – бледный свет едва пробивался сквозь трещины в потолке, забитые комьями земли и корнями.

Лестница разделилась надвое, уводя к узким набережным, тянувшимся с обеих сторон канала. Элли медленно пошла по левому берегу, стараясь держаться подальше от воды – от нее исходила смутная угроза. Казалось, под смоляной поверхностью канала ходят какие-то сумрачные тени чернее черной воды, безмозглые, но исполненные слепой, голодной ярости. Пройдя несколько метров, Элли остановилась. В подступающей со всех сторон темноте злость на Карререса и Герберта прошла, уступив место страху. Элли оглянулась. Трещина в стене, через которую она попала в подземелье, показалась ей далеким фонарем, подвешенным кем-то, чтобы не дать ей найти настоящий выход. Он то и дело мигал, будто вокруг лампы метались гигантские мотыльки.

Послышался тихий всплеск, и Элли испуганно обернулась на звук, готовая увидеть плывущую к ней черную тварь. Но из глубины туннеля неспешно приближалось пятнышко золотистого света. Элли отступила к стене и вжалась в неглубокую нишу: кто бы ни надвигался оттуда, связываться с этим существом не хотелось. Плеск становился все громче, и вскоре Элли разглядела маленькую лодку с горящей керосиновой лампой на носу.

Суденышком правила закутанная в шаль женщина; ее подсвеченное снизу лицо с глубокими складками у рта казалось жутковатой скорбной маской. Когда лодка уткнулась носом в ступени, женщина встала, и, подозрительно оглядевшись по сторонам, вышла на берег. Она было наклонилась, будто собираясь вытащить что-то из лодки, но замерла, тревожно глядя на далекий выход: видимо, мельтешение теней у пролома насторожило ее. Элли затаила дыхание, чтобы не выдать себя. Помявшись, женщина оставила лодку и стала крадучись пробираться к пролому.

Выдохнув, Элли вытянула шею, разглядывая лодку. Чуть освещенный лампой, на дне стоял какой-то стеклянный сосуд; огонь отбрасывал на его бока маслянистые блики, просвечивал насквозь, и было видно, как в мутноватой жидкости что-то вяло шевелится – белесый, полупрозрачный призрак, разбухший в густой жидкости, лишенный формы. Он его медлительного копошения к горлу подкатывала тошнота; банка казалась отвратительно-притягательной, и Элли не могла отвести от нее глаз. Фантом чуть повернулся, показывая прозрачные и как будто покрытые слизью плавники. Сердце Элли заколотилось; от радостного возбуждения захватило дух. Она едва дождалась, пока женщина отойдет достаточно далеко. Как только шаги зазвучали глуше, Элли, пригибаясь, бросилась к лодке.

Банка оказалась неудобной и очень тяжелой. Крепко обхватив добычу за скользкие бока, Элли попыталась выбраться из лодки; стоило поставить ногу на набережную, как утлое суденышко заходило ходуном. Теряя равновесие, Элли всем телом бросилась на берег и упала на бок, обнимая банку. Раздался отвратительный скрежет стекла о камень. Элли облилась холодным потом, почти чувствуя, как банка раскалывается под руками и жидкость,

сохраняющая драгоценной рыбине жизнь, выливается на землю. Она перекатилась на спину, изо всех сил прижимая банку к животу, и замерла, ощупывая стекло в поисках трещин.

Все было цело. Элли медленно выдохнула, расслабляясь, и тут же вновь обмерла от ужаса: по коридору донеслось эхо торопливых шагов. Элли вскочила, едва не выронив банку вновь, и заметалась по берегу. Хозяйка лодки наверняка услышала звук удара и теперь бежала обратно. Вот-вот она должна была появиться на лестнице и застать воровку прямо на месте преступления, с краденой банкой в обнимку.

Едва соображая, что делает, Элли быстро поставила банку в едва заметное углубление, оставшееся в стене на месте выпавшего камня, и с невинным, заранее оскорбленным видом встала перед ней, загораживая. Это было глупо и бесполезно; Элли и не надеялась, что уловка удастся, и уж тем более не собиралась бороться с этой странной, пугающей женщиной, которая явно чувствовала себя в подземелье, как дома. Надо было всего лишь потянуть время: минута, две, и Герберт выдохнется, он не умеет драться... или Каррересу надоест, и он убьет его, подумала Элли с внезапным ожесточением. Так или иначе – он скоро придет на помощь, а до того надо сделать все, чтобы рыба с мозгом капитана Брида не исчезла в катакомбах бесследно.

На миг наверху мелькнул темный силуэт, и женщина торопливо сбежала к воде. Обнаружив, что лодка пуста, она издала сдавленный крик, полный ярости, и огляделась. Пальцы ее сжимались и разжимались, как когти; Элли стало по-настоящему страшно. Захотелось оставить банку и удрать – может, получилось бы проскочить мимо этой ведьмы к выходу; может, найдя банку, она не устроит погоню. Элли сделала крошечный шагок, и тут женщина услышала ее. Вздвогнув, она резко обернулась; ее лицо показалось Элли очень знакомым. Додумать она не успела.

– Ты кто такая? – глухо спросила женщина, подступая. Во рту Элли пересохло от ужаса. Женщина сделала еще шаг, пристально глядя на непрошеную гостью; тусклая полоска света из трещины в потолке упала на нее, осветила лицо, и у Элли перехватило дыхание.

– Мам? – проговорила она, не веря своим глазам.

Реме ахнула, прижав руки ко рту, но изумление тут же сменилось смущением. Прикусив губу и пряча глаза, она отступила. Элли показалось, что Реме сейчас развернется и убежит, но та, кажется, сумела преодолеть себя.

– Элли, – пробормотала она. – А я как раз к тебе.

– Что?!

– Хотела отдать тебе одну вещь. Ну, или послать, – глаза Реме забегали. – Это ты забрала ее?

Элли кивнула.

– Я думала, что ты умерла, – медленно сказал она. – Думала, что папа сочиняет, потому что ему так легче, а на самом деле тебя нет – иначе ты нашла бы способ проведать меня. – Элли помолчала, потом, сморщившись от мучительного недоумения, спросила: – Зачем ты вообще вышла замуж за папу?

– Ты ничего не понимаешь! – сердито крикнула Реме. – Кто ж знал, что твой отец привезет нас в этот проклятый город! Я думала, что смогу все забыть и жить, как обычная женщина. Я старалась. Он был такой славный, и влюбленный по уши. Тогда я в последний раз попыталась найти дорогу, и у меня ничего не получилось. Я два года сходила с ума, не зная, почему мне так тревожно, пока не встретила на улице Ти-Жака... он дергал меня за рукав и просил милостыню. И смеялся, смеялся...

– Почему ты не попросила переехать? Папа любил тебя, он бы согласился!

– Клаус сказал бы, что я слишком впечатлительна, что у меня расстроены нервы. Знакомо? – зло усмехнулась она, заметив, как скуksилась Элли. – Но даже если бы он согласился уехать, это не помогло бы. Я поняла, когда увидела Ти-Жака. Не сбежать, не забыть. Я больше не могла видеть Клауса... Я спряталась здесь. Я надеялась, что Ти-Жак придумает, как разговорить Брида, и хотела быть рядом в этот момент... Пойми, я не могла оставаться дома, не могла! Прости...

Протянув руки к Элли, Реме попыталась прижать ее к груди. Элли упиралась. От Реме пахло тиной и увядшими цветами; руки даже сквозь одежду показались ледяными. Элли напряглась всем телом, пытаясь сжаться, исчезнуть, лишь бы не прикасаться к этой чужой женщине, которая зачем-то оказалась невыносимо близко.

– Ну что же ты ... – пробормотала Реме, все еще пытаясь обнять дочь.

Элли задергалась в ее руках, пытаясь высвободиться, чувствуя, как ее захлестывает волна гнева.

– Ты бросила нас! – крикнула она и изо всех сил оттолкнула Реме. От неожиданности та пошатнулась. Взмахнув руками, она шагнула назад; нога ухнула в пустоту, и Реме, окончательно потеряв равновесие, рухнула в канал, подняв целый фонтан брызг.

Испуганно вскрикнув, Элли подбежала к воде, готовая уже нырнуть следом, но тут голова Реме показалась над поверхностью. Шумно глотая воздух, женщина с трудом выпростала руки из-под облепившей тело тяжелой шали и уцепилась за бортик. Попыталась подтянуться, но мокрая одежда тянула вниз. Она всхлипнула, царапая камни, и Элли охватил стыд.

– Извини, – буркнула она и присела на корточки, протягивая руку. Реме впилась в нее пальцами с такой силой, будто тонула и уже успела нахлебаться воды и обезуметь от страха. Морщась от боли, Элли принялась тянуть. Беспокойство становилось все сильнее: уж слишком перепуганной выглядела Реме, слишком торопилась, пытаясь выбраться. Из-за этой суеты она все время срывалась, и Элли начинала уставать.

– Да не дергайся так, мам, ты же не тонешь, – сказала Элли. На мгновение перестала тащить и подняла голову, чтобы смахнуть пот со лба. За спиной Реме по воде шла какая-то неприятная, подозрительно упорядоченная рябь; некстати вспомнив о тенях, ходящих в глубине, Элли с новой силой потянула Реме за руку.

Рот Реме разорвал беззвучный вопль. Будто отзываясь на мысли, вода вскипела, и из водоворота возникла зубастая пасть в бледной чешуе, покрытая темными потеками. Элли подалась вперед, уже не думая о том, что сама может свалиться в воду, обхватила Реме обеими руками, изо всех сил откинулась назад и упала на спину, выдирая мать из канала.

Тело Реме обрушилось на нее всей тяжестью, заливая потоками воды. Она хрипела и задыхалась; Элли бормотала что-то успокаивающее, но ее не слышали. Поднапрягшись, Элли перевернула ее на спину. Реме безвольно подалась, будто большая, набитая ватой кукла. Ее лицо стремительно серело. Элли придушенно завизжала и вскочила на ноги.

– Получается, я ее убила, Анхельо, убила своими руками! – Элли снова разрыдалась, уткнувшись в грудь Карререса. Доктор чуть отстранил ее и сосредоточенно нахмурился.

– Она еще жива, – сказал он и тряхнул Элли за плечи. – Слышишь?

– Откуда ты знаешь? – спросила Элли сквозь слезы и спохватившись, пробормотала: – Ах, да. Барон...

Остальное пришлось рассказывать на бегу: Карререс неся огромными шагами, так что Элли едва успевала за ним.

– Я убежала оттуда, просто убежала, – говорила она, задыхаясь от бега и слез и проглатывая слова. – Я перетянула раны, чтобы остановить кровь, пыталась говорить с ней, но она молчала, и лицо... как смятая бумага, как маска... Анхельо, я не могла с ней остаться, мне было страшно, а она, я думала – она уже мертвая, и ей все равно...

– Я понимаю, – бросил на ходу Карререс.

Промозглый воздух пах железом. По воде шла крупная зыбь, поднятая привлеченными кровью глубинными тварями, и мелкая волна билась о камень набережной. Реме лежала неподвижно и, казалось, даже не дышала, но когда Карререс присел рядом, ее веки задрожали, и на лице проступила покорная усталость.

– Реме, – нежно позвал Карререс и сглотнул. – Бедная, бедная...

Глядя на них, Элли вдруг подумала, что Карререс помнит Реме совсем другой. В глубине души холодной колючей рыбиной шевельнулась ревность, и Элли отвернулась,

сгорая от стыда. Обхватив себя руками, она слушала, как с резким вжиканьем открывается молния на сумке, как что-то шуршит и позвякивает; тихий голос доктора, слабый стон Реме.

– Помогите, – сказал Карререс, сунул Элли в руки фонарик. Она послушно встала и, стараясь смотреть только на напряженную спину Карререса, направила луч на рану.

– Надо бы в больницу, – сказал он через минуту. Реме снова застонала и с огромным напряжением шевельнула губами. Карререс склонился над ней, вслушиваясь, кивнул. – Сможешь рассказать, как?

Реме снова зашептала – Элли слышала лишь неразличимый шелест, будто шуршали в безветренный зимний день сухие листья, чудом оставшиеся на ветвях. Ее продирали холод; сообразив, что фонарь больше не нужен, Элли подошла к лодке и протянула ладони к горячей лампе, едва не обжигаясь. За спиной умирала ее мать, и она знала, что виновата в этом, но пока чувствовала только опустошение и усталость, и тайно радовалась отсрочке.

– Отойди-ка, – сказал за спиной Карререс.

Элли посторонилась, и доктор осторожно опустил Реме на дно лодки.

– И что теперь? – спросила Элли.

– На Бимини, – ответил Карререс. – Она тоже хочет вернуться, хотя вряд ли успеет. Но мы можем дать надежду.

– Но как?

Карререс уверенно улыбнулся, но видно было, что он слегка ошарашен.

– Здесь, в катакомбах, стоит «Безыманный». То-то Ти-Жак до сих пор крутится в Клоксвилле...

– Корабль?!

– Спасибо тщеславному губернатору, – усмехнулся Карререс.

Керосиновую лампу оставили на носу: в сумке Карререса нашелся еще один фонарик. К лодке привязали длинную крепкую веревку. Закинув бечеву на плечо, доктор размашисто зашагал вперед; лодка легко и плавно заскользила следом, и на лице Реме проступило умиротворение. Элли, идущая вровень с лодкой, то и дело беспокойно взглядывала на мать, не понимая, спит она или давно потеряла сознание. Карререс уверенно сворачивал на развилках и лишь иногда притормаживал, видимо, припоминая приметы, подсказанные Реме. Шли долго. Один раз пришлось задержаться, чтобы перезарядить фонари – в сыром воздухе батарейки садились прямо на глазах, и тусклые лучи не могли рассеять тьму. Трещины в потолке, пропускавшие свет, давно исчезли; по расчетам Элли, они выбрались из-под холма и находились где-то глубоко под Клоксвиллем.

Элли уже потеряла всякую ориентацию, когда Карререс вдруг остановился.

– И куда дальше? – спросил он в пространство.

Элли осмотрелась. Они стояли на перекрестке двух больших тоннелей. Кто-то перекинул над водой толстые проржавевшие трубы, устроив ненадежные мосты. На месте слияния образовался круглый пруд, больше похожий на колодец, – так высок был потолок. В свете лампы отблескивали медные деления на уходящей под воду черной рее, прибитой к стене. Над поверхностью торчала лишь верхушка в несколько дюймов длиной. «Вода начинает падать, надо торопиться», – мелькнула невеста откуда взявшаяся мысль.

– Реме? – окликнул Карререс, присев над лодкой. Встал, качая головой: бывшая хранилища не отзывалась, даже веки ее оставались неподвижны.

– Давай я сбегать проверю? – торопливо предложила Элли, глядя, как Карререс переводит оценивающий взгляд со входов тоннель на лодочку и обратно.

– Нет, опасно, – ответил он, задумчиво глядя по сторонам. – Мы здесь не одни. Нарвешься на кого-нибудь... Прямо, – вдруг выпалил Карререс, глядя куда-то вниз. – Смотри, – кивнул он.

На ржавчине, покрывавшей ближайший мост, четко виднелись мокрые отпечатки маленьких босых ног.

– Это Ти-Жак? – шепотом спросила Элли, испуганно всматриваясь в темноту.

– Может, и Ти-Жак, – с сомнением проговорил Карререс. – Хотя с чего бы ему

разуваться? Но следы наверняка ведут к «Безымянному» – больше здесь идти некуда.

– Нам везет, – криво улыбнулась Элли.

– Не нам везет, а нас, – хмуро поправил Карререс, снова забрасывая на плечо бечеву.

Тоннель плавно поворачивал, и вскоре на его стенах заплескали рыжеватые отблески. Карререс замедлил шаги; Элли по инерции наткнулась на него, выглянула из-за плеча и обмерла.

На «Безымянном» по всем правилам горели кормовые и якорные огни. Борта брига нависали над набережной, отбрасывая китовые тени. Мачты терялись в темноте. По палубе бродили еле заметные в полутьме мартышечьи фигурки. Обшивка «Безымянного» почернела от старости, но корабль вовсе не казался дряхлым – скорее хищным и опасным, как большое ловкое животное, способное бороться с людьми и волнами, выживать под землей, пробираться в сны и песни и жить там таинственной, незримой, но ощущаемой тенью...

Элли судорожно перевела дух. Прошептала:

– Черный-черный галеон...

– Это бриг, – сухо поправил Карререс.

– Что? – переспросила Элли, не сводя глаз с корабля.

– Это бриг. Капитан Брид никогда не ходил на галеоне.

– А как же считалка? Считалка же...

Карререс пожал плечами.

– Галеон неплохо рифмуется с волнами, не спорю. Но это бриг. Ты бы еще сундук с золотом вспомнила...

– А он есть?

Карререс усмехнулся, но не ответил. Вместо этого он сложил руки рупором и гулко закричал:

– Эй, на судне! Пассажиров берете?

Обезьяньи тени заматались в панике, рассыпаясь вдоль борта. Неуклюжий и сутулый, странно знакомый силуэт на их фоне показался гигантским. Человек облокотился о фальшборт и ответил:

– Смотря какие пассажиры.

В его глуховатом голосе звучала дружеская усмешка. Элли радостно ахнула.

– Гай? Что ты здесь делаешь?

– Что я здесь делаю?! – вскричал Гай. – Это же подлинный бриг восемнадцатого века! В идеальном состоянии!

– Он всегда такой был? – негромко спросил Карререс. Элли кивнула.

– Подниметесь на борт? – спросил тем временем Гай.

– Бросай трап, – ответил Карререс и легко поднял Реме на руки. – Интересно, где бродит Ти-Жак, – беспокойно пробормотал он.

Они едва успели подняться на палубу. Стоило лишь отблеску фонарей упасть на банку в руках Элли, как их с глухим ворчанием начали окружать матросы. Зомби, бродившие до сих пор апатичными тенями, боком, по широкой дуге подбирались все ближе, не сводя глаз с рыбы. Запахи волглых парусов, солярки и машинного масла заглушили волны гнилого дыхания.

– Эй, вы чего? – растерянно бормотал за спинами Гай, пытаясь пробиться сквозь цепь. – Сказали бы, что нельзя...

Смотрителя молча оттерли. Девушка крепче прижала банку к животу и оглянулась – за спиной уже стояли двое, отрезая путь. Элли с Каррересом оказались в тесном кольце. «Все в порядке, не дергайся», – одними губами проговорил доктор. Элли пискнула, вжимаясь в его плечо. Жалобно застонала на руках Карререса потревоженная Реме. Иссохшая рука с черными ногтями потянулась к банке.

Глава 33

Ти-Жак перевернул жилище Реме вверх дном, обшарив даже те тайники, о которых хозяйка и не подозревала: по случайному совпадению Беглая обустроилась в той самой камере, где когда-то держали пирата. Единственную стеклянную банку он нашел среди консервов; она была доверху наполнена густой красновато-коричневой жижей. На всякий случай Ти-Жак отвернул плотно притертую крышку и запустил в банку руку, пошарил внутри – но в вязкой жидкости ничего не скрывалось. Боцман в бешенстве запустил посудину в стену и едва увернулся от веера липких брызг. В каморке сильно запахло клубничным сиропом. Ти-Жак с отвращением обтер руку об грудь одеял и сел, обхватив голову.

Он уже не сомневался, что Реме выследила его у музея и похитила капитана, пока сам Ти-Жак разбирался с маньяком-смотрителем. Ти-Жак догадался бы и раньше, но появление в городе Барона сбило его с толку. Прodelано было ловко; наверняка у Беглой хватило ума перепрятать банку в надежное место, а не держать дома, но Ти-Жак должен был проверить – иначе сомнения не дали бы ему покоя. Тайник не найти – в распоряжении Беглой все катакомбы; понять бы, что она собиралась делать... Зачем ей вообще понадобилась рыба? Отдать Барону? Вряд ли – в тот момент Реме еще не знала, что он вернулся; кроме того, она ненавидела Самеди, считая его виновником своих бед наравне с капитаном Бридом. Барон внушал ей страх; капитан – презрительную ярость. Она уничтожила бы его, если б могла. Чего проще – швырнуть банку об камень... Эта мысль дышала таким тоскливым ужасом, что Ти-Жак поспешно отбросил ее.

Разослать матросов по всему подземелью, прикидывал боцман, – пусть ищут проклятую бабу. Захватить ее зомби не смогут, побоятся – но пусть хотя бы выследят. Если Брида с ней нет – Ти-Жак придумает, как заставить ее говорить. В крайнем случае пригрозить выдать дураку-мужу – уж аптекарю-то плевать на любую силу и магию. Проще остановить носорога, чем объяснить Клаусу нечто, не лезущее в его привычные рамки. Предложение повидаться с супругом мигом развяжет Беглой язык...

Не размышляя больше, Ти-Жак выбрался из каморки Реме и заковылял к «Безымянному».

Еще даже не свернув к каналу, в котором стоял бриг, Ти-Жак забеспокоился. С корабля доносились странные звуки; прислушавшись, боцман понял, что это разноголосое ворчание возбужденных зомби. Ти-Жак побежал, подволакивая ногу. Последний раз его матросы шумели, когда капитан раскроил себе голову о камни. Правда, тогда они просто сбесились, а сейчас были всего лишь немного не в себе, но Ти-Жак прекрасно помнил совет Карререса: если зомби волнуются, держи ухо востро: грань между мирами истончилась, рядом кто-то или что-то, способное разрушить ее, а с такимивещами надо быть настороже. Погасив фонарь и пригнувшись, Ти-Жак начал подбираться к «Безымянному».

Скорчившись у трапа, он услышал, как ворчание перешло в испуганный вой; по палубе зашлепало множество ног и стихло; лишь доносилось с дальнего борта жалобное поскуливание. «Дошло наконец», – проворчал удивительно знакомый голос; ему отозвался нервный девичий смешок. Ти-Жак шепотом выругался и задергался, не зная, что делать дальше. Наконец он решительно выпрямился, поправил шляпу и начал неторопливо подниматься по трапу.

– Пугаешь моих матросов, Барон? – ядовито проскрипел Ти-Жак, ступив на палубу, и хрюкнул от неожиданности. –носишь Реме на руках? Капитану это не понравилось бы.

– Не валяй дурака, Ти-Жак, – поморщился Карререс. – Она ранена. Гай...

– Отнесу ее в каюту, я видел там нормальную кровать, – откликнулся тот, осторожно принимая Реме. Боцман, узнав смотрителя музея, отшатнулся, потянулся было за пистолетом, но, увидев, что Гай не обращает на него внимания, махнул рукой.

– Ранена, говоришь? – буркнул он. – Она украла капитана... А теперь будет валяться на его койке!

Карререс усмехнулся. Ти-Жак пожал плечами, шаря глазами по палубе, и наконец заметил Элли. Он хищно подобрался; ноздри Ти-Жака раздулись, он пригнулся, как перед

прыжком, – но напоролся на предупреждающий взгляд Карререса и сник. Поспешно соорудив равнодушно-заботливую мину, боцман проблеял приторным голосом:

– Дай мне банку, девочка, она тяжелая, уронишь...

Элли попятилась и всполошено взглянула на Карререса. Доктор закатил глаза.

– Ти-Жак, – сказал он, – давай говорить напрямик. Тебе нужен Бимини. Мне нужен Бимини. Ты перестанешь юлить и пойдешь с нами или мне выкинуть тебя отсюда за шкуру?

– Что?! – просипел Ти-Жак, и его и без того морщинистое лицо стало похоже на скомканную тряпку.

– Сила на моей стороне, и ты это знаешь, – объяснил Карререс. – Не пойму только, чем я тебе насолил.

– Чем? Чем?! – завопил Ти-Жак. – Ты угробил источник! Ты совал нос куда не надо! А теперь хочешь вернуться туда и окончательно все разрушить. Думаешь, я не знаю? Самеди! Ты хочешь забрать его силу себе, а я так и останусь проклят! Ты нарочно так устроил, чтобы не остаться без добычи, а теперь испугался, что я все исправлю и кто-то опять будет находить, и становиться бессмертным, и не попадет тебе в лапы, у тебя же каждая душа на счету, а? а? Что скажешь? Я все знаю!

– Да, за двести с лишком лет у твоей фантазии было время разгуляться, – хмыкнул Карререс. – Интересно, ты сам до всего этого додумался? – Ти-Жак засопел. – Ничего, – сказал Карререс и похлопал Элли по плечу, подталкивая вперед. – Посмотри же внимательней на эту барышню.

– Ну, дочка Реме, – вяло пробормотал Ти-Жак, скользнув по Элли равнодушным взглядом.

– И скоро – новая хранилища Бимини. Повел бы я ее с собой, если бы ты был прав?

– Откуда я знаю, что ты задумал? – огрызнулся Ти-Жак и посмотрел на Элли повнимательней. – Девчонка в тебя влюблена по уши, – фыркнул он. – Сделает все, что тебе нужно.

Элли тихо, но возмущенно зашипела, пряча глаза, и Карререс довольно кивнул.

– Если бы все было так просто, – улыбнулся он. – Так что, Ти-Жак? «Безымянный» доставит нас на Бимини?

Ти-Жак помолчал, глядя в стену со странной смесью мечтательности и недоверия.

– Так что, дорогу ты знаешь, Барон? – задумчиво спросил он. Карререс промолчал, но боцман, похоже, и не ждал ответа. – И вода поднялась, так что, пожалуй, мы сможем вывести «Безымянный»... Зря я, что ли, на него мотор ставил...

– А кстати, как сюда попал бриг?

– Я слышал эту историю, – вмешался Гай, который давно уже вышел на палубу и с детским любопытством следил за перепалкой. – Вроде как взрыв был так силен, что грунт над катакомбами частично провалился, частично осел... Но корабль! Этим байкам двести лет, но кто в здравом уме в них поверил бы?

– Пруд, – пробормотал Карререс. – Я помню, удивлялся – у «Безымянного» большая осадка, как умудрились затолкать его в пруд? Я даже заподозрил, что у него срезали киль – с тогдашнего губернатора случилось бы... Но все оказалось, конечно, проще. Не просто пруд – провал в затопленные катакомбы. После взрыва вода ушла, и бриг оказался внизу. Ти-Жак?

– Что? Ни черта я на такую удачу не рассчитывал, если ты об этом, Барон. И удача ли? Я бы слинял из Клоксвилля, да «Безымянный» меня держал. Капитан-то был со мной.

– Только молчал. Как рыба.

– Шутник ты, доктор, – вздохнул Ти-Жак. – Сам-то на что рассчитываешь? Наверняка держишь козырь в кармане? Ну так на всякий козырь, сам знаешь... Уж я бы что-нибудь придумал. Нашел бы негра помозговитее... Это все «Безымянный», док, – я же старпом, мне нельзя корабль бросать, раз капитана нет, и уж тем более – с капитаном в банке.

Карререс фыркнул.

– «Безымянный» тебя держал? Или возможность жить в темноте, как слепой крот? Ведь там, снаружи, краски, а, Ти-Жак? Не видеть – больно, видеть – страшно...

– Отвали, док, – огрызнулся боцман. Карререс рассмеялся.

– Не важно. Но что ты будешь делать, когда мы выйдем в открытое море?

Ти-Жак с ухмылкой полез за пазуху и вытащил небольшой предмет, чуть блеснувший в свете фонарей.

– Солнечные очки! – торжественно объявил он. – Я спер их из аптеки, когда ты, принцесса, дрыхла за прилавком, – подмигнул он Элли.

– Что-то не похоже на простые темные очки, – с сомнением ответила она, ощутив под руками резиновую ленту и выпуклые стекла. Отошла поближе к фонарю, чтобы рассмотреть. – Это стереоочки!

Ти-Жак смущенно охнул и принялся рыться в карманах.

– Перепутал, – сказал он. – Эти обронил один тип.

– Какой тип? – спросила Элли, смутно припоминая эксцентрика в каске.

– Да бегаёт тут один сумасшедший. Все ищет невидимую рыбу. Мы стараемся не попадаться ему на глаза – уж больно шумный.

Элли понимающе кивнула, пытаясь вспомнить, зачем тот покупал очки с разноцветными стеклами. Все заслоняла фигура явившегося следом Анхельо, но что-то всплывало в памяти, что-то, показавшееся тогда важным и чудным. Растянув резиновую ленту, чтоб не драла волосы, Элли приладила стекла к глазам и свесилась с фальшборта, пытаясь что-нибудь рассмотреть. Показалось, что в воде замелькали светящиеся точки. Элли моргнула, и пятнышки холодного зеленоватого пламени пропали.

– Темно, – пожаловалась она, снимая очки. – Можно, я их у себя оставлю?

– Мне они ни к чему, принцесса, – ответил Ти-Жак. Помявшись, он ткнул пальцем в Гая: – А этот мертвяк – тоже с нами? Это не мой. То есть... не совсем мой.

– С нами, если захочет, – ответил Карререс.

– Как ты вообще здесь оказался? – спросила Элли, дернув Гая за рукав.

– Выследил этого типа, который меня убил, – кивнул Гай на Ти-Жака. – Мне не спалось, да и вообще непонятно было – с чего это я сижу в чужом доме и пытаюсь подремать в кресле, зачем? Домой тоже не тянуло. Я и подумал: дай-ка прогуляюсь, утро такое свежее, тихое, никого, только дворники, и те еле шевелятся. А он, представляешь, воровал бензин на автозаправке, – ухмыльнулся Гай и замялся. – Он здесь, похоже, за главного... Я не стал сразу соваться, дождался, пока уйдет. Остальные-то вроде нормальные ребята, только какие-то молчаливые и вроде как немного не в себе. – Гай нагнулся к Элли и хрипло прошептал ей на ухо: – Они, кажется, вообще не живые.

Элли неуверенно улыбнулась и оглянулась на Карререса.

– Как ты себя чувствуешь, Гай? – спросил доктор.

– Спасибо, нормально, – удивленно ответил тот. – Знобит немного – сыро...

Не слушая, Карререс подошел вплотную, осветил фонариком прямо в глаза. Гай растерянно замигал, глядя на доктора огромными, во всю радужку зрачками. Карререс пожал плечами и опустил фонарь.

– Чувствуешь вялость? Сонливость?

– Нет, с чего бы? – Гай повернулся к Элли и скорчил недоуменную физиономию. Та слабо улыбнулась в ответ и вопросительно взглянула на Карререса.

– В конце концов, я не специалист по психофизиологии зомби, – раздраженно проворчал тот.

– Безвольных, лишенных чувств и желаний, – пробормотала Элли.

– Да, напортила ты, принцесса...

– Я?!

– Я только подтолкнул, – ответил Карререс.

– Ну и ладно. Я только рада, – тихо сказала Элли, глядя на Гая. Тот уже носился по палубе, снова ощупывая и чуть ли не обнюхивая такелаж и изредка перебрасываясь парой фраз с матросами.

– Только согласится ли он теперь быть нашим проводником? Нам еще надо как-то

выбраться на побережье.

Элли фыркнула и закатила глаза.

– Гай! – крикнула она. – Пойдешь с нами?

– А куда?

– На Бимини, – ответил Карререс. Гай радостно встрепенулся, но тут же какая-то мысль заставила зрителя озабоченно нахмуриться.

– А музей? – спросил он.

– Ты же умер, – напомнила Элли.

Карререс с Ти-Жаком ушли на капитанский мостик. Доктор поставил банку на доски так, чтобы рыба голова указывала на нос брига, и выпрямился, сосредоточенно разглядывая крышку.

– Я рассчитывал, что рыба, как компас, будет указывать на Бимини, – задумчиво сказал он, чуть подтолкнул банку носком ботинка, и, задрав брови, с любопытством взгляделся в стекло. Рыбина апатично закачалась в глицериновых волнах. Ти-Жак сморщился так, будто надкусил незрелый лайм.

– Док, ты меня за идиота держишь? Думаешь, я так не пробовал?

Нагнувшись, он развернул банку. Рыба невозмутимо колыхнулась и уставилась белесыми глазами в сторону кормы. Ти-Жак постучал пальцами по стеклу. Плавники шевельнулись и снова застыли.

– Да, – согласился Карререс, – чего-то не хватает.

– Чего-то не хватает?! Может, мозгов? Эта рыба дохлая!

Ти-Жак бросил на Карререса бешеный взгляд и присел на корточки над банкой, вертя ее и потряхивая.

– Бедняга Брид, – меланхолично произнес Карререс. – Ему всю жизнь не везло. Подумай сам, Ти-Жак, что у него было? Лишь надежда и портрет любимой женщины. А потом он и того лишился...

Ти-Жак гулко сглотнул и запустил руку за воротник. Тускло блеснула потертая медная цепочка и поблекла в густых золотистых бликах, пляшущих на медальоне.

– Портрет можно и вернуть, – проговорил Ти-Жак и, косясь на Карререса, положил медальон на крышку.

Карререс чуть повернул золотой диск; раздался негромкий металлический стук, когда орнамент медальона совпал с едва заметными выбоинками на крышке банки. Жидкость в банке вспенилась, и Ти-Жак отпрянул, тихо взвизгнув.

– Ну же! – азартно воскликнул Карререс, склонившись над банкой.

Пена осела, превратившись в серебристые пузырьки. Сквозь них хорошо было видно, как рыба ударила хвостом и резко развернулась к носу корабля. Карререс выпрямился и расслабленно привалился к штурвалу, глядя, как очнувшийся Ти-Жак вертит банку. Рыба упорно поворачивалась к носу, и Ти-Жак, наконец поверив, уселся рядом на доски и длинно вздохнул.

– И разворачиваться не надо, а? – с сумасшедшим весельем сказал он и вдруг насторожился. – Кого еще черти несут? – раздраженно спросил он и, вытащив на всякий случай пистолет, заковылял за Каррересом, который уже почти бежал к трапу.

Глава 34

– Элли! – завопил кто-то внизу и сипло раскашлялся.

Элли встрепенулась и испуганно взглянула на Карререса.

– Это папа, – прошептала она.

– Элли! – рявкнул Клаус, прочистив горло. Свет фонарика бил в глаза, так что нельзя было рассмотреть даже силуэта, но Элли знала, что усы у Клауса встопорщены, а лицо покраснело от праведного гнева. – Элли Бриджит Нуссер, немедленно слезай с этой лохани!

– Ты не говорила, что твое второе имя – Бриджит, – заметил Карререс, взглянув на Элли с легкой растерянностью.

– Как-то речи не заходило, – слабо улыбнулась она. – Анхельо... мне надо спуститься к нему, – Карререс покачал головой, и Элли умоляюще сложила руки:

– Я должна попроситься... и все объяснить. Должна, понимаешь? Я не могу сбежать от него так. Он же ничего не знает... и про маму тоже... он же будет думать, что его все бросили... Пожалуйста, Анхельо!

– Да я тебе разве запрещаю? Только имей в виду: это может оказаться опасным.

– Это же папа!

– Ты понимаешь, что твои планы ему совсем не понравятся?

– Да. Но я все ему объясню. Он поймет, вот увидишь!

Карререс с сомнением поглядел вниз, где нервно метался луч фонарика, будто бы Клаус подпрыгивал от нетерпения.

– Ты рискуешь. Очень рискуешь.

– Я ненадолго, – ответила Элли уже на бегу. – Иду, иду, папа, не шуми! – весело крикнула она, на мгновение свесившись вниз.

– Элли! – окликнул Карререс, и девушка замерла, оглянувшись. – У нас мало времени. Вода падает. Я буду ждать ровно час. Потом «Безымянный» поднимет якорь – все равно, будешь ты к тому времени на борту или нет. Иначе мы рискуем застрять здесь навсегда.

– Я вернусь через полчаса, – ответила Элли. Она улыбалась, но глаза ее были серьезны. Помявшись, Элли вдруг подбежала к Каррересу, сняла с себя медальон и надела на шею доктора. Привстав на цыпочки, торопливо поцеловала в щеку, и, вывернувшись из скользнувшей по талии руки, бросилась к трапу.

– Не хочешь присмотреть за ней, Барон? – спросил Ти-Жак. – Чую, папаша что-то задумал...

– Он не справится с ней силой, – сказал Карререс. – А все остальное Элли должна решить сама, без оглядки на меня.

– Элли Бриджит, – хихикнул Ти-Жак. – Ну и дела, Барон! Думаешь, Реме знала заранее?

– Вряд ли, – ответил Карререс со странной, смущенной улыбкой в голосе. – Случайность. К тому же это могла быть идея Клауса.

– Не ты ли, Барон, говорил, что случайностей не бывает? – поддел его Ти-Жак.

Карререс грустно улыбнулся и покачал головой, когда боцман тихо засмеялся.

– Но раз уж случайностей не бывает – то не пора ли вернуть «Безымянному» имя? – спросил он. Несколько секунд Ти-Жак озадаченно глядел на Карререса, а потом, сообразив, хлопнул себя по лбу.

– У меня где-то припрятана пара банок краски, – сказал он.

– Папа, я должна тебе кучу всего рассказать, но у меня мало времени, так что слушай внимательно, – затараторила Элли, не переводя дыхания, но Клаус приложил палец к губам.

– Давай отойдем, – сказал он и потянул ее к корме «Безымянного». – Не хочу, чтобы доктор нас слышал – мало ли.

– Он все знает, – ответила Элли, – и у меня всего полчаса...

– Здесь недалеко, – прервал ее Клаус, увлекая за собой. Они прошагали к корме «Безымянного» и пошли вдоль канала. Через минуту ходьбы Клаус потянул Элли за руку и ловко нырнул в щель, которая вывела их в узкий сухой коридор, уводящий наверх.

– Па, у меня только полчаса, – напомнила Элли, и Класс покладисто кивнул.

– Почти пришли, – сказал он и погасил фонарик.

Элли ожидала оказаться в полной темноте, но увидела впереди свет, льющийся откуда-то из-за поворота. За углом оказалась перекошенная, навсегда застрявшая в проеме дверь, обитая медными листами; она была приоткрыта на пару ладоней. Клаус, втянув брюхо, протиснулся в комнату и помахал рукой Элли. Та проскользнула следом в большую, ярко

освещенную комнату и огляделась.

На вбитых в низкий, будто продавленный потолок крючьях висели два здоровенных фонаря-прожектора, – Элли вспомнила, что отец купил их, когда всерьез увлекся раскопками. Вместо одной из стен сохранилась лишь осыпь кирпичей и расколотых каменных блоков. Из-под потолка пробивался бледный дневной свет, и Элли показалось даже, что она различает на самой вершине несколько чахлых кустиков и побеги полыни. Ей стало нехорошо, когда она представила, как отец протискивается сквозь эту дыру, в любую секунду готовую осыпаться. Но, похоже, именно так Клаус впервые попал в лабораторию Карререса, – а Элли не сомневалась, что находится именно в ней. Похоже, в поисках брига они сделали изрядный крюк. Столько идти, чтобы вернуться под развалины тюрьмы... Дурной знак. Элли поежилась.

Третью помещения засыпало битым камнем, но оставшаяся часть лаборатории сохранилась на редкость хорошо. Вдоль оставшихся целыми стен были развешаны полки, уставленные приборами и химической посудой. Часть их обвалилась, исчезла в глубоких трещинах, рассекавших местами пол, но многое выглядело как новенькое, – протри от пыли и пользуйся. В проеме между полками тенью стоял Герберт. В первый момент Элли показалось, что это просто темный мертвый предмет, лишь очертаниями схожий с человеком. Она вздрогнула, увидев, как он моргнул, и подумала, что сейчас Герберт похож на зомби гораздо сильнее, чем Гай. Под глазом инженера красовался синяк, на шее краснела царапина, оставленная стилетом Карререса. Но больше всего пугало бледное, ставшее каким-то рыхлым лицо, пустое, похожее на кусок сырого теста. Девушка заворожено кивнула Герберту, не решаясь сказать что-нибудь вслух. Инженер смотрел исподлобья, и Элли даже не была уверена, что он ее узнает. Сглотнув, она отвернулась и вновь принялась рассматривать лабораторию.

Большой стол, на который падал основной свет переносных прожекторов, был застелен ослепительно-белой простыней. Рядом на маленьком столике с колесиками стоял туго набитый саквояж Клауса. Элли стало не по себе.

– Папа, давай я тебе все быстренько расскажу и пойду? – тихо сказала она. – А еще лучше – расскажу по дороге. Спасибо, что показал мне лабораторию Анхельо, но мне надо торопиться. И мне так много надо сказать тебе...

Клаус вскинул руку, останавливая ее:

– Я все знаю, Элли, – сказал он грустно. – Я все знаю. Он воспользовался твоими странностями, потакал твоим фантазиям, болезненным выдумкам, доставшимся в наследство от твоей несчастной мамы...

– Я все знаю про маму! Она вовсе не была странная! Просто она очень устала и убежала, а ей нельзя было это делать!

– Конечно, нельзя, – согласился Клаус. – Нельзя было оставлять нас с тобой одних...

– Да нет же, не от нас!

– Вот видишь, ты же умничка, сама все понимаешь, – бормотал Клаус, не слушая ее. – Я знал, что ты просто упрямисься. Зато сама принесла, а я волновался, что нам придется сначала домой идти, а тут видишь, как удобно...

– О чем ты, пап?

Клаус не ответил. Закряхтев, он наклонился и вытащил из-под стола маленькую клетку. Яркий свет заиграл на изумрудной чешуе, и Элли вскрикнула, как загнанный зверек.

– Сама принесла... – повторила она, как в трансе.

Клаус распахнул саквояж, превратив его в подобие стола с инструментами. Игуана зашипела и выгнулась, пытаясь ухватить Клауса за руку, но аптекарь ловко сжал пальцами ее шею.

– Помоги мне, Герберт, – торопливо приказал он, хватая второй рукой наполненный шприц.

Инженер бесшумно отделился от стены, и они в четыре руки завозились над разъяренной ящерицей. В конце концов Клаус ухитрился воткнуть иглу в складки кожи.

Некоторое время ящерица пыталась вывернуться, но быстро обмякла, – только нервно подергивались лапы. Но и эти движения вскоре прекратились. Шагнув в сторону, Герберт снова застыл, как истукан. Клаус уложил игуану кверху брюхом в длинную фарфоровую лохань и взял скальпель.

Элли отвернулась, глотая слезы и стараясь не слушать напряженное сопение Клауса. Кто-то отчаянно завизжал в ее голове, заплакал, как перепуганный ребенок, и затих.

– Папа... – позвала Элли, не оборачиваясь.

– Ложись на стол, дочка. Ложись и ни о чем не думай. Не надо сомневаться и жалеть. Я тебя люблю, Элли, и Герберт тоже. А он?

– Я совсем запуталась, – сказала Элли неживым, надломленным голосом. – И я так устала, пап. Так устала...

– Тише, тише, Элли, бедная моя малышка, – баюкал ее Клаус. – Я знаю, как тебе лучше. Все будет хорошо, вот увидишь. Тебе никогда больше не придется так мучаться. Ты будешь счастлива, обещаю.

– Да, да, – пробормотала Элли, закрывая глаза. Звякнула склянка, запахло чем-то приторным, от чего Элли тут же начало подташнивать. – Это наркоз? – равнодушно спросила она.

– Да, деточка.

Элли открыла глаза, и свет фонарей ослепил ее. Лицо отца казалось черным и блестящим, как непроницаемая маска из гладкой резины.

– Мне ведь не будет больно?

– Ну что ты, конечно, нет, моя принцессочка, – ответил отец, приближаясь.

– Принцесса чего? Знаешь же, я не люблю, когда ты так, – машинально взбрыкнула Элли. Клаус виновато хихикнул, и к горлу снова подкатила тошнота. – Принцесса... чего? – повторила Элли.

«Бимини, – стучало в висках. – Би-ми-ни, Би-ми-ни». Элли смотрела на игуану со вспоротым брюхом, но не видела ее. Где-то за стеной журчала падающая вода, и в этом звуке, то звонком, то приглушенном, слышался ритм. «Ляг, Элли», – как сквозь вату, донесся голос отца и был заглушен рокотом маленьких барабанов. Голова кружилась все сильнее, и перед глазами трепетал блестящий зеленый пух. Элли поплыла сквозь туман, – но он не был холодным и пугающим, он был теплым, и сквозь него пробивалось солнце; из-за облака выглянул старик с суровым лицом и растрепанной гривой седых волос. «Край забвенья, – сказал он. – Ключ забвенья». «Она умерла, – сказал в голове Анхельо. – Реме умерла». Я не Реме, меня зовут Элли, Элли Бриджит Нуссер, подумала Элли, и я уйду на настоящий Бимини, Анхельо, я не хочу без тебя, но ты сказал, что так надо, прощай. Теперь я знаю путь. Туман сгустился в блестящий кольчатый узор и обернулся игуаньими потрохами. Глянцевое от свежей крови сердце ящерицы дрогнуло и принялось сокращаться, вплетая в узор ритма тихий глухой стук.

Вкус крови во рту. Запах пороха и лилий. Тело, горячее и влажное, как после танца или любви.

– Бимини, – сказала Элли, распахнула глаза и резко села, выдирая из рук Клауса бинты.

Глава 35

– Вода скоро спадет, Барон, – тревожно сказал Ти-Жак. – Ты уверен, что нам не обойтись без девчонки?

Карререс покачал головой. Он ни в чем не был уверен. Он до сих пор не знал: иссяк ли источник оттого, что остался без хранильницы, или виной – его эксперименты? Что у него есть, кроме догадок? Зачем дожидаться Элли, рискуя застрять еще на годы, если даже не знаешь, вернется ли она? Ответов у Карререса не было.

– Она нужна мне... нам, – сказал он.

– Час уже прошел. И, док... она же отдала тебе медальон. Девчонка и не собиралась

возвращаться.

– Подождем еще полчаса, – ответил Карререс.

Тоннель, в котором стоял «Безымянный», снова погрузился в тишину, которую нарушал лишь звон капель, журчание убывающей воды да случайный всплеск неведомой твари под чернильной поверхностью канала. Под палубой неразлично бубнили голоса: Гай выпрашивал у матросов какие-то технические подробности. Однако вскоре Карререс подобрался и напряженно прислушался. С берега донеслось странное позвякивание и шарканье; заметался слабый луч фонарика и застыл, слившись с лужицей света от носового фонаря.

– Эй, на борту, – раздался с границы света и тьмы старческий голос. – Мне нужно поговорить с Бароном.

– Ты опоздал, приятель, мы отчаливаем, – злобно огрызнулся Ти-Жак в темноту. – Заходи через...

– Принять на борт! – перебил Карререс. С фонарем в руке он подошел к трапу и осветил черное потное лицо.

– Зачем ты пришел? – спросил он Ван Вогта.

– Поговорить, – просипел старик, задыхаясь после подъема. – Про девчонку. С глазу на глаз.

Карререс молча кивнул и пошел вперед, освещая дорогу. Войдя в каюту, он резко развернулся к Ван Вогту.

– В чем дело? – неприязненно спросил доктор.

– Она не вернется, Барон, – сказал Ван Вогт, не глядя прикрыл дверь. Под деланной почтительностью старика чувствовалось плохо скрытое торжество. – Она поступила разумно и вернулась в объятия господина Нуссера. Зачем тащиться черт знает куда, да еще и с мужчиной, который к тебе равнодушен? Аптекарь оказался убедительнее тебя – все-таки отец... Или потому, что ты не хотел убеждать ее до конца? Может, тебе нужно было расшевелить не Элли, а ее сумасшедшего, но слишком нерешительного отца, а? – Ван Вогт радостно ухмыльнулся, но тут же увял, наткнувшись на ледяной взгляд Карререса. – Прямо сейчас добрый папочка втискивает сознание своей дочки в тушку ящерицы. Твоим же методом, цитируя на память дневники. Твои поиски погубили единственную женщину, которая могла тебя спасти. А ведь она любила тебя.

– Я знаю.

– Но не огорчен? Ты ведь не можешь любить, это расплата за Бимини... Зато прекрасно знаешь, что можешь забрать ее силу, несчастный кособокий лоя. Все равно ей уже ничего не нужно. Я провожу тебя к ним. Нуссер ничего не знает об оживляющих знаках, девчонка продержится недолго, и, умирая, выплеснет все. Тебе останется только взять ее любовь – и стать наконец законным хозяином гробам и постелям. Ты ведь для этого втянул несчастную девушку в историю, признайся. Хватит оплакивать Бимини. Тебе уже не сделаться человеком – но ты можешь стать богом.

– Втиснутым в человечью оболочку, – уточнил Карререс. – Удобным богом, послушным вашей грязной магии.

– В бессмертную оболочку! – горячо вскричал Ван Вогт. – Бог – он и в Африке бог, – бокор хихикнул.

Тихо-тихо скрипнула дверь, но увлеченный Ван Вогт этого не услышал.

– Здорово твой дед это придумал. Интересно, когда?

– Ничего он не придумывал, – обиделся Ван Вогт. – Здесь подтолкнул, там подправил... Он был сильным колдуном, но всего лишь человеком, ему ли спорить с судьбой? Все случилось так, как должно, Самеди, и ты знаешь – зачем. Так не пора ли...

– Не пора ли, – сердито сказала Элли и обрушила на голову Ван Вогта рукоять пистолета. Бокор рухнул, как подрубленный, – скорее от неожиданности, подметил Карререс, чем от самого удара.

– Так вот что он должен был мне нагадать! – крикнула Элли. – А ты... а ты... сам не

мог сказать?

– Элли, ты о чем? – поморщился Карререс, одним глазом присматривая за копошащимся под ногами колдуном.

– Мог бы сам сказать, что не можешь любить...

Карререс закатил глаза.

– Элли...

– Хорошо. Забирай – уж не знаю, как, но ты ведь умеешь. Становись Бароном Субботой. Зачем ты плел мне байки про Бимини? Можно было бы и обойтись... Я должна вернуться к папе? – проговорила она, чувствуя, что ее заносит, что все неправда, что все должно быть проще и одновременно – сложнее, но уже не в силах остановиться. – Ведь он про это должен был нагадать – что я буду хорошей девочкой, послушной дочкой? Заставить меня поверить, что мне судьба стать этой проклятой ящерицей? И ты почти позволил ему! Все твои слова... Помочь вернуть источник! Стать собой! Как же!

– Какого черта ты веришь ему, а не мне? – очень тихо спросил Карререс. Элли наконец рассмотрела сквозь пелену слез его лицо и осеклась.

«Потому что для того, чтобы я тебе поверила, не нужно было тащить меня в постель, – подумала она. – А вот для того, чтобы влюбилась с потрохами... Потому что объяснения Ван Вогта так же правдоподобны, как и твои, а я боюсь тебе верить. Потому что все, что ты делал, толкало в нужную сторону не только меня, но и папу. Потому что ты обещал ему помочь. Потому что ты развалил мою жизнь, пусть плохонькую, пустую, но гладкую и удобную, – чтобы я исправила твои ошибки, мамины ошибки, ошибки капитана-психопата, – но я не знаю, сможет ли это наполнить меня. Потому что я хочу быть с тобой, а ты обещаешь мне всего лишь Бимини. Потому что ты говоришь, что хочешь стать человеком, но при этом пытаешься лишить человеческого меня. Потому что я совсем одна, и мне страшно...»

Элли сморщилась, как от боли.

– Ты хоть удовольствие прошлой ночью получил? – спросила она. – Или это было просто частью работы?

– Получил, – ответил Карререс, перешагнув через Ван Вогта и вышел из каюты.

– Деточка... – заговорил Ван Вогт, глядя снизу вверх на Элли.

– Убирайся, – прорычала она и обеими руками навела на привставшего бокора пистолет. – Вон отсюда.

– Тише, тише, милая, – пробормотал Ван Вогт, пятясь к дверям. – Ну что ты так злишься?

Лицо Элли исказилось, и она дернула пальцем какой-то рычажок. Раздался сухой щелчок, слабо запахло порохом, и бокор резво выскочил за дверь. Сдвинув брови, Элли внимательно осмотрела пистолет, передернула плечами и всхлипнула. Сердито вытерла кулаком слезы, недоуменно озираясь. Надо было что-то делать дальше.

Засунув пистолет за пояс, Элли вышла на палубу. Послушала, как брякает пальто Ван Вогта, торопливо сбегающего по трапу. Облокотилась о скользкий от сырости фальшборт, глядя в слабо отсвечивающую стену туннеля – или это дрожали отблески корабельных огней в застилающих глаза слезах? Спину сверлили выжидающие взгляды, но темная палуба казалась вымершей. Где они все? Ждут, затаив дыхание, и стоит сделать неверный шаг – завоют, заулюлюкают, вцепятся ледяными пальцами в шею...

... как впился Герберт, когда она соскочила со стола, а вокруг, причитая, вился отец с пропитанной хлороформом ваткой в руке, и все упрашивал вести себя хорошо и слушаться. Элли оттолкнула его, а пальцы Герберта разжались сами, и сама собой затянулась рана на игуаньем брюхе, и Герберт по-ящеричьи полз по осыпи, поскуливая от страха, спеша добраться до ведущей на воздух щели, а Клаус обиженно бормотал: «Ну сказала бы, что не хочешь, зачем же так, в конце концов я твой отец...».

А она взяла игуану на руки, и одуревшая ящерица молча сомкнула челюсти на ее пальце так, что Элли едва сумела выдернуть руку. «Перестань кусаться, зеленая чешуйчатая дрянь», – сказала она и рассмеялась, и потом как-то очень быстро оказалась на

«Безымянном», сунула ящерицу в руки Ти-Жаку и выдернула из-за пояса ошалевшего боцмана пистолет, потому что чуяла, что в каюте Карререса холодно, темно и мертво, что там – злое, там путаются дороги и затираются следы, и все пути изгибаются, извращаются немыслимо, чтобы привести к пропасти, и...

Элли попыталась мысленно дотянуться до Карререса, но не нашла ничего, кроме холодной пустоты, исполненной водяным плеском. «Помоги мне! – взмолилась она. – Скажи, что все не так... Скажи, что мне делать!» Никто не ответил. Она была одна на этом страшном корабле, в затхлой сырой темноте подземелья, и никто не мог подсказать, где настоящий выход, а где ловушка.

– Ти-Жак! – окликнула она.

– Да, моя сладкая, – отозвался боцман, выныривая из темноты.

– Во-первых, «мою сладкую» я прощаю тебе первый и последний раз, – Ти-Жак ощерился в ехидной улыбке, но глаза отвел. – Во-вторых – поднимайте якорь, какого черта? Вода же падает!

– Вы остаетесь на борту, госпожа Нуссер? – официальным тоном осведомился Ти-Жак.

– Да.

– Хорошо, хранительница, – поклонился боцман. – Поднимайте якорь! – заорал он матросам. – Шевелитесь, шевелитесь, живо!

– Как тебя понимать? – спросил неслышно подошедший сзади Карререс.

– Я решила, что просто буду доверять тебе, – ответила Элли, не оглядываясь. – Нет, не так. Я не могу. Но могу поступать так, будто бы доверяю.

«Безымянный» качнулся, подхваченный течением, и она ухватилась за фальшборт. Оглушительно взревел мотор, выбросил сизое облачко удушливого дыма, застучал ровно и дробно, рассыпая по тоннелям звук, как обкатанную гальку. Перед глазами поплыли обросшие тиной стены, потолок тоннеля ушел вверх – бриг вышел в большой канал.

– Мама умерла? – спросила Элли.

– Да.

Элли кивнула, ощущая лишь тихую грусть.

– Ты еще можешь посадить меня на берег, – проговорила она, помолчав. – Но я буду рада, если ты разрешишь мне остаться.

– Я тебя не гоню, – ответил Карререс.

Когда Элли решила оглянуться, доктора на палубе уже не было.

Глава 36

Путь на Бимини прошел в полусне, бредовом, жарком. Элли потеряла чувство времени и не знала даже, часы, дни или недели миновали с тех пор, как «Безымянный» ушел со своей затянувшейся стоянки. Она не заметила, как лабиринт катакомб сменился лабиринтом Пределов, блики фонарей на влажных, поросших тиной сводах – блеском бледных звезд в подернутом дымкой ночном небе, промозглая мертвая сырость – влажным горячим дыханием, полным соли и сонного движения волн.

«Безымянный» скользил по серой воде, окутанный серыми облаками, подернутый серым жемчугом осевших капель. Иногда туман рассеивался, открывая изъеденные прибоем рифы, обнаженные отливом. Море вокруг островов наливалось солнечной бирюзой. Жаркие говорливые городки вырастали на месте индейских деревень, – в порту одного из них, с полупознакомым названием Талар, «Безымянный» встал на якорь. На борт погрузили завернутый в мокрую мешковину брус льда; один из углов торчал из-под тряпок, сверкая на солнце алмазным блеском, и Элли, встав на колени, прижималась к нему щекой и вдыхала снежную свежесть, пока Карререс не отвел ее за руку в сторону. Матросы подхватили лед и поволокли в трюм. Элли вспомнила, что там прячется Венни, и хотела рассказать об этом Каррересу, но доктор куда-то исчез, а она сама снова оказалась в гамаке. Вокруг опять стоял туман, был штиль, и «Безымянный» пыхтел дизелем, оставляя за собой ядовитый дымный

след.

Элли задремывала в пахнувшей йодом духоте, и ей снилась аптека, отец с кружкой кофе в руке, бормочущий над монетами. Снилось, что ничего не было, что жизнь продолжается, и в ней никогда не появлялся Анхельо, – покой, уют, все как прежде, в кино с Гербертом, домой к девяти. Вязкая беспомощность, духота, и невозможно объяснить, что все должно быть иначе, – никто не верил, да она и сама едва помнила об этом, и лишь подспудное беспокойство подсказывало, что что-то не в порядке. Элли просыпалась в слезах от невыразимо тоскливого воя корабельной сирены и не моргая смотрела, как мимо «Безымянного» осторожно пробирается каботажный теплоход в потеках ржавчины на железных боках.

Элли выпутывалась из гамака и шла на нос. Там Ти-Жак и Гай напряженно следили за рыбой, отзываясь на малейший ее поворот движением штурвала. Щека Гая была перепачкана машинным маслом. В доске рядом со штурвалом виднелась извилистая трещина, похожая на карту реки. По палубе степенно расхаживала игуана, с робким любопытством совалась в шпигаты, выбиралась обратно, пятясь задом, и продолжала прогулку.

В полосатом шезлонге, появившемся на бриге после стоянки на Таларе, сидел Карререс с исчерканными, измятыми бумагами на коленях, и протирал запотевшие от тумана очки. Иногда он начинал рассеянно драть ногтями вымазанные смолой запястья, оставляя красноватые расчесы. Карререс болезненно кривился, подрагивал ноздрями, будто чувял какой-то неприятный запах, замирал, досадливо и тревожно хмурясь от каких-то мыслей, и, забывшись, снова принимался скрести ссадины.

Элли становилась рядом. Карререс с рассеянной улыбкой сжимал ее руку, не переставая копаться в записях; постепенно его хватка ослабевала, ладонь Элли выскальзывала из его пальцев, и доктор склонялся над только что нарисованной схемой – уже без улыбки, сосредоточенный и напряженный, не видящий никого вокруг.

Чувство невыносимо горькой потери охватывало Элли еще сильнее, чем в недавнем сне; она брела к гамаку и, свернувшись в клубок, ложилась так, чтобы видеть профиль Карререса. Любое его движение отзывалось в Элли волнами нестерпимой, безнадежной нежности. До боли перехватывало горло, подступали бессмысленные слезы, и она закрывала глаза. Раскаленный невидимым за тучами солнцем воздух казался свинцовым; он тяжело наваливался, плавил, продавливал – сквозь гамак, сквозь палубу... Элли снова вспоминала про Венни, о том, что мальчишка мучается в трюме. Там, где когда-то прятался сундук с подарками для Реме, теперь лежало ее тело. Надо сказать Анхельо, думала Элли и засыпала; ей снился заплаканный мальчик с горстью зеленых перьев в руках, ледяной брус рассыпался разноцветными стеклянными шариками, оставалась лишь банка с мозгом капитана Брида, и Реме презрительно кривила рот, отвергая подарок.

Элли разбудило неожиданное безмолвие. Ставший привычным гул мотора стих, и в первый момент показалось, что бриг встал на якорь. Она выпрыгнула из гамака и пошатнулась, когда «Безымянный» взрезал волну. В лицо полетели легкие брызги, отрезвляя, приводя в чувство. Тишины не было. Легкие волны бились о борт, издали неслись птичьи крики. Поскрипывали корабельные снасти, шлепали по палубе босые ноги матросов, и ветер хлопал парусами, заглушая голоса. Элли втянула носом свежий, пахнущий зеленью воздух, окончательно приходя в себя. Кто-то разговаривал на капитанском мостике. Размахивая руками для равновесия, Элли пошла на звук.

За штурвалом стоял один из матросов – он был неподвижен и лишь придерживал рулевое колесо, чтобы не дать летящему бригу сбиться с курса. Карререс, Ти-Жак и Гай сгрудились над банкой. Через голову боцмана Элли увидела, что рыба больше не вертится – она зависла в густой жиже, четко нацелившись тупым носом вперед. «Бакштаг, – сказал боцман, – хорошо идем, через полчаса бросим якорь. Не подвел, кэп...». Подбородок Ти-Жака вдруг затрясся, он сипло закашлялся, отворачиваясь и пряча лицо за рукавом.

Карререс оторвался от банки и встретился взглядом с Элли.

– Дошли, – сказал он и тревожно рассмеялся. – Дошли!

В один шаг оказавшись рядом, он сгреб Элли в охапку, прижал, отодвинул, заглядывая в глаза, и вновь рассмеялся. Взъерошил и без того взлохмаченные ветром волосы.

– Посмотри!

Элли со слабой улыбкой смотрела, не в силах оторваться, – но не туда, куда указывал Карререс, а на него самого, ловя тень незнакомца, которым он был только что.

– Анхельо, – прошептала она.

– Да посмотри же! – Карререс тряхнул ее за плечи.

Бимини лежал перед ними, весь мохнато-зеленый, в серебристой дымке, прикрывавшей макушки гор. Легкая муть отмечала устье реки. Остров расплывался, будто мерцал, – то ли в дрожащем мареве горячего влажного воздуха, то ли в слезах, навернувшихся от ветра. Элли сморгнула – и остров стал четким, будто навели резкость.

Рядом тихо вздохнул Карререс, отпуская Элли. Только сейчас она поняла, что все это время доктор крепко, до боли и синяков сдавливал ее руку.

– Рыбка Бридиди, – пробормотал доктор и снова рассмеялся, коротко и сухо. – Я очень опасался, что после злосчастной поэмы остров полностью уйдет на ту сторону. Тогда капитан бы нам не помог, да и ничто бы не помогло. – Карререс тихо вздохнул. – Камень с души, – сказал он.

Элли с хмурым удивлением покачала головой.

– Ты мне не говорил...

– Не хотел валить на тебя лишние сомнения. Ты и с теми, что есть, еле справляешься...

– Интересно, о чем ты еще промолчал?

Не ответив, Карререс взглянул на хронометр.

– У нас останется часа три до прилива, – сказал он. – Надо будет успеть похоронить Реме.

Лицо Элли разом окаменело, и она отвернулась, пряча глаза, делая вид, что внимательно рассматривает остров.

– Ты не виновата, – сказал Карререс.

– В том-то и дело. Я убила ее, но не чувствую себя виноватой, – ответила Элли голосом, сдавленным от отвращения к самой себе. – Почему-то мне ее совсем не жалко. Я чувствую себя такой свиньей!

– Ты не знала ее, Элли. К тому же она должна была умереть.

– Никто не должен умирать!

– Ну, это ты хватилась, – грустно улыбнулся Карререс. – Пойми, то, что делает тебя хранительницей источника, не может принадлежать двоим...

– Так пусть бы принадлежало ей.

– Она отказалась. С того момента, когда она села в каноэ, твердо решив не возвращаться, она перестала быть хранительницей и не смогла бы спасти источник, даже если бы захотела. Цепь прервалась, и сила стала недоступной. Смерть Реме высвободила ее.

– Откуда ты все это знаешь? – сердито спросила Элли.

– Вычислил, – развел руками Карререс. – И ты догадывалась об этом, – добавил он, присмотревшись к Элли. – Ты была всего лишь орудием судьбы. Не толкни ты ее в воду – из кладки выпал бы на голову кирпич... Поэтому ты и не чувствуешь вины.

– Значит, судьба? – горько усмехнулась Элли. – Я думаю – стоят ли все чудеса Бимини одной человеческой жизни? Мама погибла. Ты говоришь – судьба, ладно... но папа – остался один, он несчастен, ему больно... И это сделала я. Ради чего?

– Перестань выпрашивать у меня отпущение грехов, – разозлился Карререс. Элли прикусила губу и отвернулась, и он продолжал чуть мягче: – Я бы с радостью, но...

– Что, уже приехали? – сквозь зевок спросил за спиной детский голос.

Карререс резко обернулся и уставился на Венни, хватая ртом воздух.

– Пришли! – наконец рявкнул он. – Ездят – на машинах! На кораблях – ходят!

Венни опустил голову, и его уши запылали.

– Я оговорился случайно, вообще-то я знаю, – пролепетал он. – Так пришли?
Карререс застонал.

Глава 37

Гай остался на бриге за главного. Близость Бимини не сводила его с ума, как других зомби, но все же заставляла изрядно нервничать, – музейный смотритель долго раздирался между любознательностью и неясным страхом, но в конце концов все же решил не высаживаться на берег. Кроме того, кто-то должен был присматривать за Венни и игуаной – на невменяемых от тревоги матросов надежды было мало.

Венни попытался поднять бунт, но быстро сообразил, что уговорить Карререса не удастся, и буянил больше из принципа. В конце концов мальчишка уговорился. Большую роль в этом сыграл Гай, вовремя упомянувший заплывающих в бухту акул, то и дело нападающих на пловцов, и бури, которые неожиданно налетают на корабли и крушат все вокруг. Перед такими соблазнами озеро меркло. Венни, гордый и молчаливый, начал готовиться к неизбежной героической гибели. Он подарил Элли горсть разноцветных стеклянных шариков, до смешного напомнивших Каррересу сокровища, припасенные Бридом для Реме, и повернулся к доктору.

– Для вас у меня тоже есть подарок, – все еще обиженно сказал он Каррересу. – Только пообещайте, что используете его только в самом крайнем случае.

– Обещаю, – торжественно сказал Карререс.

Сурово хмурясь, Венни достал из-за пазухи чуть треснувшее яйцо – зеленоватое, в карюю крапинку.

– Это волшебное, – сказал он, не замечая, как застыло лицо Карререса. – Я его у колдуна стянул... ну, то есть... – Венни покраснел и почесал в затылке. – Вы его берегите, ладно?

– Конечно, – ответил доктор. Его пальцы чуть дрогнули, когда он осторожно взял яйцо в ладонь, стараясь не повредить хрупкую скорлупу.

Спустившись в шлюпку, он аккуратно уложил подарок в ложбинку между шпангоутами и сел на весла. Ти-Жак направил лодку к невысоком мысу, обрамлявшему бухту с севера, – тому самому, о котором шептала Каррересу Беглая. Там, выступая за линию джунглей, отдельно росло раскидистое манговое дерево. Под ним и похоронили Реме. Над могилой установили продолговатый камень с именем. Ти-Жак попытался было припомнить какую-нибудь католическую молитву и бросил, не произнеся и пары фраз, – да и какой смысл был молиться над могилой язычницы исчезнувшего племени, чьи обряды давно были забыты, а заброшенные боги ушли... Помолчав, они втроем вернулись к устью. Дальше ждать было бессмысленно: русло пересохло, море занесло его песком, и даже в самый высокий прилив вода вряд ли поднималась здесь выше, чем на полфута. Переложив провизию и воду в рюкзаки, они зашагали вверх по реке: впереди – Карререс с рыбой-компасом в руках, Элли и Ти-Жак – следом.

Они давно прошли мангровые заросли, а русло все петляло и ветвилось, то и дело теряясь в болотистой почве, исчезая в зарослях тростника, где под ногами чавкала жирная грязь, пучившаяся метановыми пузырями, а неподвижный горячий воздух звенел от пения москитов. Вместо благородных великанов, сплетающих ветви в зеленые своды тоннеля, на берегах остался лишь гнилой бурелом, едва заметный под бурно разросшимся подлеском. От подернутых ржавой пленкой луж поднимался пар и натужно колыхался тяжелыми пластами на уровне щиколоток.

Постепенно Элли впала в подобие транса. Мир подернулся сумраком; сквозь полуопущенные ресницы чудилось, что края предметов расплываются и светятся бледным синеватым пламенем. Элли казалось, что она всю жизнь идет по этому болоту, автоматически переставляя ноги и заботясь лишь о том, как бы не потерять из виду широкую спину человека, идущего впереди, – а он истаявал, сливался с миром и растворялся в нем, и

вот уже Элли шла одна, не зная куда, помня лишь, что надо идти. Здесь не было ни запахов, ни звуков, мир умер, превратился в могильную землю, но страха не было, была лишь безграничная тоска и на дне ее – надежда, что болото не вечно, что если не останавливаться, то рано или поздно выйдешь туда, где есть чистая вода и свежий ветер...

Элли больно ударилась носом об спину Карререса и очнулась. Нещадно ныли стертые ноги. Тело зудело от грязи, пота и комариных укусов. Голова шла кругом. Солнце казалось огромным утюгом, который все падал и падал прямо на макушку, – а от раскаленных камней под ногами, присыпанных истлевшими в скрипучую пыль листьями, несло жаром, как из печки. Кто-то подтолкнул Элли в спину, и она машинально сделала несколько шагов – идти пришлось в гору, такую крутую, что пришлось упираться руками в обжигающую гальку. Это было невыносимо, но когда она подумала, что сейчас упадет, откуда-то сверху протянулась рука.

Элли втянули на разошедшиеся мостки. Тень. Льющаяся в пересохший рот вода – степлившаяся, но все равно безумно вкусная. Озабоченный голос откуда-то издалека, из древесной кроны.

– Я нормально, – прохрипела Элли и снова потянулась к бутылке с водой.

К источнику отправились на следующий день – накануне сил едва хватило на то, чтобы подвесить гамаки. Старый лагерь Брида давно развалился, и Карререс с Ти-Жаком встали прямо у дома хранительницы. Гамак Элли повесили на веранде: дом был слишком запущен, полон пыли, сухих листьев и дохлых насекомых, и только сонливые от жары гекконы слегка оживляли пустые комнаты. Проснувшись, Элли не смогла сдержать стон: тело болело так, будто накануне она прошла не десяток миль, а по крайней мере сотню. Мысль о том, чтобы лезть по камням к источнику, приводила в ужас, но Карререс был непреклонен.

Элли карабкалась следом за Каррересом, цепляясь за желтоватые стебли – жилистые плети с бледно-зеленой мясистой листвой давно вытеснили памятные Каррересу нежные выюнки и колючки с яркими цветами. Обнаженное дно озера сверху походило на темно-серую воронку, чудовищный рукотворный карьер, залитый неровным асфальтом. На его краю рыжела крыша дома; рядом поднимался сизый дымок – там возился Ти-Жак, отказавшийся идти к источнику. Гранитный утес, с которого когда-то падал в озеро ручей, походил на бетонную стену, и гранатовое деревце на камне у его подножия было еле живо – чахлое, пожелтелое. Но джунгли на склонах долины, хотя и поблекли, были по-прежнему живы, и это было хорошим знаком.

Карререс петлял, выбирая дорогу. Паутина все еще пересекала щели между валунами, но выглядела странно: слишком густая, без намека на геометрическую правильность и симметрию, будто эскизы для нее рисовал художник-абстракционист. Редкие мошки трепетали в липких нитях, но ни один паук не торопился к добыче. Камни под паутиной были усеяны сероватыми катышками, – присев на корточки, Элли поняла, что это мертвые паучки. Иссохшие, с судорожно поджатыми лапками, они, казалось, умерли от истощения, надорвавшись над своей безумной работой.

Наконец они взобрались на утес. Подушка из сухого папоротника похрустывала под ногами, чуть прикрытая живыми, но уже подернутыми ржавчиной перистыми листьями. Русло ручья едва угадывалось, занесенное многолетним слоем сухих листьев, на котором сумела прорасти чахлая трава и даже небольшие кустики. Не зная Карререс, что кроется под мусором и нанесенной дождями землей, он принял бы ручей просто за полосу более скудной, чем вокруг, почвы.

Доктор раскидал листья ногой – посеревший гранит по-прежнему покрывали рисунки, но ложбинки узоров забились пылью и трухой, и приходилось внимательно всматриваться, чтобы заметить узор. Так они дошли до болотца, из которого раньше вытекал источник, – но нашли там только россыпь камней, поросших лишайником и колючими можжевельниковыми кустами.

Элли огляделась, чуть не плача, и вдруг замерла, склонив голову набок. Ее глаза

заблестели; тихо вскрикнув, хранительница упала на колени и прижалась ухом к камню.

– Вода! – вскрикнула Элли. – Там, под камнями, есть вода!

Карререс присел, положил на неровный булыжник ладонь, и почувствовал, как в руке легкой дрожью отзывается едва уловимый шум подземного потока, тихие удары капель о камни. Вода была очень, невообразимо далеко – но она была.

– Как бы туда добраться, – пробормотал Карререс. Попытался заглянуть в щель между камнями, моргнул, силясь проникнуть взглядом сквозь темноту, и выпрямился. – Понять бы, насколько глубоко ушла вода, – сказал он.

– У меня есть идея, – сказала Элли и с застенчивой улыбкой вытащила стереоочки. Карререс издал неопределенный звук.

– Совсем глупо, да? – робко спросила Элли.

– Почему же, попробуй, – пожал плечами Карререс. – Откуда нам знать...

Выбрав расщелину поглубже, Элли встала на четвереньки, надвинула на глаза очки и заглянула между камнями.

– Ну, что там? – нетерпеливо спросил Карререс.

– Там какая-то пленка, – растерянно отозвалась Элли. – Шершавая такая. То есть не пленка... Я ее не глазами вижу, – жалобно объяснила она. – А под ней – вода. Только у нее сил не хватает...

Элли не глядя нашарила на земле какую-то веточку, и, сосредоточенно вытягивая губы трубочкой, принялась тыкать ею между камнями.

– Что ты делаешь? – удивился Карререс.

– Я подумала – если ее порвать как-нибудь... Ах черт!

Веточка выскользнула из вспотевших пальцев и провалилась в расщелину. Элли сняла очки и уселась на камни, растерянно глядя на Карререса.

– То есть ты пыталась проткнуть веточкой пленку, которую не видно глазами... скорее всего – пленку между мирами? – уточнил Карререс, с трудом сдерживая смех.

– Ну да, – смущенно кивнула Элли.

– Сильный ход, – кивнул Карререс. – Значит, порвать... – задумчиво проговорил он. Присел рядом, прислушиваясь к рокоту под камнями. – Я все думаю – зачем Венни забрался к нам в трюм? – неожиданно спросил он.

– Хотел поприключаться, – слегка ошарашено ответила Элли. – Это же очевидно...

– Конечно, – кивнул Карререс и полез в слегка оттопыренный карман. – И подарок совершенно случайный...

Он вытащил яйцо, которое Венни подобрал во дворе Ван Вогта, и повертел в пальцах, давая Элли рассмотреть узор из крапинок.

– Не верю я в такие случайности, – сказал он. – Выглядит точно так же, как то, что чуть не угробило нас с Шенноном.

Элли испуганно прикусила губу и потянулась к Каррересу, пытаясь остановить его, но тот уже осторожно просунул руку с яйцом в расщелину между камнями. «Не надо», – пискнула Элли; Карререс, сосредоточенный и напряженный, улыбнулся ей краешком рта и разжал пальцы.

Они замерли. Прошло несколько мгновений абсолютной тишины; Элли казалось, что она уже несколько раз умерла от страха. Тишина все длилась и длилась, а потом из-под камней донесся тихий влажный хруст разбитого яйца. Элли зажмурилась, вцепившись в руку Карререса, в ожидании неотвратимого, невыносимого ужаса. Секунды тянулись мучительно медленно, воздух стал таким вязким, что трудно было дышать, и уже хотелось, чтобы случилось хоть что-нибудь, лишь бы закончилось это бесконечное ожидание кошмара. Элли жалобно застонала сквозь стиснутые зубы.

– Да, не вышло, – разочарованно сказал Карререс.

Элли открыла глаза. Доктор лежал на животе, прижавшись ухом к камню и печально двигая бровями.

– Не сработало, – повторил он и встал.

Пройдя пару десятков футов вниз по руслу, Карререс вдруг почувствовал, что за спиной никого нет. Он обернулся и в первый момент подумал, что Элли немного не в себе от жары и разочарований: вернувшись к болотцу, она склонилась над трещиной и, бледная от страха, что-то говорила, быстро шевеля губами.

– Цыпа-цыпа-цыпа, – донеслось до Карререса. Он вздохнул. Элли, робко улыбаясь, поднялась с коленок и пошла к доктору, медленно, все время оглядываясь, будто не уверенная в том, что сделала все, что могла. Карререс махнул ей рукой, чтобы догоняла, и побрел к обрыву. Под ногами сухо хрустело; нещадно палило солнце, но доктора продирало озноб. Все казалось каким-то белесым, затянутым морозной мглой; холод, отступивший было, когда Карререс вернулся на Бимини, подбирался снова, готовый вцепиться в мозг ледяными лапами, но что-то ему мешало дотянуться, окутывало доктора солнечным коконом...

Карререс тряхнул головой, возвращаясь в реальность. Элли стояла рядом и, хмурясь, прислушивалась к чему-то. Сосредоточившись, доктор уловил смутную дрожь, далекий рокот, ощущаемый кожей, заставляющий подниматься волоски на хребте. Рассеянный солнечный свет приобрел странный рыжеватый оттенок, и на скулы Элли легли оранжевые блики. Карререс взглянул наверх и обмер.

Легкая дымка, затянувшая Бимини, густела. Посеревшее небо вспучивалось громадными башнями кучевых облаков; их белые бока на глазах наливались багровой синевой. Дневной свет сменился тревожными сумерками, и рокот ощущался все сильнее; он, казалось, раздавался под самым черепом, все нарастая, и наконец взорвался раскатистым громом.

Лиловая молния вспорола брюхо огромной тучи, и, вспенивая землю, на Бимини с грохотом обрушился ливень.

Дождь был так силен, что уже через минуту по руслу шумно устремился пенистый мутный поток, сдирая с гранитного ложа многолетний слой мусора и грязи, с корнем выворачивая травяные куртинки и молодые кусты. Элли радостно завизжала и прыгнула в ручей. Она приплясывала и разбрызгивала босыми пятками жидкую грязь, которую тут же смывало дождевыми струями. Серый налет сухой плесени по краям русла, там, где течение было не таким яростным, на глазах наливался влагой, чернел и набухал, и уже шевелились в воде крохотные темные листочки, какие-то скользкие ниточки и стебельки, едва различимые в пузырящемся, бурлящем потоке. Гром уже грохотал непрерывно; он катался по каменной чаше долины, как гигантское золотое яйцо, и за рокотом и ревом воды Карререс мог только угадывать крики и смех Элли.

Она поскользнулась, проехала на попе прямо под ноги доктора; Карререс подхватил ее за шиворот, поднял, мокрую и хохочущую, горячую под пропитанной водой одеждой, и пока он целовал ее, ливень кончился, и только отдельные крупные капли падали с глянцевого, играющих красками листьев.

Элли и Карререс замерли, прижавшись друг к другу. Они молча смотрели, как мутный, вздувшийся поток дождевой воды опадает и скатывается в озеро, срывая с берегов хлопья желтоватой пены. Яростный грохот бурной воды стихал, превращался в журчание, мягкое, мурлыкающее, – и сквозь него пробивался звон маленького водопада. Муть схлынула; вода завивалась над резным орнаментом в косы, будто сплетенные из золотистого стекла, вертелась крохотными водоворотиками и устремлялась дальше, прозрачная и чистая.

– Это ведь не дождевая вода, правда? – с отчаянной надеждой спросила Элли. – Дождевая уже ушла...

Карререс молча улыбнулся и подвел ее к краю обрыва. Долина сверкала глянцевым разноцветьем, и Элли подумала, что она и не умирала никогда от жажды – просто подернулась пылью заброшенности, которую смыл ливень. Галька на дне озера потемнела и блестела, будто полированная, а в глубокой яме под водопадом уже скопилась лужица воды. Гранит на уступе стал чуть склизким, и было понятно, что вскоре он снова зарастет черными

водорослями, узоры скроются с глаз, но их сила будет передаваться протекающей по плоскому руслу воде; озеро наполнится, и его испарения затянут джунгли Бимини туманом, разъедающим стены между мирами.

– Пойдем, расскажем Ти-Жаку, – сказал Карререс. – Да и есть охота...

– Только не яичницу, – улыбнулась Элли.

Мокрые валуны были скользкими, но радость придавала сил и ловкости. Элли и Карререс быстро спустились и вдоль берега зашагали к дому. Но постепенно Элли начала отставать; она стала задумчива, даже печальна, и то и дело оглядывалась через плечо на струйку воды, падающую с утеса.

– Поторопись, – подогнал ее Карререс. – Хочу поскорее обрадовать Ти-Жака, если он еще не понял.

– Я бы не стала, – грустно ответила Элли.

– Почему?

– Ты говорил, что у тебя разом прошли все ссадины, как только на них попала вода, – тихо напомнила Элли и протянула Каррересу руку, ободранную накануне об камни на дне пересохшего озера. Ладонь по-прежнему пересекали покрасневшие, воспаленные царапины.

Элли ускользнула, как только стемнело, ни слова не сказав ни Каррересу, ни Ти-Жаку. Пробираясь вдоль уже наполненного водой озера, она вслушивалась в шорохи джунглей. Стволы деревьев чуть светились в темноте, мерцали светляки, и высоко в кронах металась похожая на горящий уголек ночная бабочка. Печально посвистывала маленькая птица; из-под ног юркнул какой-то зверек и с плеском нырнул в воду, подняв россыпь голубоватых брызг. Элли плохо понимала, куда идет и что должна сделать, но не сомневалась, что сообразит, как только окажется на месте.

Камень, похожий на лодку, выплыл из темноты неожиданно, едва заметный на фоне темного и блестящего от влаги утеса. Элли ловко перебралась через расщелину, будто лазала по этому валуну всю жизнь. Мокрая от росы, короткая и густая трава приятно холодила босые ноги. От гранатового деревца волнами наплывал нежный запах цветов. Элли подошла к очагу, пошарила под камнями, – под руки подвернулось несколько сухих веток. Она сложила их аккуратным шалашиком и щелкнула зажигалкой.

Пламя чуть подрагивало, отражаясь в водопаде; от деревца на воде колыхалась узорная тень. Журчание воды казалось серебристым, будто звуки челесты; огонь потрескивал, задавая ритм, и Элли невольно качнулась, отзываясь на мелодию. Что-то мешало. Элли стянула с себя платье, скомкала и отбросила на берег. Сухое потрескивание стало раскатистым, густым, будто рокотали вдали маленькие барабаны. Гулко застучало сердце, отвечая, и водопад раскинулся серебристыми нитями, жадно впитывая тепло тела, жар танца, огонь, загорающийся в крови, горячий пот, пламя на щеках.

Элли танцевала под музыку Бимини. Ее не было сейчас – в прохладном коконе ночи остался лишь сгусток жаркой силы, жажды жизни, разрывающий границы между мирами, освещающий холодный туман, наполняющий воду волшебством. Элли танцевала. Что-то врывалось в музыку, изменяло ее, добавляло низких звуков в тонкое пение ручья, – шаги, дыхание, темный, резко очерченный силуэт, шорох травы под ногами, – Элли откликнулась на новую мелодию, шагнула навстречу. Прохлада, исходящая от источника, сменилась жаром рук, скользких по горячей коже, раскрывающих, выворачивающих наизнанку, и Элли отдавала свою жизнь до капли, до донышка, и наконец в изнеможении упала на траву, опустошенная, растворенная в источнике, в руках Карререса, во всем мире, – и переполненная жизнью и силой, готовая снова и снова делиться ими.

Полдороги до дома они одолели вплавь, пуская пузыри от беспричинного смеха, брызгаясь и дурачась, и наконец выбрались на мостки, пошатываясь от усталости. Прокрались мимо сопящего в гамаке Ти-Жака – Элли пришлось зажимать себе рот, чтобы не расхохотаться, но, добравшись до дверей, она все-таки не удержалась и тихо захихикала. Карререс прижал ладонь к ее губам, и они вместе ввалились в комнату, пеструю от лунных

теней.

– Я еще ни разу не заходил в этот дом, – сказал Карререс, оглядываясь.

– Тебе здесь нравится? – спросила Элли, стараясь не выдать отчаянную надежду, вдруг охватившую ее.

– Да, уютно, – ответил Карререс, не заметив ее напряженного ожидания, повалился на кровать и зевнул. – Ну и денек, – пробормотал он с улыбкой, – иди сюда...

Элли скользнула под одеяло и забилась под бок Каррересу, уткнувшись носом подмышку.

Она поежилась от утренней прохлады, и Карререс поправил одеяло. Сквозь ресницы Элли наблюдала, как он курит у окна, одевается, негромко переговаривается с Ти-Жаком, стоя в дверях. Это был другой Карререс – совсем незнакомый; незнакомы были расслабленные движения, рассеянная улыбка, будто освещавшая все его лицо, новый оттенок прежде холодных глаз, в которых мерцали теперь золотистые искорки. Как будто старая, жесткая и холодная шкура лопнула и отвалилась засохшими клочьями, а под ней оказался живой человек, которого невозможно было не любить, которому нельзя было не верить, для которого можно было сделать все – лишь бы не уходило от него это тепло. Все, что Элли чувствовала раньше, казалось глупым сном. Горячие волны любви захлестывали ее; Элли вдруг поняла, что проклятие снято – и она видит настоящего Карререса, выбравшегося наконец из ледяного тумана и готового идти дальше.

Карререс вышел. Элли тихо заплакала, улыбаясь сквозь слезы. Нежность и печаль лишали сил; вскоре она снова заснула, и улыбалась во сне. Она сладко дремала, пока солнце не заглянуло в окно и не защекотало лучами ресницы.

Когда Элли вышла на веранду, от костра вкусно пахло жареным мясом. Карререс и Ти-Жак разом подняли головы и уставились на хранильницу так, как будто давно уже отчаялись дождаться.

– Я что-то проспала? – спросила она, наеживая в кружку чай. Карререс с улыбкой покачал головой.

– Есть еще одно дело, – сказал Ти-Жак. – Ты теперь хранильница, может, и справишься.

– С чем?

– Капитана надо освободить, Элли, – сказал Карререс. – Капитана Брида. Вряд ли ты понимаешь, что с ним происходит все эти годы. И хорошо, что не понимаешь.

– Он не орет только потому, что сидит в рыбе, – мрачно добавил Ти-Жак.

– Ты сможешь это сделать?

Элли перестала жевать и задумчиво уставилась на банку.

– Пожалуй, да, – наконец пробормотала она.

– Тебе нужна помощь?

– Не знаю, – ответила Элли.

Поразмыслив еще с минуту, она подхватила банку и встала. За спиной стукнул металл. Элли оглянулась и увидела, что Карререс держит на коленях пистолет Ти-Жака со взведенными курками. Ей стало страшно.

– Может, не надо? – жалобно спросила она.

– Надо, – вздохнул Карререс. – Не пугайся, я на всякий случай. Вдруг он тоже считает меня воплощением зла? – доктор иронически покосился на Ти-Жака, который вдруг страшно заинтересовался содержимым котелка, стоящего рядом с костром.

Не раздумывая больше, Элли быстро подошла к воде, отвинтила крышку и, прикусив губу, вывернула банку в озеро. Хлынул мутной водой глицерин и повис в прозрачной воде облачком; следом шлепнулась рыбина, изогнулась, ударила хвостом и забилась в пятне мути, которое все росло, становилось непрозрачным. В нем вспухали и лопались какие-то темные пузыри, свивались дымные струи, а в центре кипело что-то невидимое. Элли в страхе попятилась к костру. Вода вздыбилась фонтаном и рухнула, оставив безумно озирающегося

капитана Брида стоящим по пояс в воде.

Отфыркиваясь, он полез на берег. Элли ойкнула и отвернулась, сморщившись от отвращения, – синевато-бледный, истощенный Брид был тошнотворен, как гигантская личинка.

– Привет, – сказал Ти-Жак. – Надел бы ты штаны, кэп, здесь дама.

Брид не ответил. Он, не отрываясь, смотрел на Элли со странной смесью тоски, гнева и любви.

– Реме, – сказал он и шагнул вперед. – Наконец-то я нашел тебя, Реме.

Он схватил Элли за плечо и потащил к себе, пытаясь обнять. Элли взвизгнула и лягнулась, выбираясь из цепких рук, но Брид был сильнее. Споткнувшись о доску, он повалился, увлекая Элли за собой. Она закричала, молотя кулаками по бледной, покрытой веснушками костлявой спине, задыхаясь, едва не теряя сознание от страха и вони несвежей рыбы и каких-то лекарств, и оглохла от грохота, раздавшегося над головой. В лицо брызнуло горячим. Тело Брида вдруг обмякло и дернулось вверх, поднятое сильными руками. Элли откатилась в сторону, села, и ее вырвало.

– Извини, – сказал Карререс, – на такое я не рассчитывал.

Элли кивнула и, пошатываясь, спустилась к воде. Карререс и Ти-Жак отнесли тело капитана в сторону от костра; доктор принялся нащупывать пульс, внутренне готовый к тому, что Брид сейчас откроет глаза и закричит.

– Извини, док, – дрожащим голосом проговорил Ти-Жак, – я отойду. Что-то мне не по себе.

Карререс кивнул, вглядываясь в белое лицо капитана, искаженное яростной гримасой.

– Принеси одеяла, – сказал он вслед Ти-Жаку и снова застыл над Бридом.

Шли минуты, но капитан был неподвижен. Карререс почти чувствовал, как душа Брида пробирается сквозь туман, в котором наконец-то забрезжил выход. После стольких лет блужданий и страха капитан все-таки нашел путь и теперь не собирался возвращаться. Отпустив похолодевшую руку капитана Брида, Карререс вернулся к костру.

– Что, все? – дрогнувшим голосом спросил Ти-Жак. Доктор кивнул. – Добился таки своего, – вздохнул боцман, отворачиваясь. – Надо бы похоронить...

– Не здесь, – сказала Элли, уже пришедшая в себя. – Нет, не опасно, – ответила она на вопросительный взгляд Карререса. – Просто мне кажется, надо рядом с Реме. Он все-таки ее любил...

Смутившись, она присела на корточки и принялась рассеянно подбрасывать сучья в костер.

– Девчонка права, – сказал Ти-Жак. – Сделаем плот... заодно и самим не придется идти пешком – русло-то затоплено, зачем по кустам продирайтесь? Пора уже возвращаться на «Безымянный», засиделись.

– Прямо сейчас и начнем, – сказал Карререс и встал, не заметив отчаянного взгляда Элли.

– Чем ты теперь займешься, Ти-Жак? – спросила она, подчеркнуто отворачиваясь от Карререса. – Ты ведь теперь капитан, верно?

– Думаю пока покрутиться на Таларе, а там посмотрим. У Гая была пара идей, – сказал Ти-Жак. – Ты же помнишь, как выбираться в Пределы, док?

Карререс открыл было рот, чтобы ответить, и замер, пораженный.

– Опа, – сказал Ти-Жак, увидев выражение его лица. – Что ж это получается – застряли?!

– Нет, конечно, – отмахнулся Карререс. – Элли, ты ведь помнишь дорогу?

– Ага, – грустно кивнула хранительница. – Надо сначала идти на... – она вдруг сбилась и замолчала. – Я не могу рассказать, – жалобно пробормотала она после паузы. – Только показать. Пройти самой. Получается, вы не сможете уехать, если я не провожу вас? – медленно спросила она, задумчиво глядя на Карререса, и он увидел муку в ее глазах. – Если я не захочу... – не договорив, она вскочила и убежала в дом.

Глава 38

В ветреный и ясный, синий и сверкающий, как крыло зимородка, день «Безымянный» поднял якорь и вышел из бухты Бимини. Бриг легко рассекал волны, чуть подпрыгивая на пенных гребнях. Ти-Жак жмурился на солнце; казалось, он всем телом впитывает тропическое разноцветье. Боцман уже передумал оставаться на Таларе. Они с Гаем собирались идти на Кокос, по дороге сделав крюк до Гуаякиля: неутомимый Гай вспомнил прочитанную в «Географии» статью о сквере игуан, разбитом прямо в центре этого города. Игуана Элли, несомненно, заслуживала хорошего общества, и все решили, что лучше места для нее не найти, а до Кокоса оттуда не так уж далеко. К тому же боцман надеялся взять в Гуаякиле пару-тройку пассажиров – наверняка удастся подбить каких-нибудь туристов на авантюру. Бывшего музейного смотрителя манили легенды о пиратских сокровищах. Ти-Жаку по большому счету было все равно, где болтаться; правда, иногда, слушая его краткие реплики, Карререс подозревал, что боцман не такой уж бессребреник, и зарытые на Кокосе сундуки волнуют его не меньше, чем Гая.

На всем судне нашлось только два страдальца. Венни угрюмо слонялся по палубе, и на его физиономии явно читались хитроумные планы, призванные хотя бы отсрочить возвращение домой. Он задумчиво осматривал мачты; Карререс уже однажды вывел его за ухо из машинного отделения, где Венни вертелся вокруг двигателя с отверткой в руке, и с тех пор не спускал с мальчишки глаз. Элли же, бледная, молчаливая и неприветливая, третий час маялась у борта с подветренной стороны, не рискуя отходить слишком далеко. На вопросы стоящего за штурвалом Ти-Жака она отвечала крайне лаконично. Каждое движение брига, взлетающего на волне и падающего в водяную ложбину, вызывало у нее слабый стон.

– Не понимаю, как Реме умудрялась выходить в море на каноэ, – умирающим голосом проговорила хранительница подошедшему Каррересу.

– Дело привычки, – ответил доктор. – Что, совсем плохо?

– Не, нормально, – Элли храбро попыталась изобразить улыбку и позеленела. – Только ты лучше уйди, – сдавленно добавила она.

Когда Элли смогла выпрямиться, Карререса рядом уже не было. Элли с отвращением вытерла рот, поплескала в лицо забортной водой из стоящего под рукой ведерка и обессилено привалилась к фальшборту. Тошнота доставляла ей извращенную радость, не позволяя думать о том, что будет дальше. Карререс до сих пор ни словом ни обмолвился о своих планах, а Элли не решалась спрашивать, боясь услышать что-то неизбежное и окончательное. Каноэ Реме, крепко принаитованное на корме, казалось, гнусно подмигивало хранительнице, напоминая о неизбежном возвращении к озеру – но уже одной.

«Безымянный» подпрыгнул на волне, к горлу снова подкатило. Элли поднялась на дрожащие от слабости ноги, в глубине души радуясь новому приступу морской болезни, не позволившему думать о расставании с Каррересом, которое становилось все ближе.

– Талар на горизонте, принцесса! – весело заорал Ти-Жак, – отмучалась!

Элли криво улыбнулась и с утробным всхлипом свесилась за борт.

Элли все еще нетвердо держалась на ногах и бессильно висла на руке Карререса, когда выходящая к порту горбатая таларская улочка привела их к шумному перекрестку. Отсюда хорошо был виден мост через пролив, расколовший остров надвое; золотисто-голубой воздух дрожал над расщелиной, размывая дальний берег в мозаику разноцветных пятен. На углу расположилось маленькое кафе; от запахов еды у Элли закружилась голова и свело желудок. Венни шумно потянул носом; в животе у него громко заурчало, и Элли нервно хихикнула.

– «Дохлаый оцелот», – перевел Карререс вывеску и недоверчиво рассмеялся. – По-моему, мы просто обязаны поесть именно здесь.

Доктор шагнул к одному из свободных столиков под пальмовым навесом и

остановился, оглядываясь. Бармен за стойкой метался, разрываемый на части галдящей толпой, и не обращал на них никакого внимания.

– Официантов, я так понимаю, здесь не водится, – сказал Карререс и отодвинул циновку, прикрывающую вход в кафе.

Забегаловка встретила их дымным, вкусным чадом и трубными криками необъятной чернокожей поварахи. Карререс протолкался к прилавку и принялся рассматривать листочек с меню. Элли зажмурилась и прислонилась к плечу доктора, борясь с новым приступом тошноты.

– Сядем здесь или пойдем на улицу? – спросил Карререс.

– На улицу, конечно! – воскликнула Элли, устремляясь на воздух.

Она плюхнулась на первый попавшийся стул и часто задышала, прикрыв глаза. Элли даже не пошевелилась, когда Карререс и Венни, нагруженные тарелками, подошли к столику.

– До сих пор не по себе? – тихо спросил Карререс, и Элли кивнула.

Она сидела с отстраненным видом, вяло ковыряясь в салате, и будто бы старалась не делать лишних движений. То и дело замирала, рассеянно глядя в пространство, словно прислушиваясь к каким-то внутренним голосам. Глаза, обращенные в себя, странно блестели. Карререс взял Элли за руку, тревожно рассматривая побледневшее, прозрачное лицо, чуть припухшие губы, влажные ресницы.

– Ты уверена, что не надо вернуться?

Элли склонила голову набок и опустила подрагивающие веки.

– Нет, там все в порядке, – улыбнулась она через секунду, видимо, получив ответ. – Оно ждет. Знаешь, спокойно так ждет – знает, что я скоро приду... Как большая теплая кошка. Перестань волноваться, Анхельо, меня просто укачало. Такая волна!

Венни насмешливо, но негромко всхрюкнул, одновременно пытаясь выразить презрение к неженке и не обратить на себя внимание Карререса.

– Видела бы ты настоящую волну! – усмехнулся доктор. – Ну, как знаешь...

Он еще раз беспокойно взгляделся в ее лицо и повернулся к Венни.

– Ты доел?

Мальчишка отчаянно замотал головой и принялся с громким хлопаньем всасывать остатки сока, размазанные по стенкам стакана.

– Перестань, – поморщился Карререс и выгреб из кармана горсть мелочи. – Телефон вот там, – кивнул он на будку рядом со входом. – Хватит валять дурака, твоя мать с ума сходит...

Венни попытался спрятать руки, но Карререс силой всунул в липкую ладонь монеты и махнул рукой на телефон. Поняв, что обречен, Венни встал и сделал первый шаг.

– Сухопутные крысы! – прокаркал у бара старушечий голос, чуть дребезжащий, но все еще сильный. – Когда я прошу рому – это значит, что я прошу рому, а не трех капель спирта, залитых колой!

– О, неет, – простонал Венни, обернувшись к Каррересу, и рухнул обратно на стул. В расширившихся глазах мальчишки застыл ужас.

Привстав, Карререс разглядел возвышающуюся у стойки бара невероятную шляпу. Чудовищные бархатные поля, украшенные парой птиц и небольшим кустом бугенвиллеи, плыли над головами. Обширные юбки шуршали и хрустели.

– Боже правый! – воскликнул Карререс. – Как она сюда добралась?!

Владелица шляпы, заполучив наконец свой ром, обернулась, цепко оглядела зал и расплылась в улыбке, увидев Карререса. Доктор испуганно помахал рукой в ответ и посмотрел на Элли. Девушка пыталась выглядеть спокойной, но в глазах хранительницы была та же паника, что и у Венни.

Старуха в шляпе галеоном подплыла к их столику и изящно приземлилась на стул. Стул всхлипнул.

– Доброе утро, госпожа Кэрриган, – выдавил Карререс и криво улыбнулся.

– Доброе утро, доктор Карререс, – ответила та. – Рада вас видеть. Не клади локти на стол, Венни. Я прошу прощения за отвратительные манеры моего внука, доктор. Элли, почему ты не в школе? Заболела?

– Я закончила пять лет назад, – испуганным шепотом ответила Элли.

– Выглядишь ты плохо.

– Меня немножко укачало.

– Вздор. Если бы не твой юный возраст, в котором, конечно, непозволительно подобное поведение, я бы подумала...

– Что? – встрепнулся Карререс. Приблизив свое лицо к лицу Элли совсем близко, он со странной, непривычно-доброй улыбкой принялся рассматривать ее. Элли, смущенно рассмеявшись, потянулась к его губам, но Карререс остановил ее, крепко взяв за подбородок. Элли показалось, что горячие пальцы Карререса перебирают ее нутро. Наконец, рассмеявшись, он откинулся на спинку стула.

– Девочка, – сказал он. – Точно, это будет девочка.

Элли растерянно хлопала глазами и вдруг, глупо хихикнув, залилась краской.

– Вы блестящий диагност, доктор, – прогремела Пэт и залпом допила свой ром. – Венни, попрощайся со своими друзьями, нам пора идти. Спасибо, что взяли развлечь моего внука, доктор.

Карререс замахал руками – мол, не стоит благодарности, – и Пэт Кэрриган, взяв Венни на буксир, вышла из ресторана. Венни уже горячо рассказывал о чем-то прабабке, то и дело энергично тыча рукой в сторону гавани.

– У меня предчувствие, – сказал Карререс, провожая их взглядом.

– Ти-Жак нашел пассажиров?

– Ага, – улыбнулся Карререс. – Так что у нас?..

– Вы блестящий диагност, доктор, – передразнила все еще розовая Элли и показала Каррересу язык. – Но я-то как не сообразила?

Из гавани донесся корабельный гудок, и на лицо Элли набежала тень.

– Ты никогда не спрашивала меня, что я собираюсь делать дальше, – сказал Карререс, заметив, как потухли ее глаза. Элли низко опустила голову.

– И что ты собираешься делать? – тихо спросила она.

– Элли, неужели ты думала, что я просто возьму и уеду? Едва сняв одно проклятие, своими руками повешу на себя новое? Или ты думаешь, что это источник меня согрел? Ох, ну и балда ты, – Карререс покачал головой, с ласковой насмешкой глядя на Элли, не знающую, плакать ей или смеяться. – И вообще – я должен был понять, к чему идет, как только услышал твое второе имя, – добавил он.

– Почему? Чего в нем такого?

– Ван Вогт бы посмеялся, услышав тебя, – ответил Карререс. – А может, и испугался бы. Видишь ли, Барон Суббота – вовсе не одинокий бог.

Лицо Элли вытянулось.

– И ее зовут Бриджит?

– Мама Бриджит, – с усмешкой уточнил Карререс.

Элли ошарашено помолчала.

– А тебя не пугает вечность – вместе? – спросила она. – Если все...

– Почему же вечность, – перебил Карререс, глядя на другую сторону улицы, где Венни вдумчиво совещался с Пэт у пестрящего комиксами лотка. – Шеннон-то умер, и Реме тоже.

– ...если нам будет хорошо... – попыталась договорить Элли и осеклась, потрясенно глядя на Карререса.

– Бессмертие нам больше не грозит, – кивнул он.

Из церкви на углу донесся вой синтезатора и обернулся блозовым проходом. Элли тихо рассмеялась, рассеянно прислушалась к хору и глубоко вздохнула. Пахло морем, горячим асфальтом, печеной на углях кукурузой, посыпанной острым сыром. На тротуаре палевая дворняга лизала молочную лужицу, оставшуюся от оброненного кем-то мороженого.

Надрывались велосипедные звонки и клаксоны, провожая крошечный мотобайк, едва заметный под нагруженными на него длинными связками сахарного тростника. Ветер хлопал желто-зелеными маркизами. И под всем этим жила прохладная тишина Бимини, темные озерные глубины, плеск воды на красноватом граните. Источник ждал. Не Элли, которая, едва успев появиться, уже перестала быть его хранительницей, – но ту, которая уже шла следом за ней.

– Надеюсь, нас не вздернут раньше времени на рее, – сказала Элли, поразмыслив.

– Вряд ли, – успокоил ее Карререс. – Мы ведь будем возражать.